

Анна Политковская Вторая чеченская

Аннотация

Кто я такая? И почему пишу о второй чеченской войне? Я журналистка. Работаю спецкором столичной «Новой газеты», и это единственная причина, почему я увидела войну, – меня послали ее освещать. Но не потому, что я – военный корреспондент и хорошо знаю этот предмет. Наоборот: потому, что сугубо гражданский человек. Идея главного редактора была проста: именно мне, сугубо гражданскому человеку, куда понятнее переживания других сугубо гражданских людей – жителей чеченских сел и городов, на головы которых свалилась война. Вот и все. Поэтому езжу в Чечню каждый месяц, начиная с июля 1999 года (с событий так называемого «рейда Басаева на Дагестан», спровоцировавшего потоки беженцев из горных сел и всю последующую вторую чеченскую). Естественно, исходила всю Чечню вдоль и поперек. Видела много горя. Главное из которого – то, что многие мои герои, о которых писала за эти два с половиной года, – теперь мертвы. Такая страшная война случилась... Средневековая. Даром что на стыке 20-го и 21-го веков и в Европе.

Анна Политковская Вторая чеченская

«...Природа дышала примирительной красотой и силой.

Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звёздным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злости, мщения и страсти истребления себе подобных? Всё недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосредственным выражением красоты и добра.

Война? Какое непонятное явление! Когда рассудок задает себе вопрос: справедливо ли, необходимо ли оно? – внутренний голос всегда отвечает: нет. Одно постоянство этого неестественного явления делает его естественным, а чувство самосохранения – справедливым.

Кто станет сомневаться, что в войне русских с горцами справедливость, вытекающая из чувства самосохранения, на нашей стороне? Если бы не было этой войны, что бы обеспечивало все смежные богатые и просвещенные русские владения от грабежей, убийств и набегов народов диких и воинственных? Но возьмем два частных лица.

На чьей стороне чувство самосохранения и, следовательно, справедливость: на стороне ли того оборванца, какого-нибудь Джемми, который, услышав о приближении русских, с проклятием снимет со стены старую винтовку и с тремя-четырьмя зарядами в заправках, которые он выпустит не даром, побежит навстречу гяурам и, увидав, что русские все-таки идут вперед, подвигаются к его засеянному полю, которое они вытопчут, к его сакле, которую сожгут, и к тому врагу, в котором, дрожа от испуга, спрятались его мать, жена и дети, подумает, что всё, что только может составить его счастье, всё отнимут у него, – в бессильной злобе, с криком отчаяния сорвет с себя оборванный zipунишко, бросит винтовку на землю и, надвинув на глаза папаху, запоем предсмертную песню и с одним кинжалом в руках очертя голову бросится на штыки русских?

На его ли стороне справедливость, или на стороне того офицера, состоящего в свите генерала, который так хорошо напевает

французские песенки именно в то время, как проезжает мимо нас? Он имеет в России семью, родных, друзей, крестьян и обязанности в отношении их, не имеет никакого повода и желания враждовать с горцами, а приехал на Кавказ... так, чтобы показать свою храбрость. Или на стороне моего знакомого адъютанта, который желает только получить поскорее чин капитана и тепленькое местечко и по этому случаю сделался врагом горцев?»

«Набег. Рассказ волонтера». Его написал ровно 150 лет назад, в 1852 году, 24-летний русский боевой офицер граф Лев Николаевич Толстой

Предисловие

Кто я такая? И почему пишу о второй чеченской войне?

Я журналистка. Работаю спецкором столичной «Новой газеты», и это единственная причина, почему я увидела войну, – меня послали ее освещать. Но не потому, что я – военный корреспондент и хорошо знаю этот предмет. Наоборот: потому, что сугубо гражданский человек. Идея главного редактора была проста: именно мне, сугубо гражданскому человеку, куда понятнее переживания других сугубо гражданских людей – жителей чеченских сел и городов, на головы которых свалилась война.

Вот и все.

Поэтому езжу в Чечню каждый месяц, начиная с июля 1999 года (с событий так называемого «рейда Басаева на Дагестан», спровоцировавшего потоки беженцев из горных сел и всю последующую вторую чеченскую). Естественно, исходила всю Чечню вдоль и поперек. Видела много горя. Главное из которого – то, что многие мои герои, о которых писала за эти два с половиной года, – теперь мертвы. Такая страшная война случилась...

Средневековая.

Даром что на стыке 20-го и 21-го веков и в Европе.

Лондон. Май 2002. Встреча

Канун лета 2002 года, 33-й месяц второй чеченской войны. Беспросветность и непроглядность – во всем, что касается ее финала. «Зачистки» не прекращаются и похожи на массовые аутодафе. пытки – норма. Бессудные казни – рутина. Мародерство – обыденность. Похищения людей силами федеральных военнослужащих с целью последующей работы (живыми) и трупо- (мертвыми) торговли – тривиальный чеченский быт.

Ритуал а 1а «37-й год» – бесследные ночные исчезновения «человеческого материала».

По утрам – раскромсанные, изуродованные тела на окраинах, подброшенные в комендантский час.

И в сотый, тысячный проклятый раз – слышу, как дети привычно обсуждают на сельских улицах, кого из односельчан и в каком виде нашли... Сегодня... Вчера... С отрезанными ушами, со снятым скальпом, с отрубленными пальцами...

– На руках нет пальцев? – буднично переспрашивает один подросток.

– Нет, у Алаудина – на ногах, – апатично отвечает другой.

Государственный терроризм, противостоящий негосударственному. Ваххабитские банды, налетающие на села и требующие «денег на джихад»... Полное моральное разложение почти 100-тысячного армейского и милицейского контингента, «гуляющего» по Чечне. И ответ, которого следовало ожидать, – воспроизводство терроризма и рекрутирование новых бойцов-сопротивленцев.

Кто виноват? Как в этом разобраться? И понять всё и всех?

Как чувствуют себя главные действующие лица второй чеченской войны? Президент Масхадов? Избранный народом и потому принявший на себя ответственность

за его судьбу?... Масхадов – в горах... Виртуальный для своего народа и, как правило,

хранящий молчание по любому поводу... Сподвижники Масхадова? Они разбежались по свету... Басаев? Гелаев? Хаттаб?...

А Путин? Он – в Кремле, принимает почести мирового сообщества как активный член международной ВИП-«антитеррористической группировки», в смысле «коалиции войны против террора»... Май 2002-го. Буш – в Москве... Братание... «Исторический визит»... Про Чечню – почти ни слова, будто нет войны...

Мельтешение мировых столиц перед глазами в поисках поддержки – весной побывала в Амстердаме, Париже, Женеве, Маниле, Бонне, Гамбурге... Везде зовут «сказать речь о ситуации в Чечне» – и... нулевой результат. Только вежливые «западные» аплодисменты в ответ на слова: «Помните, в Чечне *каждый день* продолжают гибнуть люди. Сегодня – тоже».

Очевидное, хотя и невероятное общемировое предательство общечеловеческих ценностей. Уже совершенно ясно, что Декларация прав человека, продержавшись чуть более полувека, пала на второй чеченской войне...

Из Женевы, с вялых заседаний «официальных правозащитников» (Комиссии по правам человека ООН) – в командировку в Урус-Мартан, чеченский райцентр. Там – кровавая стагнация: как и год назад, все без изменений. Туда-сюда по району гоняют «эскадроны смерти» – федеральные спецподразделения неясной ведомственной принадлежности, задача которых – уничтожать «врагов России». Всех воевавших за Дудаева и Масхадова, сочувствующих им и просто случайно подвернувшихся под руку...

Май 2002-го – унылый привкус тупика.

* * *

...Наконец, Англия. Респектабельная гостиница на дорогой улице. Полный достоинства пожилой швейцар-аристократ в горделивой бордовой ливрее. Навстречу медленно поднимается седой человек с остановившимися глазами. На нем мешковатый светло-серый костюм, только подчеркивающий трагическую усталость. Расслабленные плечи опущены. Человек – чеченец, родом из Урус-Мартана, где не был уже два года. Не мог там быть – такая война получилась. Человек слишком часто озирается – как бездомный. Ему неуютно в жизни, несмотря на швейцара, богатую гостиницу и космополитичную Англию вокруг. Ищу прежние черты. Мир знает «седого» совсем другим – по фотографиям, обошедшим все экраны, страницы и агентства. Бравым, рьяным и пассионарным, в косынке цвета хаки, повязанной назад, всегда рядом с Масхадовым... Человек-легенда – Ахмед Закаев. Бригадный генерал сил чеченского Сопротивления, сподвижник Дудаева и Масхадова, активный участник Хасавюртовского мирного процесса времен окончания первой чеченской войны, командир бригады особого назначения второй чеченской войны, раненный в марте 2000-го, вынесенный с поля боя через горы в другую страну и больше в Чечню не вернувшийся. Сегодня Закаев – спецпредставитель Аслана Масхадова за рубежом. Наша встреча несколько раз переносилась – из страны в страну. По законам конспирации – Закаев «подан» Россией в Интерпол. И живет под чужим именем.

– Я вам подарки принес, – говорит он после «здравствуйте» и показывает книжку и видеокассету.

– Спасибо.

Но Закаев оставляет меня с протянутой в пространстве рукой. Он медленно переворачивает книжку листками вниз и настойчиво трясет ее.

– Смотрите – ничего нет, – произносит он буднично, вроде так и надо. – Никакого белого порошка. Не бойтесь.

Я и не боюсь, но понимаю, что все-таки смотрю за его руками – мы оба сильно испорчены последней войной. Хоть за спиной и Англия, мы ведем себя, как в России, где очень боятся чеченцев и чеченского терроризма, а чеченцы в ответ стараются сразу расставлять точки над «i» – прежде, чем их об этом попросят. Поэтому Закаев и трясет книжку.

И не успокаивается на этом. Из кармана брюк он вытаскивает брелок с ключами и надрывает пленку запечатанной видеокассеты.

– Тут тоже – ничего.

– Ахмед, ну зачем уж так-то...

– Надо.

Говорит без улыбки и без злобы. Виснет пауза.

– Вы когда были в Урус-Мартане? – спрашивает Закаев, и сквозь полуопущенные веки загнанного в угол человека, привыкшего постоянно следить, не следят ли за ним, блестит та влажность, что предвещает слезы. Это пока не интервью – это мы просто перекидываемся словами. Урус-Мартан – родное село Закаева, самая дорогая, по чеченской традиции, для него земля.

– Я?... Дней десять назад. В конце апреля.

Глаза Закаева по-прежнему пусты, но из них вытекает слеза. Надо что-то сказать...

– Показывали мне улицу, где ваш дом...

– Ну и?

– Знаете, разрушен...

– Не до конца... – Закаев оставляет себе шанс. Хотя мы оба знаем, что разрушен – до фундамента.

– Да, конечно. Не до конца.

Пора начинать интервью. Про войну, которая за нашими плечами.

Интервью – длиною в войну. А может, и в жизнь. Уж точно – длиною в нашу судьбу.

Понять, о чем мы говорим, непросто, учитывая массовую провоенную и античеченскую промывку мозгов, устроенную в нашем государстве.

Понять можно только в одном случае: когда знаешь, что случилось на войне и вокруг войны...

Часть первая

Жизнь на войне. Обыкновенная. Чеченская

Макка Джабраилова, жительница села Махкеты Веденского района Чечни, рассказывает: «Как Путин по телевизору сказал: „Мочить в сортире!“ – так на следующее утро у меня обстреляли туалет в огороде. Теперь у нас тайный, подземный туалет». Что думает о президенте своей страны 14-летний сын Макки?

Как хорошо быть глухим

Война началась тривиально: с бомбежек сел и городов. А значит, война началась с потоков беженцев. Тысячи людей, подхватив детей и стариков, ринулись куда глаза глядят, прочь... Они шли повсюду и отовсюду, многокилометровый «хвост» выстроился по главному шоссе Чечни, так называемой «федеральной трассе Ростов-Баку». Но и «хвост» бомбили.

Сентябрь 1999 года. Мы лежим на жухлой осенней траве. Точнее, мы хотим на ней лежать – но большинству достается только пыльная чеченская земля. Это потому, что нас слишком много – сотни, и на всех хорошего не хватает.

Мы – это люди, которых настигла бомбежка. Мы ни в чем не провинились, просто шли по направлению к Ингушетии по бывшему шоссе, теперь распаханному и разъезженному бронемашинами.

За нашей спиной Грозный. Мы, сбившись в стадо, бежим от войны и боев. И когда наступает мгновение и ты должен плюхнуться носом в землю, приняв внутриутробную позу, стараясь убраться под себя голову, колени и даже локти, – вот тут-то и подкрадывается такое лживое и липкое одиночество, и начинаешь думать: а что ты съезживаешься? что, собственно, спасаешь? эту свою жизнь, никому, кроме тебя, больше не нужную?...

Почему лживое? Потому что отлично знаешь – неправда все это: дом полон родни, и она тебя ждет, и за тебя молится. А липкое, потому что физически-потное. Когда очень хочется жить, слишком много пота выделяется. Хотя некоторым везет: когда чувствуют смерть рядом,

только волосы на голове встают проволокой...

И все-таки – одиночество... Где-где, а на смертном одре товарищей не сыщешь. Как только наверху, над твоей свернувшейся спиной, зависают пикирующие вертолеты, земля становится похожей на упокойное ложе. Вот они – вертолеты. Очередной заход. Они спустились так близко, что видны руки и лица пулеметчиков. Некоторые уверяют, даже глаза. Но это преувеличение от страха. Главное – их ноги, небрежно спущенные в открытые люки. Будто они не убивать прилетели, а решили охолодить их, натруженных, в прохладном воздушном потоке. Ноги большие и страшные, подметки тычутся чуть ли не в нас. Между ляжками зажаты дула. Страшно, но всем хочется посмотреть, кто же твой убийца. Кажется, они смеются над нами, над тем, как мы уморительно ползаем вниз – старые грузные тетки, молодые девушки, дети. Нам даже слышен этот хохот, хотя это опять вранье – слишком шумно вокруг. Автоматные очереди высвистывают воздух вокруг наших тел, и в такт этим посвистам кто-то обязательно начинает выть. Убили? Ранили?...

– Не двигайся. И головы не поднимай. Мой совет, – произносит мужчина рядом. Он как был, так и упал на землю в черном костюме, белой рубашке и черном же галстуке.

Сосед впадает в многоречивость. И спасибо ему: сейчас лучше переговариваться, чем молчать.

Мужчина по имени Ваха – чиновник-землеустроитель из Ачхой-Мартана, большого села неподалеку от Ингушетии. В воюющей Чечне все боятся всего, и сегодня утром Ваха вышел из дома, как обычно, в костюме, с папкой, чтобы не привлекать внимания – вроде бы на работу. А на самом деле решил бежать.

– Всякий раз, – бормочет Ваха, потому что не бормотать нельзя, ведь наши губы уперты в землю, – всякий раз, когда налетают вертолеты, я беру в руки папку, достаю бумагу и делаю вид, что записываю. Мне кажется, это очень помогает.

Люди, лежащие рядом, начинают тихо посмеиваться.

– Как может помочь бумага? Что ты такое говоришь? – шепеляво, отплеываясь пылью, громко шепчет крошечный худющий дядечка, расположившийся слева.

– Пилоты видят, что работаю, что не террорист, – парирует землеустроитель.

– А если они подумают наоборот? Что ты записываешь их бортовые номера? – отзывается женское тело впереди и очень осторожно чуть-чуть меняет положение. – Затекло... Когда же это кончится?

– Если подумают, тогда конец, – кто это говорит, не видно. Он сзади. И хорошо: речь жесткая и колкая, как топор, без всякого сожаления.

– Ладно тебе. Ты за свое, – обрывает «жесткого» стариковский голос. И обращается к Вахе: – Покажи свою папку, пожалуйста. Другим расскажу.

Тела, смолкнувшие при «жестком», опять хватаются за соломинку – кусочек вдруг подаренного веселья, для кого-то и последнего.

– Показывай-показывай...

– Все себе заведем...

– У русских папок не останется...

– Путин подумает, что это все чеченцы ходят по войне с папками? А должны бы с автоматами...

– И тогда федералам папки выдаст. Будет вся Чечня с папками...

– Ваха, дорогой, а какого цвета надо папку?

А вертолеты никак не уймутся, выписывая разворот за разворотом, и детский плач раздирает землю, усыпанную людьми, и пулеметные очереди, – ну хотя бы на минуту заткнулись! – и взрывы падающих мин квакают безостановочно, внося оттенок пошлости в наше пребывание на смертном одре. Этого только не хватало!

И все равно люди шутят.

– Воля Аллаха, – смиренно отбивается от публики Ваха. – Но! Что хотите говорите, а с папкой этой меня даже ни разу не ранило. Ни первую войну, ни в эту. Всегда помогало.

– Так ты и в первую?... С папкой?... – покатывается кто-то со смеха – клочковатообразного и потому чрезмерно нервного. – Тогда сейчас почему лежишь? Эй, парень! Встал бы!

Вахе надоело:

– Так ведь все лежат. Что же, я один встану? И превращусь в мишень?

– Но ведь с папкой... уже тот самый старик, который обрывал «жесткого» больше, кстати, не произнесшего ни слова. Старик смеется где-то сзади нас. Если вообще можно назвать смехом шевеление телом, улавливаемое нашими ушами, в такт сильным выхаркиваниям воздуха в землю. – Эх-ха-ха, парень! Не знаешь своего счастья: «им» может показаться, будто ты нас пересчитываешь. И значит, ты на «их» стороне.

Теперь Ваха уже молчит – и правда, дурная обстановочка для шуток, все хорошо в меру. И начинает сдувать пыль с испачканных черных рукавов – дыханием откуда-то из-под себя. Потому что это все, что он может в той позе эмбриона, которую нас заставили выбрать.

Ваха и его чудо-папка погибнут сутки спустя, подорвавшись на mine в полутора километрах от места, где мы сейчас лежим. Ваха шагнет на неопрятное неубранное поле той первой военной осени, на каких-нибудь пару метров в сторону от дороги. А мин было уже повсюду видимо-невидимо, и все поголовно, в том числе военные и боевики, – бродили по Чечне без карт минных полей... Русская рулетка.

Ваха шагнет в сторону не по надобности, а просто так, истомившись в ожидании: слишком длинной была очередь к блокпосту, на паспортный контроль, и почти вся состояла из «родственников» – тех, с кем вместе готовился умирать накануне, лежа на другом поле, – из нас, смешливых.

И погибший Ваха опять будет лежать на поле, но теперь бесстрашно – вверх израненным лицом и раскинув руки так широко, как не бывает при жизни. Левую – влево метров на десять от разодравшегося в клочья черного пиджака. Правую – поближе, шагах в пяти. А с ногами Вахи вообще получится беда: они исчезнут, наверное, став пылью во время взрыва и улетев вместе с ветром. Эта же участь постигнет и папку с белыми чистыми листами бумаги. Которые спасают от вертолетов, а от мин, получилось, – нет.

Потом к Вахе осторожно подойдут два солдата с блокпоста, куда была длинная очередь. Один – крошечный и юный, будто пятнадцатилетний, в каске не по размеру и сапогах чужого номера. Второй – постарше и поосанистей, ладный, руки – в пятнистые брюки. Первый тихо

заплачет, размазав грязь по лицу и отвернувшись, не в силах смотреть. Второй даст ему подзатыльник, и тот тут же заткнется, как будильник, по которому ударили сверху, чтобы дал поспать утром. Чеченцы из очереди купят у лейтенанта этих солдат большой черный пластиковый мешок, «неприкосновенный запас» на случай «груза 200», соберут Вахины остатки и долго будут решать, куда везти. К матери, жене и детям – в лагерь в Ингушетию? Или в Ачхой-Мартан – в пустой дом? Победит разум: в Ачхой, конечно. Хоронить все равно там, на родовом кладбище. Так зачем тратить деньги, тащиться в Ингушетию? Въезд туда обернется немалыми взятками... На блокпосту «Кавказ», на границе этой войны и остального мира, придется платить дважды – туда и обратно, причем за трупы в два или три раза больше, по настроению «старшого».

...Но пока у Вахи – еще целые сутки, он жив-здоров. И мы, продолжая лежать на поле под Гехами, не только надеемся удачно выбраться из-под вертолетов, но и чуточку верим в наше скорое счастливое будущее – ведь еще самое начало войны, первые числа октября 99-го, и мерещится нам, что бои предстоят не такие уж и долгие, и беженцы вскоре вернутся по домам, и вытерпеть нам только этот день, а потом все само собой и наладится.

И Ваха, осмелев в какой-то момент, – ведь когда опасность слишком долгая, все притупляется и надоедает – так вот, плюнув на вертолеты, Ваха вдруг переворачивается на бок. И этак нормально, по-людски, без земли во рту, начинает рассказывать о своей семье. О шестерых детях, которые неделю назад ушли из Ачхоя в Ингушетию вместе с его матерью, женой и двумя незамужними сестрами. Вот к ним и пробирается.

В сторонке бомбят Гехи. Увлеченно, неистово, как, наверное, Кенигсберг во Вторую мировую. И Ваха снова сворачивается.

– Там беженцев из Грозного скопилось – ужас... – говорит он, сбиваясь с семейной темы, захваченный ритмом этого нарастающего иррационального бомбометания своих по своим. – Тысячи беженцев, наверное. В предыдущую бомбежку, на той неделе, больницу разрушили, раненых и больных позабирали... Куда сейчас новых раненых денут?

Женщины тихо воют, цыкая на детей, чтобы не выли – будто дети не такие же люди, как они. Хлюпающие звуки, издаваемые орудиями уничтожения, облепляют нас со всех сторон, не давая передышки мозгу. И хотя с момента начала вертолетной атаки прошло каких-то полчаса, они уже давно показались половиной суток, вместивших воспоминания о большей части твоей жизни. Люди постепенно теряют самообладание, слышны крики сумасшествия, мужчины плачут. Но не все. Среди нас – подростки, лет по 13-14. Они возбужденно и радостно обсуждают, какое же это оружие применяется в данный момент. И демонстрируют основательные знания вопроса – как иначе? Вся их сознательная жизнь прошла в изучении современного оружейного словаря: войне в Чечне почти десять лет.

Между подростками и нами тихо ползает маленький мальчик, наверное, шестилетний. Он худенький и грустный. Мальчик не плачет, не кричит, не хватается за мать, он задумчиво оглядывается вокруг и произносит: «Как хорошо быть глухим...» С интонациями простыми, спокойными и даже бытовыми. Как если бы это было: «Как хорошо сыграть в мяч...»

Тут-то нас всех и настигает «Град» – самое страшное, чем на этой войне насилуют слух и жизнь человека. «Град» – реактивная «Катюша» конца двадцатого века. «Градовый» залп долго свистит, шипит и вертится. Однако если ты его уже слышишь, значит, мимо, и смерть хоть и ходила близко, но сейчас выбрала другого. И ты смеешься... «Град» превращает и тебя в бесчеловечную тварь, научившуюся радоваться чужому горю.

Черту подводит мальчик, уютно, вопреки обстоятельствам, примостив голову на кочку травяного кустика, как на подушку:

– Глухие ничего этого не слышат. И поэтому не боятся.

Ваха тихо подтягивает его к себе, обнимает и тянет конфету из кармана своего черного пиджака.

– Как тебя зовут? – Ваха тихо плачет.

– Шарпуддин, – отвечает мальчик, удивленно наблюдая слезы взрослого мужчины.

– А еще лучше было бы сейчас, Шарпуддин, стать слепым, немым и глупым. – Глаза Вахи высохли под взглядом мальчика. – Но мы не такие. И мы все равно должны выжить.

Минут через пять вертолеты улетают. И «Град» молчит. Налету конец. Люди начинают разом подниматься, отряхиваться и кое-кто славить Аллаха. Поле оживает. Женщины бегут искать машины для раненых. Мужчины сносят убитых в одно место.

...Пройдет ночь и день, и мальчик Шарпуддин, подойдя к взрослым мужчинам, собирающим Ваху в черный мешок, станет молча им помогать. На него цыкнут сурово, как на собаку – ради него же самого, – но поможет мать. Она скажет, что ее сын был последним ребенком, которого Ваха приласкал в своей жизни. И тогда Шарпуддина допустят.

Лагпункт «Чири-Юрт»

Чири-Юрт – очень большое чеченское село, когда-то, при советской власти, промышленное, с крупным цементным заводом, многотысячным населением, работавшим на этом заводе, домами культуры, больницами, школами, библиотеками, развитой инфраструктурой и высоким процентом образованных людей. Однако цивилизации склонны умирать, и удобное для промышленного развития географическое положение Чири-Юрта с приходом эпохи «стратегических высот» и «командных пунктов» предопределило его трагедию времен второй чеченской войны: завод теперь вдрызг разрушен, работы у людей никакой, инфраструктура в тотальном упадке, все образованные уехали куда глаза глядят... Зато население Чири-Юрта увеличилось в несколько раз. Все дело в том, что Чири-Юрт расположен на выходе из Аргунского ущелья, или «Волчьих ворот», как называют это место федералы. До Аргунского ущелья и Чири-Юрта, если ехать из Грозного, который в двадцати двух километрах отсюда – равнина с нефтеперегонкой и нефтедобычей, в контроле над которой заинтересованы и федералы, и боевики. После Чири-Юрта и Аргунского ущелья – горы Ножай-Юртовского, Веденского и Шатойско-го районов – вотчин отрядов Басаева и Хаттаба. Именно через эти места летом 1999 года на Дагестан шли отряды Басаева и Хаттаба, с чего, собственно, и началась вторая чеченская война. Сюда они и возвращались,

отчего люди, живущие здесь, изучали современную политграмоту не по телевизионным новостям, а непосредственно на собственной шкуре.

Тогда, в 99-м, люди увидели, как совершается гигантская по последствиям провокация и чудовищное предательство: боевики Басаева и Хаттаба возвращались из Дагестана в Чечню в сопровождении федеральной авиации, и никто их не трогал, зато когда они скрылись в горных лесах, сразу начались интенсивные бомбежки сел, через которые они прошествовали на свои базы. В результате Дуба-Юрт – еще одно многотысячное село неподалеку от Чири-Юрта, но глубже в предгорьях, – оказалось разрушено на 98 процентов, и большая часть его жителей, лишившись крыши над головой, ушла в «наши» Чири-Юрт... Здесь же, на пятачке между Чири-Юртом и Дуба-Юртом, совсем не случайно произошли события, ставшие истоком и первопричиной многих других принципиальных для всей остальной России трагических коллизий. В феврале 2000 года тут шли ожесточенные бои за те самые «Волчьи ворота». С федеральной стороны, среди прочих, их вел танковый полк под командованием Юрия Буданова – считавшийся одним из лучших подразделений российских Вооруженных сил. Того самого Буданова, полковника с двумя орденами Мужества на груди, история которого стала более чем показательной, продемонстрировав «новое лицо России» – промилитаристской и неосоветской России Путина, где цель опять всюю оправдывает средства. Напомню: именно на поле между Чири-Юртом и Дуба-Юртом в феврале 2000-го Буданов потерял убитыми несколько своих офицеров, в числе которых был и его лучший друг майор Размахнин. Именно здесь Буданов дал себе клятву во что бы то ни стало отомстить тем снайперам, которые уничтожили его боевых товарищей. Именно отсюда, в конце февраля 2000-го, из боев, его полк перебазировали на 80 километров вглубь Чечни, на окраину селения Танги– Чу (известного теперь всему миру в связи с проблемой так называемых «военных преступлений федеральных военнослужащих в Чечне»), где 26 марта 2000 года, в ночь после выборов Путина президентом России, полковник напился и, решив, что настал час расплаты за те бои у «Волчьих ворот», похитил, изнасиловал и задушил 18-летнюю чеченскую девушку Эльзу Кунгаеву, которую он считал той самой во всем виноватой «снайпершей», на основании чего и был впоследствии оправдан как российским общественным мнением, так и российской судебно-государственной машиной, признавшей, что раз полковник совершил «социально мотивированное», значит, и «правильное» убийство.

Впрочем, к Буданову я еще вернусь, – это было продолжение войны, вдрызг перепахавшей всю нашу жизнь... А пока вернемся в Чири-Юрт. В жаркое, почти 50-градусное мучительное лето на исходе первого года второй чеченской войны. В толпу людей, согнанных полком Буданова с насиженных мест и превращенных в изгоев. Бесправных, униженных, голодных, грязных.

Хазимат

Вот и случилось: впервые не в кино увидела опухшую от голода бабушку, и никто теперь не сотрет эту картину из моей памяти. Это произошло почти год спустя после начала войны, в самом центре Чири-Юрта, среди перенасыщенной людской массы, в бывшей школе № 3, восемь месяцев назад спешно, по мере приближающихся бомбежек, прекратившей учебный процесс и превращенной в один из пяти беженских лагерей, существующих теперь только в этом населенном пункте.

Гравюра, как известно, пишется в один цвет. Такова и Хазимат Гамбиева: высохшая статичная старуха-беженка с раздутыми суставами, со вздутым животом – она вся будто выписана черным по пергаменту, без полутонов. Черный рисунок морщин на коже неестественного тона. Обтянутый нос – еще одна линия черноты. Темные обводы обострившихся скул – тоже. Шея, как под веревку... Блокада Ленинграда в Миллениум. И опять – в Европе, которой сейчас куда больше дела до пышных торжеств в честь наступления нового века, чем до Чечни – одной из европейских территорий.

Хазимат очень больна. И в общем-то никакая не старуха. Ее младшей дочке только 13 лет, а самой – 51. Болезнь же, превратившая Хазимат в гравюру наяву, называется просто –

дистрофия. Хронический голод.

Все, что перепадает семье Гамбиевых из 11 человек, самоотверженная Хазимат, мама и бабушка, отдает детям и внукам. Яблоки – четверем маленьким внукам, потому что от голода и холода у них открылся туберкулез. Муку на лепешки – дочкам-невестам.

Сначала, когда только прибежали в Чири-Юрт, деньги у Гамбиевых были: девочки по очереди носили на базар свои сережки. Какое-то время семья держалась и на том, что старший сын Хазимат продал маленький телевизор – единственную вещь, спасенную Гамбиевыми из своего сгоревшего дома. Но с продажей телевизора деньги кончились.

– На что вы надеетесь дальше? – спрашиваю.

– Не надеюсь ни на что. День выжили, и слава Аллаху, – отвечает Хазимат, держа правую руку у шеи, будто помогая себе дышать. – Никакой помощи ниоткуда. Умираем потихоньку в нашем загончике. Мой старший сын еле двигается – есть нечего. Моя младшая в голодный обморок вчера упала. А лагерные соседи сделали вид, что не поняли, почему обморок... Хотя в этот день у них был хлеб и чай – я чувствовала запах... Люди одичали.

К исходу первого года войны один из главных ее результатов скрывать дальше невозможно. Под свирепствующим напором столь отчаянного голода и беспросветного туберкулеза, подобных которым не было даже минувшей зимой в гигантских переселенческих анклавах Ингушетии, чеченцы стремительно утрачивают дух своего народа. Если еще зимой большинство беженцев твердо и зло кидали тебе в лицо: «Мы и *это* от вас переживем! Сколько бы вы на нас не давили! Потому что мы – вместе, и мы – сила». Теперь же в ходу совсем другие тексты. Где-нибудь в лагерном закулке тебя кто-то обязательно хватает за руку, и ты слышишь тихое и подавленное: «Мы *этого* уже не вынесем. Мы – волки. Друг для друга тоже».

Дух народа не пережил учиненного над ним погрома и унижения. И именно поэтому – в лагерях, несмотря на лето, «блокадники»-2000. Опухшие от голода.

Симптом «Г-4»

На заднем дворе бывшего Шалинского пищекомбината (райцентр Шали – в тридцати километрах от Чири – Юрта) жестоко дерутся и иступленно костерят друг друга сотни людей. Они пришли сюда с самого раннего утра, чтобы в обмен на «Г-4» – специальный росчерк в документах, свидетельствующий о том, что они – бездомные беженцы в пределах своей земли, – получить на каждую еще живую душу по три банки сгущенки и одну – тушенки.

«Г-4» – так тут официально называется гуманитарная помощь от имени российского правительства пострадавшим от «антитеррористической операции».

Сейчас дают «Г-4», то есть четвертый номер – значит, за год войны было четыре таких раздачи. В каждой порции – «трехдневка», запас еды на трое суток из расчета по 15 рублей в день. «Г-3» – третья раздача, имела место пару месяцев назад. Точно такие же порции в ближайшие дни привезут и чири-юртовским беженцам, семье Хазимат Гамбиевой... Под вопли из Кремля, что «беженцы обеспечены самым необходимым»... И гуманитарной катастрофы в связи с «антитеррористической операцией на Северном Кавказе», «конечно, нет»... Я стою на заднем дворе Шалинского пищекомбината среди оголодавшей толпы, рвущейся к заветным контейнерам, и вспоминаю холеную внешность Сергея Ястржембского, президентского помощника и главного провозвестника отсутствия «гуманитарной катастрофы».

Айшат Джунаидова, руководитель миграционной службы Шалинского района (здесь стоит на учете почти 60 тысяч беженцев), говорит так:

– Вы там доведите в Москве до сведения, что на эту государственную подачку выжить нельзя. Ни при каких условиях. Многие наши беженцы фактически приговорены к голодной смерти.

Я, конечно, обещаю «довести». Но очень тихо обещаю. Даже совсем почти не обещаю, а просто так, киваю, что-то пришептывая... И ничего не объясняю – ну как можно сказать приговоренному *что*: во-первых, мои объяснения Кремлю до полнейшего фонаря, во-вторых, ситуация в Москве с идущей на Кавказе войной такая запутанная, и никто почти ничего не знает, потому что не хочет знать, в-третьих, даже близкие друзья не верят моим рассказам после командировок в Чечню, и я перестала что-либо объяснять, сижу да молчу в компаниях,

когда приглашают, в-четвертых и в главных, далеко не всегда даже в моей газете, оппозиционной к нынешней «линии партии и правительства» – в том, что касается войны в Чечне, ждут моих репортажей из Чечни и хотят их опубликовать, а публикуя, иногда вырезают самые «жесткие» куски, мотивируя желанием не эпатировать публику, и внутриредакционная полемика на этот счет остра, как никогда, и приходится очень туго...

Но я молчу об этом. По одной простой причине: для людей вокруг, так много переживших и переживающих, я – первый гражданский человек *оттуда*, из другого, не-военного мира. Никакие журналисты сюда не ездят. Сказать о том, что творится, – некому...

Чтобы сказать про голодную смерть, Айшат перекрикивает вопли женщин, забывших себя от голода и с оскорблениями выдирающих друг у друга «трехдневку». Вижу, как в толпе одни плюют в других. Это туберкулезники. От бездонной своей озлобленности на мир они стремятся заразить тех, кто еще не кашляет кровью, или надеются, что здоровые в страхе отпрянут в сторону и пропустят к ящикам с банками.

Вокруг грузовиков с «Г-4» – кордон солдат. С автоматами наперевес они пытаются навести хоть какой-то порядок среди измученных людей. Но и на их лицах – странное выражение. Не сочувствие, но и не тупая жестокость. Скорее, ступор от того, в какой «войне» приходится участвовать – против толпы голодных. Потом, месяц за месяцем, я увижу это очень много раз: большинство солдатских лиц на второй чеченской войне будут именно такими.

А другая голодная толпа тем временем штурмует запертые железные ворота пищекомбината. Они не поддаются, и тогда гнев выливается вовнутрь. Люди вопят друг другу несусветное – как зарежут, вздернут, что отрубят и кому швырнут на съедение...

Но за что «вздернут» да «отрубят»? Да только за то, что тот, кто оказался чуть впереди, съест свою тушенку на полчаса раньше... Полная потерянности человеческих чувств. Сердечная разобщенность. Невозможно не заметить, насколько здесь оказался разрушенным исконно чеченский менталитет – люди растоптаны и развращены войной и голодом. Видя их и общаясь с ними, совсем не находишь той легендарной стойкости народа, как залога особой его выживаемости на исторических извилистых перекрестках. На горизонте – никаких чеченских бизнесменов, не самых бедных людей на свете, стремящихся отдать несчастным соплеменникам десятую часть своего богатства. И бедные чеченцы – а в лагерях остались именно они – наедине со своей нищетой и беспросветностью, а также с Г-1, Г-2, Г-3, Г-4...

Монолитная нация, встающая горой за «своего» только потому, что он «свой», – превратилась в миф?

За спинами вопящих под шалинским забором людей – пустота. Там нет ни республики, ни власти. Ни чеченской, ни российской. Там – суррогат республики и власти. И суррогат страны. И суррогат народа?

Как это могло случиться? На глазах у всего мира. Под «присмотром» международных наблюдателей. Красного Креста. Врачей без границ. Врачей мира. Армий спасения. Правозащитников – своих и иностранных. При наличии даже путинского президентского спецуполномоченного по соблюдению прав человека в зоне проведения «антитеррористической операции». Парламентариев любой ориентации. Международных конвенций на все случаи жизни и смерти.

Входишь в бывшее общежитие бывшего цементного завода в Чири-Юрте, которое теперь превратилось в лагерное поселение, и тут же начинается вой. Именно вой, а не крик, не шум, не возгласы, не митинг. Полузвериный протяжно-однотонный звук, символизирующий крайнюю степень отчаяния. Это люди, узнав, что ты журналист, цепляются за твою одежду, руки, ноги, будто ты волшебник и от тебя зависит что-то принципиальное, вроде многотонного грузовика с мукой, которого обязательно хватит на всех, желающих выжить.

Кто виноват в этом национальном позоре? Ты не можешь не думать об этом, потому что ты тоже человек и твоему сознанию тоже нужна опора в виде виноватого...

Конечно, вина № 1 – на президенте и правительстве, ведущем войну и не желающем помнить, что неизбежным ее итогом являются толпы голодных, больных и бездомных людей.

А вина № 2? Тут все наоборот: невероятное превратилось в очевидное. Осенью 99-го и зимой 2000-го, несмотря на тяжелейшие бои, рядом с самыми бедными и забытыми всегда находился добрый сосед. К лету все изменилось – те люди, которые в начале войны стоически

помогали друг другу не умереть и видели смысл каждого наступающего дня в том, чтобы разломить хлеб с ближним, которому хуже, чем тебе, – теперь поменяли свои принципы. «Гравюра» Хазимат Гамбиева, страдающая хроническим голодом, рассказывала страшные вещи об их лагерной жизни в Чири-Юрте, о том, как по вечерам под ногами хрустят использованные наркоманами шприцы, о размахе воровства и мародерства, к примеру, кухонной утвари, и без того принесенной большинством с помоек, о растущем в геометрической прогрессии числе чеченок-проституток, обслуживающих воинские части, о том, как беженские семьи продают в рабство своих подростков и тем выживают. Те из чири-юртовцев, кто брал зимой лагерных детей в свои дома подкормить – сейчас отказывают даже грудным младенцам и беременным-кормящим. Кто в первые месяцы исхода сочувствовал ни в чем не провинившимся беженцам – теперь озлобился и считает их лишними ртами...

Так Чири-Юрт, еще совсем недавно, до войны, красивый уютный поселок в кавказских предгорьях, гордость сельчан и всего Шалинского района – постепенно превратился в холодный и неприятный населенный пункт, продуваемый обстрелами. Где ключевое слово – *пункт*. Пункт сна и приема пищи тысяч бездомных. Пункт круглосуточной боли... Всего, что угодно, но только не место, где живут.

– Мы не можем принять всех кто к нам пришел, – как требуют наши законы. Не в состоянии, – говорит руководитель миграционной службы Чири-Юрта Адам Шахгириев. – Мы задыхаемся Это – трагедия для нашего поселка, когда на пять тысяч своих – одиннадцать тысяч перемещенных лиц. К нам спустился весь Дуба-Юрт – шесть тысяч!... И все в тяжелейшем моральном состоянии. Этим людей трудно терпеть. Они все сумасшедшие.

Смерть под взглядами

Между Чири-Юртом и Дуба-Юртом, селениями-соседями, – три километра. Если выйти на окраину Чири-Юрта, весь Дуба-Юрт будет перед тобой. Вечерами так все и происходит: за последними чири-юртовскими домами обычно стоят женщины, будто ждут мужчин с далекой и долгой войны, и смотрят *туда* – на то, что осталось от их домов. Большинство громко причитает, как по покойнику. Когда Хазимат Гамбиева бывает не так слаба, как обычно, она – одна из них.

Дуба-Юрт похож на огромное огородное пугало. Неживой, драный, изрешеченный «градом», в прожженных дырах от артиллерийских снарядов. Кое-где – признаки возвращения людей, завешенные одеялами оконные проемы. Но их очень мало, потому что мало этих проемов. Но что дома? Даже горы над Дуба-Юртом теперь общипанные, как облезлые дворовые псы. В лишаях – в глубоких, до их горных «костей», до самых мезозойских меловых скелетов, проплешинах на местах глубинных бомбовых ударов.

Такие же и дуба-юртовцы. Потерянное племя, не ведающее, как восстановить то, что разгромлено и выжжено на 98 процентов. Они то и дело вспоминают, как мучительно умирало село, через которое, сменяя друг друга, проходили и «белые», и «красные»: и войска, несколько месяцев подряд бравшие Аргунское ущелье, и отряды боевиков, уходившие с равнин, возвращавшиеся и вновь уходившие... И кошмарный по интенсивности, тотальный артобстрел 31 декабря 1999 года. Это когда вся планета веселилась до упаду, встречая Миллениум. И последующие за этим беспрерывные двухмесячные артобстрелы.

Люди, маленькими группками, спасались бегством из Дуба-Юрта в Чири-Юрт постоянно, потихоньку. Но когда на южной окраине Дуба-Юрта боевики заняли позиции и стали окапываться, а бессмысленные (потому что не попадали) бомбежки их позиций с воздуха превратились в быт, 27 января 2000 года первая группа и 5-6 февраля вторая, самая выдержанная – все жители села, спасая свои жизни, вышли из Дуба-Юрта. Летели бомбы, метался «град», а они, без всякого «коридора», топали длинной чередой в сторону Чири-Юрта... Одни в черед падали, убитые, другие их поднимали и уносили с собой, чтобы похоронить в Чири-Юрте – все равно шли...

Дуба-юртовцы хотели поблизости переждать, пока закончатся бои, и тут же вернуться. Однако война не просто отбросила эту идею прочь – она ее «творчески» переработала. И

беженцам была предложена мучительнейшая из пыток – ежедневное созерцание кладбища собственных судеб. С 6 февраля в Дуба-Юрте уже не было ни одного жителя, и тогда федералы стали жечь дома – те, которые уцелели при бомбежках. Зачем? Из чувства мести, их переполнявшего. От горечи за убитых товарищей. И дуба-юртовцы, стоя на чири-юртовской окраине, смотрели, как это происходит...

«Я была одна из них, – говорит Раиса Аматаева, мать двух детей-подростков, мальчика Ислама и девочки Ларисы, онемевших во время февральского бегства из-под бомбежек. – Мы бессильно созерцали, как уничтожали наши судьбы. Мы стояли и смотрели: „Вот ваша сторона улицы загорелась, вот – наша...“ Это был конец всему. Самые страшные дни моей жизни. От прошлого у меня не осталось ни одной фотографии».

Уничтожение Дуба-Юрта повергло в шок даже бойцов той армейской части, которую оставили в нем стоять после этого пожарного погрома. Заместитель командира в/ч 69771 подполковник С.Ларичев, увидев место своей новой дислокации и осознав, что именно он теперь будет «глаза в глаза» с обезумевшим горя населением, пошел на совершенно неординарно для федералов шаг – вместе с главой сельской администрации В.Яхьяевым и представителем МЧС России полковником Ю.Войченко составил акт «осмотра села Дуба-Юрт». Там значится, что «проходящие через село колонны военной техники и находящийся в них личный состав систематически грабят и поджигают дома мирных жителей...» Под этим беспрецедентным для нынешней войны протоколом – печать в/ч 69771.

Но не помогло. Никто из военных прокуроров, наведывавшихся в Дуба-Юрт «для проверки изложенных фактов», не заговорил о главном – о компенсациях сельчанам за армейское мародерство. И не потребовал суда над мародерами. Потому что русские «герои» в Чечне – вне подозрений... Такая традиция сложилась на этой войне в поддержку другой, давней, которая состоит в следующем: мы – страна, не переносящая таких знаков препинания, как «точки». Поэтому у нас никогда не получается «завершенки». И в делах – вечная беременность, а посему беспросветность. Дуба-юртовцы очень хорошо понимают, что никакого конца не будет, и надеяться не на кого, но и сами они – бессильны: безденежье, не на что вновь отстроиться... В Чири-Юрте остались только бедные, все более-менее финансово состоятельные давно уехали из Чечни. В этом еще одна причина, почему собравшийся в Чири-Юрте народ настолько сдал морально. Ну куда теперь идти Раисе – матери немых подростков-инвалидов? А изголодавшейся Хазимат? На что надеяться? Где сажать тот огород, которым хотя бы следующей зимой прокормиться?

Очень трудно оставаться людьми, когда все превращено в пепел, включая судьбу, когда ты знаешь, что бандиты, из-за которых все начиналось, все равно опять ушли в горы. А солдат, в гневе на весь чеченский народ обливавший соляной дом Хазимат, санитарки детской поликлиники с двадцатилетним стажем, – просто-напросто упустил этих боевиков.

Послесловие два года спустя

Дуба-Юрт сегодня – все те же руины, затянутые тепличной пленкой. Под нею живет часть людей, вернувшихся из Чири-Юрта. Другая, большая, так и осталась наверху – в поселке бывшего цементного завода.

История Чири-Юрта, поневоле приютившего Дуба-Юрт, – типичная в нынешней Чечне. Ее последствия – чем дальше, тем существеннее. Бродя из одного военного месяца в другой по чеченским селам и городкам, я

встречала все больше людей, которые, как и чири-юртовские беженцы, подчиняются лишь одному закону: биологическому закону выживания. Война прошла не только по чеченской земле – она выскоблила души людей. Прогнав сотни тысяч прочь из домов, в лагерь, в поле, вообще неизвестно куда, – она заставила их принять новые законы жизни – лагерные. Убийственная разобщенность – при кажущейся сплоченности. Стukaче-ство на каждом шагу. С единственной целью: я должен выжить, неважно, что сгинут другие. Народ может заказывать по себе тризну, когда это становится очевидным.

Махкетинский концлагерь с коммерческим уклоном

Мне принесли коллективное письмо 90 семей, проживающих в нескольких селениях Веденского района – Махке-ты, Товзени, Сельментаузен, Хоттуни. Несколько сотен человек умоляли содействовать их скорейшему перевозу за пределы Чечни. Причины: постоянный голод, нестерпимый холод, отсутствие врачей, какой-либо связи с миром. И особой статьей – жестокие карательные акции, совершаемые военнослужащими, расквартированными на окраине селения Хоттуни. Факты казались фантастичными. Командировка началась 18 февраля 2001 года.

Десятки жутких рассказов, измученные лица людей, испытавших на себе пытки и изоциренные издевательства военных, когда от ужаса того, что тебе надо записывать, останавливается рука, фиксирующая все в блокноте... И вдруг – те же самые рассказы, но только уже с тобой. Ожившие картинки в доказательство услышанного. И это уже тебе орут: «Стоять! Вперед!» И фээсбэшник в сопловом возрасте старшего лейтенанта уже тебе – а не твоему недавнему рассказчику, – улыбаясь гадливым ртом своих профессиональных предков из 37-го года, шепчет: «Боевич-ка... Ты пришла от Басаева... Расстрелять тебя мало... Слишком много моргаешь, значит, врешь...»

Картинка первая: пытки током

Розита из селения Товзени еле шевелит губами. Глаза ее, как бы преодолев естественное предназначение, остановились и глядят куда-то внутрь. Розите пока трудно ходить – болят ноги и почки. Месяц назад Розите пришлось пройти через фильтрационный лагерь – она так это называет. За то, что «приютила в доме боевиков». Именно так ей кричали военные.

Розите уже немало лет. У нее много детей и несколько внуков. Младшая, трехлетняя, ранее не говорившая по-русски, но видевшая, как волокли по полу ее бабушку, теперь постоянно кричит: «Ложись! На пол!» Розиту забрали из дома на рассвете, когда все спали, окружив дом и не дав толком собраться. И бросили в яму на территории военной части.

–Толкали? Пинали?

–Да, как обычно у нас.

Поджав ноги, Розита просидела в яме на земляном полу 12 суток. Солдат, который охранял яму, как-то ночью сжалился – бросил кусок паласа.

–Я подложила под себя. Солдат – он же человек, – шевелит губами Розита.

«Ее» яма была неглубокая. Метр двадцать, не больше. Без крыши, но распрямиться невозможно: сверху положены бревна. Так что 12 суток – на корточках или сидя на том паласе. И это зимой! За все это время Розите так и не предъявили никакого обвинения, хотя трижды водили на допросы. Молодые офицеры, годящиеся ей в сыновья и представившиеся сотрудниками ФСБ, надевали Розите «детские варежки на резинке»: на пальцы одной руки – один конец оголенных проводов, на пальцы другой – их другой конец. А сами провода перекинуты через шею, сзади.

–Да, я очень кричала, когда ток пускали. Но все остальное вытерпела молча. Боялась еще больше их раздражить.

Фээсбэшники приговаривали: «Плохо танцуешь. Подбавить надо», – именуя «танцами» конвульсии Розитино тела. И подбавляли.

–А что они хотели?

–Они ничего не спрашивали.

Тем временем родственники Розиты через посредников получили от тех же офицеров задание: искать деньги на выкуп. Им объяснили: надо спешить – Розита плохо переносит яму, может не выдержать. Сначала военные запросили сумму, о которой сельчане (деньги на выкуп тут теперь принято собирать всем миром) сказали так: даже если продать все село, все равно не расплатиться. Военные, на удивление, оказались сговорчивыми и снизили сумму в десяток раз. Деньги привезли, и Розита, еле переставляя ноги, грязная и немытая, вышла на свободу, к

полковому КПП. И упала на руки детям.

Самое время подвести промежуточную черту: на территории военной части, расположенной на окраине селения Хотгуни Веденского района, где дислоцируются 45-й воздушно-десантный и 119-й парашютно-десантный полки Министерства обороны, а также подразделения МВД, Минюста и ФСБ, существует концентрационный лагерь. С коммерческим уклоном.

Картинка вторая: воспитатель хрюшек

Командир 45-го полка Алексей Романов – очень интересный и волевой человек. Полковник прошел Афганистан и «первую» Чечню. Как большинство офицеров, воюющих на «второй», он костерит войну, думает вслух о своих детях, вечно растущих безотцовщиной, и готов закончить «вторую чеченскую» сразу – она ему надоела нешуточно. Ну а пока, в конце февраля 2001 года, накануне Дня защитника Отечества, мы гуляем по полку. Командир показывает столовую – вполне симпатичную для полевых условий. Ведет на склад, забитый тушенкой и всякой прочей снедью, что, по его мнению, полностью исключает стремление вверенных ему военнослужащих воровать у жителей скот.

Так и добираемся до главного – командир показывает ямы, куда после «зачисток» швыряют чеченцев. Полковник заботлив: он придерживает под локоток, чтобы я не свалилась по грязи на шестиметровую глубину. Яма выглядит точно так, как ее описывали многочисленные сидевшие в ней люди. Примерно три на три метра, в неразличимую преисподнюю вьется веревка – по ней

положено выбираться на допросы. Несмотря на мороз, от ямы несет специфически. Тут так заведено: чеченцы должны опраться себе под ноги. И продолжать круглосуточно стоять на той же земле. Хочешь – сидеть.

Полковник рассказывает удивительные вещи: как-то прилетел в полк на проверку командующий группировкой генерал Баранов, увидел стоявших на поле задержанных чеченцев и приказал держать их в ямах, первоначально вырытых под бытовой мусор. С тех пор так и повелось. Ему очень неловко за все происходящее:

- *Но мы туда только боевиков сажаем .*
- А зачем тогда выпускаете? Если боевики?

Полковник выдавливает:

- *Ты же сама все понимаешь ...*

Я лично не понимаю.

Картинка третья: ожидание ареста

Крепкий 50-летний горец Ваха из селения Товзени – сейчас общественник, а ранее работал в органах госбезопасности и также учителем местной школы. Теперь он на добровольных началах собирает сведения о зверствах российских войск и поэтому ждет ареста и своей «ямы» каждую ночь.

Ваха знает ответ на вопрос, не полученный у полковника. И рассказывает любопытнейшие истории о кратковременном пребывании в их селе Басаева с его бригадой. Как все жители тогда надеялись, что Басаева наконец-то обязательно арестуют. Басаев был истощен, как и все его бойцы, и надо было только захотеть... Но войска, до того стоявшие плотным кольцом вокруг села, неожиданно отвели прочь – ровно на время пребывания Басаева.

И он ушел. Хотите – верьте, хотите – нет... Но зато, как только бандиты ушли дальше в горы, военные стали хватать и истязать тех сельчан, которые не имели никакого отношения к бандформированиям, оставляя на свободе тех, кто действительно замешан в крови... В селе-то ведь все про всех знают.

Картинка четвертая: красивые попки

Иса живет в Сельментаузене. В начале февраля он также попал в концлагерь на окраине Хоттуни. Об его тело тушили сигареты, ему рвали ногти, его били по почкам наполненными водой бутылками из-под пепси. Потом скинули в яму, именуемую «ванной». Она была заполнена водой (зима, между прочим), и вслед сбрасываемым туда чеченцам швыряли дымовые шашки.

Их было шестеро в яме. Не всем удалось выжить.

Офицеры в младших чинах, проводившие коллективные допросы, говорили чеченцам, что у них красивые попки, и насиловали их. При этом добавляли, что это потому, что «ваши бабы с нами не хотят». Выжившие чеченцы сейчас говорят, что мстить за «красивые попки» – дело всей их оставшейся жизни.

Иса тоже так и не оправился от шока – это заметно. Как и Розиту, его отпустили за выкуп, который собирал весь Сельментаузен. Но сначала вволю поиздевались еще и над родственниками, собравшимися у КПП полка в надежде выяснить судьбу своих, уведенных в яму.

Конвейер мародерства и рэкета под маркой «выявления бандитов» – в Чечне бесперебойный. И значит, пора подводить следующую промежуточную черту: вторая война лишь поменяла исполнителей творимых тут преступлений. То, против чего была объявлена «антитеррористическая операция», – оголтелое заложничество, рабство и выкупы за живой товар – все это теперь делают нынешние хозяева положения, военные, силой оружия, физического и психического насилия. Мы сидим в единственной крохотной комнатке Исы, где только нары и печка – семья очень бедная. Четырехлетняя дочка Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. Жена Исы объясняет:

– Она видит, что вы – не наша, той же масти, как те, которые при ней били отца. И увели его.

Картинка пятая: проверено на себе

Прошло всего две минуты после того, как мы расстались с командиром 45-го десантного полка, и меня задержали.

Сначала больше часа велели стоять прямо посреди разъезженного поля. Потом прикатила бронированная машина с вооруженными бойцами и старшим лейтенантом неизвестной военной этиологии. Схватили, пхнули прикладами, повезли. «Документы у тебя фальшивые, твой Ястржембский – прихвостень Басаева, а ты – боевичка», – так было объявлено.

Дальше потянулись многочасовые допросы. Молодые офицеры, сменяя друг друга, не представляясь, лишь вкрадчиво напоминая, что они из ФСБ и командир им только Путин, обернули дело так, что свобода закончилась: звонить и ходить нельзя, вещи – на стол... Самые омерзительные детали допросов предпочитают опускать – ввиду их полного неприличия. Однако именно эти детали стали главным подтверждением того, что все сообщенное о мучениях и пытках в 45-м полку – не ложь.

Периодически к рьяным молодым подключался старшой – подполковник со смуглым лицом и темными туповатыми глазами навывкате. Он отсылал молодняк из палатки, включал музыку, которую считал лирической, и намекал на «благополучный исход» мероприятия при некоторой сговорчивости.

В перерывах между подполковником «молодые» издевались, умело надавливая на самые болевые точки: рассматривали фотографии моих детей, не забывали сказать, что бы с ними стоило сотворить... Так часа три кряду.

Наконец бывалый подполковник, периодически рвавший рубаху на груди – мол, кровь тут проливаю, – сказал, деловито глянув на часы: «Пойдем. Буду тебя расстреливать».

Вывел из палатки, а была уже полная темень. Ни зги в этих местах. Прошли немного, и подполковник произнес: «Кто не спрятался – я не виноват». И тут рядом все заполыхало прерывистым огнем, заскрежетало, страшно загремело и заухало. Подполковнику очень

понравилось, что я в ужасе присела. Оказалось, это он подвел меня прямо под реактивную установку «Град» в момент боевого залпа. «Ну, пошли дальше».

Скоро из тьмы показались ступеньки вниз. «Это баня. Раздевайся». Поняв же, что эффекта никакого, очень разозлился, твердя, что «настоящий подполковник к тебе всей душой, а ты, гнида боевицкая, еще...»

В баню вошел еще один офицер – из ФСБ, он сам так представился. Подполковник подвел черту: «Мыться не желает». Фээсбэшник брякнул на стол принесенные бутылки и сказал: «Ну тогда я ее повел». И снова долго водили по темному лагерю. Наконец велел спускаться по лестнице – это был бункер, ставший мне прибежищем до самого освобождения 22 февраля. На стене бункера висел плакат: «119-й парашютно-десантный полк». И объяснения: 18 его военнослужащих удостоены звания Героя России.

Откуда-то принесли чай. Отхлебнула – и тут же поплыла голова, ноги стали ватными, и пришлось проситься за дверь – сильно рвало. В туалет?... Можно, но в сопровождении. «Жучки с тела пойдешь в туалете сбрасывать», – так объяснили.

Требовала: предъявите наконец обвинение, составьте протокол, этапируйте в тюрьму, родные принесут хотя бы зубную щетку... Нельзя! Боевичка! Ты ямы смотреть? Гнида! Гадина! Ястржембскому заплатил за тебя Басаев, Ястржембский заплатил твоему главному редактору, и главный редактор послал тебя сюда...

Утром 22 февраля в бункер вошел офицер и сказал, что он – мой сопровождающий до Ханкалы и у него все мои документы и вещи, которые «сдадут в ФСБ». У вертолета стоял тот самый подполковник, попрощавшийся так: «Расстрелял бы тебя, будь моя воля».

Когда машина села в Ханкале, прямо у люка налетели какие-то военные и стали меня отбивать у сопровождающего. Офицеры оказались сотрудниками военной прокуратуры Грозного, за что я им крайне признательна, иначе сидеть бы мне опять под присмотром очередного фээсбэшного офицера, подорвавшего психическое здоровье на «антитеррористической операции». В прокуратуре дала все объяснения, сопровождающий также был допрошен, и оказалось, что в полку у меня украли всё, кроме аккредитационного удостоверения № 1258. У сопровождающего ничего при себе нет. Ни вещей, ни диктофонных кассет, ни фото пленки.

Вот так разрозненные картинки соединились в единое целое, а потому пора подводить окончательную черту...

Это все – в нашей стране. При действующей Конституции. При «волевом» президенте – ее гаранте. При Генпрокуратуре, правозащитниках: общественных и официальных, седом красивом лорде, замучившемся гонять из Страсбурга в Чечню и обратно... Ямы, «детские варежки», «танцуешь плохо», «кто не спрятался – я не виноват»... И никто не посмеет сказать, что я этого не видела. Проверено на себе.

Беспредел Веденского района

Джохар

Совсем маленький ребенок, укутанный в грязное тряпье, успокаивается, лишь когда тыком, по-телячьи, нащупывает мамину грудь. Остальное время худенькое тельце извивается в хаотичных подергиваниях. Плачет? Дрожит?...

– Как зовут?... Вашего?... – И не знаешь, как спросить, не обидев, – сын это или дочка...

Тоита, мать, к чьей груди ребенок просится каждые 10-15 минут, молчит, как на допросе.

– Она что, не понимает по-русски?

– Почему? Понимает... – говорят женщины и прячут глаза. Виснет пауза: разве бывают причины, чтобы не сказать, как зовут крошечного нездорового младенца?

– Джохар он, – наконец решительно и зло выдавливает Тоита. – Я просто отвыкла произносить его имя вслух. Вдруг солдаты услышат?... Убьют. Или его, потому что Джохар в честь президента Дудаева. Или меня – что так назвала. Сынку скоро два года.

– А почему он... такой?...

– Да, совсем не развивается. Он родился как раз, когда эта война началась.

У Тоиты и Джохара – дом дырой в небо. Год назад, в феврале 2000-го, снаряд пробил крышу, а заделать некому, и снег наметает маленькие белые сугробики. Тоита – вдова: муж пропал без вести, еще когда она была беременна. И теперь мама с сыном живут в страшном месте – там, где вряд ли кто поселится по доброй воле, – в забытом миром горном селении Веденского района со странноватым для этих мест пронемецким названием Сельментаузен. Тут нет воды, света, газа, тепла, телефонной связи, врачей... Что тут есть, так это война. Уже 18 месяцев подряд. Тоита – одна из тех, кто не выдержал и подписал коллективную просьбу десятков семей Веденского района вывезти их куда угодно – только за пределы родной им Чечни. Подобного в истории нынешней войны еще не было: чеченцы слишком привязаны к своей земле, чтобы просить о депортации.

Зона в зоне

Даже в спецзоне под названием Чечня Веденский район – особая статья. Он все более смахивает на индейскую резервацию в США начала прошлого века, развитие которой идет в направлении дальнейшей изоляции от внешнего мира. Сюда не ездят проверяющие комиссии из чеченской столицы, от правительства и от главы администрации. Тут не показываются важные птицы из Москвы – очень боятся. Сюда не заглядывает и Владимир Каламанов – спецпредставитель президента по соблюдению прав человека в Чечне. Здесь не припомнят гуманитарные конвои. Весь внешний мир для жителей Веденского района сузился до мистеров икс в масках и белых маскхалатах (горы – зима – снег) без знаков отличия, с автоматами, голодных, злых и жестоких. Военные люто ненавидят Веденский район за то, что тут горы, где полно, по их мнению, боевиков, а потому воевать и нести потери приходится ежедневно. Ненависть удесятчена тем, что Ведено – родина Басаева, а его, как известно, никак не изловят, и военным мерещится, что с минуты на минуту он заедет в близлежащие селения погреться у печки, а он все там не появляется – и это раздражает... Не переносит район и глава республики Ахмат-Хаджи Кадыров – как родовые места своего личного врага, того же Басаева.

Однако резервация Ведено неоднородна. Тут есть люди и села, которым совсем плохо. Внутри района есть еще одна зона. В нее входят селения Махкеты, Товзени, Сельментаузен, Хоттуни. Они расположены совсем близко друг от друга, кустом вокруг самого крупного из них – населенного пункта Махкеты, где проживают около семи тысяч человек. Так вот, махкетинцы – изгой даже в самом Веденском районе-изгое. Веденцы не любят их за оппозиционность райцентру, возникшую также на военной почве, – махкетинцы не поддерживали Басаева и, более того, создали в этих селах ополчение против него. В результате даже та немногочисленная гуманитарная помощь, которая доезжает до Ведено, никогда не попадает в эти места. Лишь один раз за 18 месяцев войны общественная организация «Эхо войны», базирующаяся в Назрани (Ингушетия), привозила сюда рис, сахар и масло, и то лишь для детей-сирот.

Бежать! Прочь! Другого выхода нет.

Однако просто так за пределы Махкетинской зоны Веденской резервации не выбраться. По словам Айны Ма-каевой, сельской паспортистки, выдача документов, удостоверяющих личность, приостановлена до каких-то особых распоряжений – так ей объявили в Ведено. Почему и за что – в подробности не вдавались. Обязанности сельской паспортистки – собирать и готовить бумаги для выписки паспортов, а потом возить их в райцентр и забирать оттуда готовые паспорта. Несколько месяцев назад Айна столкнулась с тем, что начальник паспортно-визовой службы Веденского района отказался принимать у нее документы. Особенно если это касалось подростков. И в данный момент у Айны на руках 250 комплектов бумаг. В основном это молодые люди от 14 до 18 лет.

Айна с возмущением пересказывает свои бесплодные беседы с тем самым начальником паспортно-визовой службы – офицером МВД:

– Я ему говорю: наших молодых ребят замучили «зачистками», их хватают, сажают в ямы на окраине селения Хоттуни, родственники должны их оттуда выкупать! Нескольких

подростков уже замучили там до смерти! Паспорта в наших условиях – это жизнь! Нет паспорта – смерть.

А начальник мне отвечает: не моя проблема. У меня банный день. И такая история – каждую пятницу... Потому что только по пятницам принимают документы...

Люди больше не сомневаются – в их селах создаются искусственные условия, спецсистема, чтобы удерживать здесь жителей и постепенно их уничтожать.

Заготовка дров

Когда у тебя ничего нет, ты становишься способен на иррациональные поступки. Тут знают: в лес, хоть он и единственный спаситель местного люда, ходить нельзя. Ни за дровами, ни за черемшой, местным источником витаминов.

Однако люди все равно ходят, даже зная, что на сельском кладбище лежат те, кто решил запастись дровами и был пристрелен. Каждый надеется, что пронесет...

Вот рассказ Вахи, жителя Сельментаузена:

– Два дня были сильные обстрелы. Потом они прекратились. Я встал рано-рано утром, послушал, подумал и решил идти на окраину леса. Жена очень плакала, но дров уже не было несколько дней, и поэтому надо было идти. Не все ли равно, как умирать. – замерзнуть вместе с детьми как не мужчина или получить пулю... Я помолился и двинулся. На этот раз все закончилось благополучно. Принес дров дня на три – сделал пять заходов. Видите, как у нас тепло...

– Но ведь пройдет всего пара дней, и надо будет опять повторять смертельный трюк?

– Я готов. – Ваха отвечает коротко и жестко, будто офицер в строю.

Готовность умереть – главное правило местной жизни, ежеминутно порхающей между бытием и небытием. А байки о том, кто из соседей как умер, при каких обстоятельствах и от какого числа осколков, – основное вечернее развлечение, под которое младенцы отходят ко сну.

– Помните, как 5 января 2001 года с самолета упала авиабомба? – обращается к собеседникам Макка Джа-браилова из Махкетов. В тот день были убиты отец и брат Макки – Газихаджи и Газали Ахмадовы, ее надежда и опора. У самой Макки 12 декабря 2000 года пятью снарядами в щепки разнесло дом. В тот же день погибли ее соседи – вся семья Тагириных, одиннадцать человек. Да так, что даже хоронить было нечего, – положили в могилу землю с места падения рукотворных метеоритов...

Макка плачет, но женщины уже спешат дальше:

– 16 февраля со стороны воинской части взяли да обстреляли в который раз школу – прямо около двух часов дня.

Махкетинская сельская школа, к несчастью, расположена в прямой видимости – через поле от палаток воинской части. Родители побежали в часть. Им сказали: не знаем, кто стрелял, не мы, снаряды – залетные...

Глава администрации селения Махкеты – Абдулла Эльбуздукаев – производит впечатление навсегда испуганного и сломленного человека. Хотя в прошлом Абдулла – народный судья в Веденском районе. Он признается, что ничего не может сделать для своих односельчан. Абсолютно ничего. И панически боится военных, которые считают его пособником боевиков, а значит, пристрелят, когда им захочется. В результате родители решили детей в школу не пускать, тем более что школа – одно название, дети ходят туда пообщаться, а уроков совсем нет.

«Звони Путину»

Малика Юнусова молодая, но уже седая. Ее история недавно потрясла махкетинцев, и без того потрясенных.

Малика – сельская медсестра. Она готова всегда оказать помощь раненым и больным, хотя в больнице уже несколько лет не платят зарплату. В ночь с 10 на 11 февраля 2000 года

бомба попала в ее дом. Разрушения оказались стопроцентными. Погиб весь скот – а тут если чем и живут, то тем, что держат коров. Сгорели все хозяйственные постройки. У семьи остались галоши и то, во что были одеты.

За минувшее лето Юнусовы построили сарай, а односельчане подарили корову. Но 15 декабря около восьми вечера опять был обстрел. Юнусовы пошли в подвал к соседям, а снаряд попал в их новый сарай. Начался пожар. Саид-Али, муж Малики, выскочил тушить и спасти корову. Его обдало осколками.

Всю ночь Саид-Али пролежал без сознания у соседей на полу – продолжались обстрелы. Рано утром Малика бросилась в часть: если есть вертолет, можно ли отправить мужа? Вы ведь виноваты!... Ее долго мурьжили, в конце концов отказали, но обещали созвониться с госпиталем в Ханкале: везите сами. Соседи нашли машину, повезли. Но в Ханкале сказали: ранение тяжелое, надо добираться до госпиталя в Моздоке.

Добрались. А там нейрохирург ей говорит: если ваш муж был бы боевиком или военнотружущим, я бы оказал ему помощь как стороне военного конфликта. Если он просто мирный житель – не имею права, только за деньги. Платите 40 тысяч рублей наличными прямо сейчас, тогда начну оперировать.

Денег не было, и Малика увидела, как раненого Са-ида-Али вывезли из операционной в коридор. Ее пустили к телефону: звоните тем, кто может принести деньги.

– Мне некому звонить... – заплакала Малика. И нейрохирург ответил:

– Звони Путину.

Малика спросила:

– А если бы меня сейчас не было рядом, у кого бы ты просил деньги?

Врач ответил:

– Не просил бы... Просто отправил в морг. Малика бросилась искать машину.

По счастью, водитель согласился бесплатно довезти ее и Сайда-Али до Аргуна. Там познакомил с теми, кто довез до Грозного, до 9-й горбольницы. Все это – с блокпостами, с остановками в темное время суток.

В 9-й больнице Сайда-Али наконец-то прооперировали – уже когда истекли третьи сутки после проникающего черепно-мозгового ранения. Муж Малики прожил еще месяц. Его не смогли спасти от сепсиса – врачи объяснили, что операция слишком запоздала.

Окрепнув духом после похорон, Малика отправилась в Ведено к военному прокурору. Но тот отказался принять заявление. Вскоре после поездки в Ведено Малику нашли в селе военные из части – значит, прокурор им сообщил о ее жалобе, – и объяснили: первые снаряды – по сараю – выпустили не они, а кто это сделал, они не знают. Позже стреляли уже они, потому что увидели большой костер в темное время суток и бегающего вокруг человека...

Малика развела руками: конечно, костер, ведь пожар начался, и муж действительно бегал по двору, пытаясь спасти горящую корову... Военные ушли, а Малика подумала: хорошо, что не застрелили... Людям в погонах тут¹ нечего бояться и некого стесняться. В Веденском районе до сих пор нет ни суда, ни следствия – в зоне этого не требуется. Только иррациональный беспредел, и виноват всегда тот, кто просто подвернулся под руку. Как муж Малики, спасавший корову. Сегодня у Малики нет ни мужа, ни жилья, с тремя детьми живет она где придется. Есть нечего, одеться не во что... И Малика умоляет: помогите уехать – куда угодно:

– Люди говорят, в Ингушетии новый лагерь для беженцев построили. Я прошу, устройте туда. Хуже не будет. Мне хоть чеченский закон, хоть русский, хоть корейский, хоть японский – главное, чтобы был какой-то закон. И поесть бы...

– Я не могу тут больше оставаться, – поскуливает Тоита – мать, скрывающая имя собственного ребенка и уже жалеющая, что так его назвала. И затыкает вялым соском ротик хнычущему Джохару.

И, как эхо, то же самое вторят другие вдовы и жены Сельментаузена, Махкетов, Товзени, Хоттуни:

– Мы не видели врачей уже несколько лет... Мы умираем. Нам нечего есть. Нечем топить печку... Дайте отдохнуть от бомбежек... Солдаты забирают последнее. Измучили нас.

Национальная ликвидация

Июль 2001-го. Мы встречаемся с Айной, будто она – разведчик-нелегал, а я – связной из центра. С предосторожностями, достойными шпионского триллера. Айна пробиралась к месту нашего свидания тайными тропами, путая маршруты и никак не афишируя, даже перед своими соседями, куда и зачем отправляется. Но вот беда, мы с Айной – никакие не подпольщики и нам вообще противно положение, в которое нас поставила власть. Ведь всего-то: Айна – вдова из Махкетов, а я – журналист, желающий знать, почему уже несколько месяцев подряд Махкеты оцеплены и изолированы от внешнего мира.

–А вы знаете, только что убит тот самый водитель, который отважился доехать тогда, в феврале, до Шали, чтобы сообщить за пределы Чечни о вашем аресте. Его отговаривали, а он сказал: «Надо спасти человека».

–Как убит?

–Подъехали военные, спросили имя и расстреляли в упор. Это было 30 июня. Звали его Имран.

Значит, я живу ценой жизни Имрана?

– Но ведь то, что именно Имран поехал тогда в Шали, знали только в селе? Ваши люди. Значит, кто-то из них донес военным?

–Конечно. У нас теперь столько стукачей, что не знаем, как быть. Федералы развращают наших людей, платят им – за смерть соседей. Я сама, идя на эту встречу, больше всего боялась стукачей, не федералов. Военные приходят в села по их наводкам. Правда, спустя какое-то время они же их и уничтожают... Помните в Сель-ментаузене старый дом, куда мы ходили, чтобы встретиться с четырьмя мужчинами, только что выкупленными из ям на территории 45-го полка?

Отлично помню. Дом был совсем бедный. Семья ютилась в одной узенькой комнатухе с примитивной печкой, которую только и могла протопить собранным на подступах к лесу хворостом. Маленькие дети жались тогда к матери и с ужасом смотрели на гостью, обличьем похожую на людей, которые как-то забрали их отца, после чего он вернулся домой весь избитый и больной.

Сам же хозяин дома оказался веселым остроумным человеком одного со мной года рождения. Он совсем не жаловался на пытавших его федералов, чем и удивил меня. Он смеялся над ними... Говорил, растирая раздробленные пассатижами пальцы: «Несчастные... Придется же за все отвечать перед Богом. Какая разница, что мы называем его Аллахом...»

– И его убили, – тихо произносит Айна. – Пришли, забрали, где-то расстреляли, а труп выбросили на дорогу. Никто в селе не сомневается, почему так произошло: потому что он рассказал вам о пытках. Мы решили попросить вас даже сейчас не называть его имени. Нигде. Чтобы семья выжила.

– А помните того черноволосого парня, что тогда сидел на самодельном топчане рядом с хозяином?

–Конечно. Тоже очень смешливый был. Который еще успокаивал...

– Да-да, он вам все говорил: «Да не расстраивайтесь так! Чечены – мы живучие. Вот меня никакая зараза не берет».

– Это он так ответил на вопрос, снятся ли ему по ночам пытки, через которые прошел...

– Его тоже нет. Убили. Так же: пришли, уточнили фамилию, забрали. Только труп не выбросили, а заставили родственников выкупить. В итоге из пятерых мужчин, с которыми мы тогда разговаривали в Сельментаузене – в той комнате с печкой, – нет теперь троих... А тракториста помните? Он чинил трактор у крайнего дома в Сельментаузене, и вы говорили с ним минут пятнадцать. Он вам рассказывал о набегах федералов, а вы его еще спросили: «А боевиков давно видели? Когда они приходили?»

– Да, конечно. И он ответил: «Давно. Год назад. Зашли в село, сутки сидели, федералы на эти сутки прекратили обстрелы, боевики отогрелись, помылись, пошли дальше – и тут-то начались у нас облавы...» Это его рассказ. Он у меня записан в блокноте.

– Тракторист тоже застрелен... А помните людей, с которыми сидели ночью в Махкетах – и говорили, говорили, говорили? В комнату набилось тогда человек 20– 25. Так половины теперь тоже нет на свете. Помните Таус Тагирову? Она так много вам рассказывала, плакала. Двоих ее сыновей забрали прямо из дома в 45-й полк, и уже два месяца ничего о них не

известно – пропали... Помните Магомедхаджиевых? Харона и его жену? Забрали Харона, избили на глазах у шестерых детей, уволокли, и тоже почти уже два месяца ничего не известно... Люди не знают, что делать дальше. Похороны – каждый день... – говорит Айна, и глаза у нее сухие.

Смотрю на загнанную в угол Айну, каждые пять минут разговора вспоминающую о собственных детях, оставленных сейчас в Махкетах. Ее трясет от мысли, что, пока ее не будет, с детьми может случиться что угодно. Вдруг донесут?

У кого повернется язык сказать, что эта жизнь хоть чуть-чуть напоминает нормальную...

Б локада Грозного. Очередная. № 100

Спасайся, кто может

Жизнь Грозного делится на две категории – «открытую» и блокадную. Первая – это когда город свободен для въезда и выезда. Относительно, конечно, свободен – когда все равно надо передвигаться через «сито» десятков внутренних блокпостов-грабителей, взимающих дань в 10-20 рублей с каждого проходящего и тем более проезжающего мимо. Тем не менее есть шанс съездить к родным в село, которое даже за пару километров от Грозного (что невозможно при «второй категории»), можно отправиться на рынок в Гудермес и даже, если повезет и ты пройдешь все блокпосты на всех дорогах, – в близлежащие: с одной стороны – Ингушетию, с другой – соседний Дагестан. Воля! В пределах войны, конечно. Студенты съезжаются из сел на занятия в полуоткрывшиеся грозненские институты и университет. На улицах – народ. Грозненская жизнь бурлит среди руин.

Вторая категория – блокада, или «Стоп, колеса!». Так называют военные состояние, когда сами же закрывают город и в нем начинаются «спецмероприятия» – проверки и облавы, смысл которых подчас понять не просто сложно, но и невозможно. Грозный замирает, рынки пустеют, лавки сворачивают свой товар, по улицам, со скоростью урагана, гоняют бронетранспортеры, сметая все на своем пути, включая случайных прохожих. Слышны выстрелы и автоматные очереди. Больных младенцев родители уносят прямо с операционных столов.

Руины разрушенного города тоже бывают веселыми – это когда вдруг с самого раннего утра много яркого солнца, а копоть пожарищ развеяли ночные ветры.

17 сентября 2001 года в Грозном так и начиналось – люди, лавирующие между развалинами, улыбались. И солнцу, и друг другу, и этому сиюминутному счастью, что «как раньше», – а на другое, не сиюминутное, тут не надеются.

Интуиция не обманула грозненцев и на этот раз – их радость не могла быть долгой. Уже к девяти утра руины помрачнели. Вроде бы и солнце ушло. Люди уткнулись подбородками в грудь, стараясь незамеченными прошмыгнуть мимо блокпостов, вокруг которых солдаты принялись раскладывать «жалящих змей». Это специальные заградительные приспособления, представляющие из себя металлические подвижные ленты с торчащими наружу железными пиками средней величины. Разложил – значит, «стоп, колеса». Народ знает: раз наткнулся на расползающихся «змей», значит, спасайся, кто может, ищи укрытия, да поскорее, город перекрывают для движения транспорта, а это есть самый верный признак подступающей «зачистки». И очень скоро Грозный омертвевает, и людей разгонят по домам, если они у них еще остались.

К одиннадцати утра наступает мертвая пауза в жизни города. Нельзя двигаться уже и между блокпостами. После метаний между перекрытыми дорогами свое поражение вынуждены признать даже те смельчаки-весельчаки, которые за час до этого еще подмигивали: мол, прорвемся, куда надо, мы тут знаем такие потайные тропы в заминированных руинах, что никакие блокпосты нам не страшны.

Солдаты, охраняющие блокпосты, удивляются вместе с нами – теми, кто застрял: странный приказ пришел – не пропускать даже военных и милиционеров!

Действительно, рядом стоят блокированные офицеры какого-то другого силового ведомства – не того, которое отдало приказ о блокаде. (Характерная черта для Чечни –

«силовики», даром что в составе одной «Объединенной группировки сил и войск на Северном Кавказе», стараются одни других не слушать, не воспринимать.) Милиционеры из состава так называемой «чеченской милиции» – вновь организуемых подразделений из числа местных жителей – тоже среди нас, то есть в блокаде. Девочки-школьницы лет по девять-десять также потеряли право пройти еще сто метров и добраться до разрушенной школы № 41, где, вопреки всему, идут занятия. Зачем все это?

Застраившие люди не задают таких вопросов солдатам, осуществляющим блокирование. Во-первых, солдаты и сами не в курсе. Во-вторых, знают, что это ничего не изменит.

Стрельба по генералам

В доме правительства Чечни, представляющем собой группу отремонтированных домов за высоким невзрачным серо-грязно-желтым забором в самом центре Грозного, в это же время по своему кабинету мечется премьер Станислав Ильясов.

Правительственные комнаты вокруг него пусты – 80 процентов чиновников не явились на работу потому, что не смогли пройти до здания через блокпосты. Ильясов хватается за многочисленные телефоны, гневно переругивается с кем-то из высокопоставленных военных. Рядом с ним – молодой генерал-лейтенант. Генерал понимающе кивает, и получается у них вроде бы разговор на одном языке: военное всевластие и беспредел в Чечне пора решительно прекращать, иначе никогда до мирной жизни не доберешься.

Со стороны все это выглядит странно: почему и генерал, и премьер – такие важные тут люди – бессильны против армейской анархии? По пустынным улицам на огромной скорости продолжают шнырять остервенелые бронетранспортеры – хозяева грозненского участка Вселенной. Никому во всем свете в этот момент нет дела до Ильясова. Да и он пока не знает, что вот так, почти одному, ему предстоит просидеть в правительстве еще несколько дней... Блокада будет долгой.

Ближе к полудню город становится крепостью, готовящейся к проведению какой-то крупномасштабной спецоперации. Женщины шепчутся: «Может, где-то наступление боевиков?» Жизнь замирает, люди стараются исчезнуть. Лишь лязг бронемашин, ближний и дальний, да кое-где редкий женский крик, переходящий в плач: «Пропустите, там у меня ребенок...»

...Молодой генерал-лейтенант начинает прощаться с премьером Ильясовым. Тот просит его остаться. Но генерал говорит, что никак не может, что должен спешить в Москву – на доклад президенту, доклад намечен на завтрашнее утро. «Уже две недели я здесь... Достаточно», – произносит генерал.

Присутствующие смотрят на генерала с уважением и даже восхищением. Узкий круг посвященных знает, что у генерала было специальное задание президента, беспрецедентное в нынешнем контексте Чечни: собрать факты о воинских преступлениях, сделать выводы и доложить главе государства.

Вертолетная площадка – прямо на территории правительственного комплекса, под окнами премьерского кабинета. Ильясов провожает генерала и его свиту до трапа. Вертолет быстро взлетает с правительственной площадки, и еще некоторое время его можно видеть. Все, кто заблокирован в это время на блокпостах, особенно в самом центре Грозного, – тоже видят этот вертолет... Но это созерцание длится всего несколько минут, после чего вертолет падает прямо на центр города. Его сбивают «Стингером».

В том вертолете гибнет и молодой генерал-лейтенант (по имени Анатолий Поздняков), спешивший на доклад к президенту, и еще один генерал Генерального штаба, ему помогавший, и шесть полковников Генерального штаба. И пилоты, конечно. Вместе со всеми материалами, собранными президентской комиссией по фактам военных преступлений в зоне «антитеррористической операции»...

Вечером все телеканалы и информагентства кричат о «большой трагедии для всех Вооруженных сил», о «новой вылазке боевиков», о том, что сбил вертолет бандит-одиночка с «зенитно-ракетным комплексом иностранного производства» в руках, «в белых брюках», с

многодневной щетиной... Выскочивший из руин в район, прилегающий к площади Минутка.

Но я же сама там стояла... Там было такое скопище блокпостов, как нигде в Грозном, и если кто-то «выскочит из руин», а тем более со «Стингером», – это будет видно сразу на нескольких блокпостах, вооруженных до зубов. Да, собственно, никакая это уже давно не площадь, а всего лишь участок земли, перерытый снарядами и бомбами. Руины, блокпосты, опять руины, опять блокпосты... Солдаты могут видеть и друг друга, и окружающее пространство без бинокля, и когда стоишь на Минутке, не может прийти в голову сделать лишнее движение рукой – настолько все под контролем. Даже фотоаппарат вытащить без разрешения федералов – большая проблема, которая может закончиться автоматной очередью без всякого предупреждения, и где гарантия, что оторвет только руки с фотоаппаратом, а не сразу с головой? Что уж говорить про «боевика в белых брюках с зенитно-ракетным комплексом»...

Да и вертолет, как выясняется, на сей раз почему-то был «случайно» лишен какого-либо боевого прикрытия. Хотя там летели высокопоставленные офицеры. И погиб на Минутке именно тот военный, который попытался повернуть дело к миру. Слишком много деталей, заставляющих сомневаться.

Именно такова одна из главных проблем Чечни – она не в хитрости и оснащенности боевиков, и не в «иностранным производстве» их оружия. Она – в предательстве «своих». Тех из них, кто желает продолжения войны и ради этого готов на все. Например, на тотальную блокаду Грозного, 17 сентября 2001 года создавшую все необходимые условия для стрельбы зенитно-ракетными комплексами по нужным генералам. Стрельбы без лишних свидетелей.

«Поговори мне еще, сука!»

Упавший вертолет стал и причиной блокады, и поводом к ее продолжению на неопределенное время. И неважно, кто все устроил, – важно, кто за все получит сполна.

Ночью с 17-го на 18-е Грозный сотрясали мощнейшие «зачистки». Мужчин хватили по домам, и женский вой вслед увезенным сыновьям, мужьям, братьям, соседям стоял над городом, смешиваясь с автоматными очередями и грохотом минометов.

К шести утра 18 сентября блокадный рассвет вытеснил блокадную ночь, напичканную стрельбой. Бронетранспортеры, облепленные продрогшими, злыми и невыспавшимися людьми в черных масках, поджидали грозненцев, по необходимости выползающих на улицы.

А необходимость только одна: кому-то обязательно надо идти на работу. Медикам, например. Больные-то ждут...

Делаю щелочку в занавеске, хозяйка комнаты шепотом умоляет не обнаруживать себя, увидят «маски» – обстреляют.

Через щелочку рассматриваю пустую улицу за окном. Это Старопромысловское шоссе. В пяти метрах от щелочки – бронетранспортер. В десяти – тоже. Куда дотягивается зрение – бронетранспортеры везде. Солдаты, сидя на броне, грязно и без причин матерятся. Некоторые явно нетрезвые. Другие глушат воду из пластмассовых бутылок – похмельный синдром. И вот, мелкими шажками, с оглядкой, опаской и постоянными остановками по шоссе движется молоденькая медсестра. Она в белом халате, одела его, конечно, специально, чтобы солдаты видели, что медработник, и пропустили. Она идет на работу, совсем рядом тут 9-я грозненская горбольница. О ней всем в Грозном, и военным, и гражданским – все же не хотят умирать – известно, что 9-я – единственная, не прекращавшая работать ни при каких обстоятельствах. 9-я тут совсем поблизости. Медсестре осталось несколько метров...

Вот медсестра выставляет вперед ногу и ждет, не выстрелят ли? И только потом подтягивает другую, от страха согнутую в коленке. Похоже на балет, но это жизнь...

Так, «ползком», медсестра и «движется». Солдат это явно развлекает. Они матерятся еще пуще.

Медсестра на дороге совсем одна – никого, кроме тех, кто ее поджидает на бронетранспортере и уже взял на мушку, и тех, кто сзади и тоже держит палец на спусковом крючке.

Наконец надоело. На медсестру истошно орут: «Стоять!» Это солдаты сзади. И вдруг, от этого окрика, совсем неожиданно девушка становится смелой – она выпрямляет коленки и быстро и решительно уходит куда-то в сторону. Прочь. Ее провожает автоматная очередь.

Над Старопромысловским шоссе опять тишина. Потом появляется группа женщин – человек десять. Медленно и тоже наощупь они пытаются продвинуться по направлению к зданию Ленинской районной военной комендатуры – ее ворота как раз напротив моей щелочки. Это матери, жены, сестры арестованных во время ночной «зачистки» мужчин. Они идут в комендатуру узнать, какой выкуп будет назначен за их мужчин. Выкуп – обычная практика в Чечне. Надо успеть с рассветом, пока арестованных из комендатуры не увезли еще куда-то, тогда можно вообще никогда и нигде человека не найти.

– Пошли отсюда! – Матери, жены, сестры утыкаются в смачный плевок с БТРа.

– А вон те, – начинают наперебой объяснять женщины, указывая в сторону предыдущего БТРа, – сказали нам сюда идти...

– П-п-пшли отсюда! – Люди в «масках» щерятся, будто голодные волки, цедят слова сквозь зубы. – Кому сказано! П-п-пшли!

И опять мат. У женщин с ходу воспламеняется истерика.

– Дайте жить... наших забираете... Грابتе... Матерей своих вспомните...

– Поговори мне еще, сука! – вопит БТР, заводя себя матом. – Сказали же вам: уезжайте отсюда! Нечего здесь жить. Наше это.

Женщины с рыданиями отступают. Слышится:

«А куда нам уезжать?»

«Кто нас где ждет?»

Вслед группе женщин выдвигается военный – по виду офицер. Ему отдана роль «доброго следователя», появляющегося после «злых». Он о чем-то шепчется с женщинами (о выкупе), и, обнадеженные, те быстро и деловито расходятся. С офицером продолжает спорить лишь одна, но через пару минут и она уходит – компромисс, видимо, достигнут.

Этот офицер – посредник-финансист. Таких тут много. В каждой воинской части, в каждом подразделении, в каждой комендатуре. Поскольку работорговлю арестованными осуществляют везде – повсеместно, и каждый участник финансовой цепочки рассчитывает на свою долю. Этот офицер сказал каждой, какой следует принести в комендатуру выкуп, чтобы «ее» мужчину к вечеру отпустили. Обычная история: «зачистки» с целью ловли боевиков завершаются примитивным торгом: товар-деньги-товар.

Правда, касается это не всех. Потому что не все способны добыть денег – Чечня обнищала. Не все успевают к поставленному офицером сроку. И тогда следы арестованных теряются. Или посредник объявляет, что теперь речь уже идет о выкупе трупа... А труп уже стоит дороже, чем живой, – так постановлено военными, знающими, что нет для чеченца хуже муки, чем не соблюсти по правилам похоронный обряд для сына, отца, брата.

Так второе блокадное утро подходит к концу.

Единственный пациент

Наступает блокадный день. Особого разнообразия в жизнь грозненцев он не несет. Все продолжают быть запертыми не просто в городе, но и по отдельным его сек-

торам – условия военной мышеловки сохраняются: передвижение из одной части города в другую, в том числе и пешее, запрещено. И ты, как в лабиринте, крутишь-крутишь тайными тропами и руинами, а обнаруживаешь себя все у того же блокпоста, где, греясь на солнышке, веселый солдат, которому тоже порядком все надоело, предлагает рассказать анекдот – в качестве расплаты за нашу, собравшихся у его бетонной конуры людей, несвободу.

И рассказывает. Из известной категории: «Летела стая слонов...» Мы – те, кто по другую сторону колючей проволоки – не смеемся – лишь криво улыбаемся.

– Не смешно? – спрашивает веселый солдат и неожиданно, забыв о приказе, который выполняет, пропускает вперед большинство застрявших рядом с ним людей. Эти счастливые случайности в Чечне – залог выживания.

Мне надо в так называемую детскую городскую больницу № 2 – единственный сегодня детский скоропо-мощной стационар на всю Чечню, где есть детская реанимация.

Улица 8-го Марта пустынна, как Сахара. А здание детской больницы на ней – как полуистребленный оазис: второй этаж зияет пустотами на месте окон, первый ошарашивает безлюдьем и полным отсутствием милых сердцу детских звуков. За столом в убогой комнатенке сидит большой смуглый человек в очках на кончике носа и пытается читать книгу. Это главный врач Руслан Ганаев, он очень нервничает:

– Я как на иголках. Мои врачи повезли тяжелого мальчика домой в Аргун – родители так потребовали. Сказали: умирать, так уж дома, а не в Грозном...

Мальчику месяц, у него круп, задыхается, врачи будут качать ручной дыхательный аппарат до Аргуна, а потом вернуться... А может, не вернуться.

– А где дети? Где ваша охрана? В администрации уверяют, что все больницы под охраной.

– Охраны не было и нет. Наверное, о нас не помнят. Детей тоже нет. Как только началась блокада, родители похватили своих детей и попытались прорваться в села, спасаясь от обстрелов и «зачисток». Забрали даже из реанимации. Вытащили трубки и унесли. Девочка с ДЦП лежала на растяжке – сняли с растяжки. В больнице сейчас остался всего один пациент – трехмесячный Сала-ват Хакимов из Алхан-Калы. Он – тяжелый, и он спит. Рядом с туго спеленутым спящим Салаватом – молоденькие мама и тетя. Они объясняют, почему не ушли вслед за всеми. Мальчику нужна срочная операция, без которой он обречен. У Салавата свищ тазобедренного сустава, образовавшийся на месте укола, сделанного в роддоме. (И в роддом, и в детскую больницу так и не подвели воду, и сегодня это, по суткам, полевые госпитали с соответствующим уровнем дезинфекции, точнее, отсутствием ее. Отсюда и свищ на месте «грязного» укола.) У младенца уже гноится кость, начинается сепсис и очень высокая температура – он может погибнуть в любой момент.

– Почему вы не привезли мальчика на операцию раньше?

Вопрос – естественный, да не для этих абсолютно противоестественных условий. Мальчик родился незадолго до того, как в его родном селе Алхан-Кала началась «зачистка» по ловле одного из полевых командиров, Село, как и сейчас Грозный, полностью заблокировали. Не входить, не выходить. Включая беременных, больных и младенцев на руках у их матерей. Все были приравнены к пособникам террористов. Сначала федералы несколько недель гонялись за бандитом по селу, потом, уничтожив, перешли к многодневным «зачисткам» населения. Вывести ребенка в Грозный, в больницу, не представлялось возможным. Салавата трижды оперировал сельский фельдшер. Прямо дома, без всякого наркоза и антисептики... Операции прошли неудачно: в результате чего у него гноится кость, и он очень слабенький. Салават – настоящая жертва этой проклятой «антитеррористической операции», хоть ему всего три месяца от роду и террористом он не может быть хотя бы только поэтому.

– Завтра операция, – говорит мама. – Дальше тянуть нельзя. Спасибо врачам, что, несмотря на блокаду, будут оперировать.

Мальчик лежит поперек взрослой кровати – детских тут нет. Мы присели рядом с ним и тут же провалились. Оказывается, все кровати – с дырявыми железными сетками, и если не изловчиться, положив под матрац старую деревянную дверь, принесенную с соседних развалин, то и не ляжешь, и не сядешь.

Странно выглядит и медицинское оборудование, которое используют врачи. Если бы над входной дверью не висела табличка «Городская детская больница № 2», то весь этот инвентарь можно было бы принять за склад списанного оборудования, которое просто не успели вынести на помойку. Но у этой рухляди, которую врачи считают бесценной, – тоже своя военная история. Перед штурмом Грозного в начале войны, зимой 1999–2000 года, врачи спрятали все, что использовали в работе, в близлежащих подвалах: если бомба угодит в один, то уцелеет другой. Один подвал, где хранили операционное оборудование, при «зачистке» обнаружили федералы, вытащили все и уничтожили, предварительно отрапортовав по телевидению, что нашли «тайную операционную», где возвращали в строй раненых боевиков. То, что чудом сохранилось по другим подвалам, теперь служит детям на улице 8-го Марта, у доктора Ганаева.

– Вы получали какую-нибудь новую аппаратуру от новой власти?

– Нет, конечно, – отвечает главврач.

А в Москве тем временем много разговоров о том, как «налаживается в Грозном мирная жизнь», о составах медоборудования от имени Минздрава, о грузовиках с лекарствами. В городе постоянно меняются мэры. Каждый новый мэр произносит новые громкие слова о «новой Чечне» – и новая бездеятельность. Ныне функционирующего мэра зовут Олег Жидков. Он – полковник ФСБ. Неприятный тип со стеклянными глазами и корпоративной ненавистью к открытости. Он сидит в мэрии, и оттуда его не выудишь. В момент его назначения генералы говорили по телевизору о надежде на возрождение Грозного из пепла. Однако Грозный по-прежнему в пепле, а мэр Жидков так ни разу не побывал у Руслана Ганаева в больнице. Впрочем, как и во всех остальных

грозненских медучреждениях. А в довесок к Жидкову, между прочим, в Чечне исправно получают зарплату из Москвы и некоторые другие ответственные за состояние 2-й больницы господа – «социальный» вице-премьер, министр здравоохранения с приличной свитой чиновников в придачу.

И что? А ничего. Никому из них абсолютно не интересны дети Чечни, которые, заболев, могут сегодня рассчитывать еще на меньшее, чем при Масхадове.

...Главврач снимает очки и обнажает вечные глаза доктора Чехова. Он не желает ввязываться в политдискуссию.

– У нас... долг, – говорит он мягко и тихо. – Что бы ни случилось... Мы не о Жидкове – мы о детях.

И, вдруг увидев чей-то силуэт в сумеречной темноте развороченного больничного коридора, быстро идет навстречу, крепко, как после долгой разлуки, обнимая вошедшего с улицы человека. Это педиатр – тот самый, который, рискуя своей жизнью, вывез младенца с крупом из заблокированного Грозного в город Аргун и сумел вот вернуться.

Они стоят, обнявшись, несколько минут, как будто тот вырвался из обреченной разведки боем.

– Пора уходить отсюда. Скоро начнет темнеть. Вас могут засечь, – говорят те, кто рядом.

– Кто может засечь?

– И те, и эти. Очень опасно. От наших отобьемся, от ваших – нет.

Выходим на порог, прощаемся – и опять как в последний раз. Это главная современная грозненская традиция: никто не надеется дожить до утра. И поэтому не экономит на душевном тепле: завтра может и не наступить. Если не для тебя, то для него...

Разговоры на кухне

Опять блокадный вечер и следующая за ним блокадная ночь. Никогда еще, со времен штурма зимы 2000 года, в Грозном не было так беспокойно, как в эту сентябрьскую блокаду. Кажется, что небезопасно все: дышать, ходить, говорить... И даже думать, потому что рождаются мысли, которыми хочется поделиться. А это тоже опасно.

Но опускается блокадный вечер, и хоть он и нервный, опасливый, но тянет поговорить. За столом пять женщин, случайно оказавшихся рядом, – от пенсионерки до молодухи. Всем хочется забыться, потрепаться о хорошем и любви, неспешно расплетая женские истории, свои и чужие, но на кону выходит все то же – о войне, раскинувшейся за окнами и, лишь только мы забудемся, прихватывающей нас за самые больные места.

Лариса Петровна родилась, выросла и прожила всю жизнь в Грозном. Русская. Теперь, с приходом русских, вынуждена находиться в узкоограниченном пространстве одного из грозненских дворов. И так – уже несколько месяцев подряд.

История Ларисы Петровны тяжкая: она была в заложниках у чеченских бандитов в самом начале войны, они требовали отписать квартиру на указанное бандитами имя, но, ничего не добившись, просто отпустили, многомесячно немытую, забитую, с ногтями, закрученными в трубочки.

– Ладно, забыла я все, – наконец обрывает себя Лариса Петровна. – Не хочу вспоминать. Выжила, и все.

Ехать ей из Чечни некуда, и теперь, с ухудшением обстановки, когда многие военные

превратились в тех же бандитов или «работают» вместе с ними, – Лариса Петровна, по собственной воле, никуда и никогда не выходит от приютивших ее чеченских бывших коллег. Лариса Петровна – инженер на пенсии.

– Но это тоже не жизнь.

– Да. А куда деваться-то? – То же говорила мне мама крошечного Салавата со свищом. Люди живут сейчас в этом городе не потому, что это – нормальная жизнь или что-то меняется к лучшему, а потому, что «деваться некуда». – Я не понимаю, как все это произошло. Ждали облегчения с приходом войск, надеялись на лучшую жизнь, а теперь – совсем рабы.

Вторая из нас – чеченка Фатима, давно уже вдова. Недавно она выкупала сына из райотдела милиции (так же на рассвете шла к комендатуре в толпе женщин). Фатима рассказывает свою историю очень тихо – громче боится, потому что считает, что всюду «уши» – вся Чечня в стукачах.

Ее сына забрали в пять утра, прямо с постели. Отбили все внутренности, требуя сознаться в связи с ваххабитами. А как ему было сознаться, если он как раз из семьи, многое положившей на алтарь борьбы с длиннобородыми и преследуемой ими?

С шести утра, в толпе других, Фатима уже стояла у милицейского шлагбаума. Вскоре вышел офицер и сказал: «500 долларов, и не позже трех часов дня, иначе сына больше не увидишь».

– Так ты нашла 500 долларов?

– Представь себе. Так быстро я никогда не бегала от дома к дому.

Сын получил свободу и теперь лечится – у него отбиты почки. А тот чеченский милиционер, друг ее семьи, который помог собрать эти проклятые 500 долларов, долгие годы проработавший милиционером – до Дудаева и всех нынешних войн – и вернувшийся в милицию в прошлом году, человек при высоком чине, должности и сердцем болевший за все то, чему теперь стал свидетелем, – так вот, тем же вечером, когда Фатима выкупила сына, он умер от инфаркта. И перед тем, как скончаться на руках у близких, все повторял: «Как же это могло случиться?» И каждый понимал, его «это» было не только о сыне Фатимы.

Женщины за столом не плачут, хотя и хочется. В Грозном редко услышишь плач – слезы давно выплаканы, и по тому, плачет женщина или нет, определяют, давно ли она вернулась в Грозный из беженских лагерей.

А за окнами – тьма и тишина, даже собаки давно не лают. Нет и птиц – их тоже «зачистили». Не поют, и все тут. Где-то далеко – зарево спорадических бомбометаний без звука: немного похоже на грозовые всполохи, но вид слишком искусственный и угрюмый.

Говорим о том, что чувствуем, видя зарево: можно ли радоваться жизни, если понимаешь, что если не ты сейчас попал под эти бомбы, то обязательно другой – это закон новой чеченской жизни. После полуночи опять приходит время скрежета бронемашин. Все пригнулись и съезжились, уменьшившись в размерах: куда они ползут? Не к тебе ли?

Пять минут, и отлегло – не к тебе. «Броня» прошамкала мимо.

– Вот до чего мы дошли: радуемся, что к другому, – подводит черту Фатима.

До нового блокадного рассвета – часов пять, и надо их вытерпеть, а это дело абсолютно интимное. Ужас выживания в том, что выживают, как и рождаются, поодиночке. Значит, надо расходиться, чтобы лечь, закрыть глаза и остаться один на один с миром, который не хочет тебя.

Грозненские молодожены Виктория и Александр

– Босяк ты, Сашка! Ну, босяк... – мило воркует-приговаривает Вика, пытаясь куда-то дотянуться своей выкрученной рукой. Сзади – темный проем, напоминающий открытый холодильник.

Наконец нащупала то, что хотела, и тянется к Сашке-босяку:

– Вот тебе расческа. Все-таки мы должны как люди... Пригладь локоны.

Мы виделись накануне вечером. За прошедшую ночь в их окошке – еще два пулевых «ранения». Впрочем, оба не обращают никакого внимания на эти предательские дырки: место

действия – Грозный. Это значит, люди тут живут ко всему привычные.

– Стреляли... – говорят равнодушно, стилизуясь под старое известное кино. – Помните «Белое солнце пустыни»?

– Помню, конечно. Его по телевизору часто повторяют.

– Это у вас. У нас люди телевизор не смотрят, и часто спрашиваешь: «Помнишь такой-то фильм?» А человек отвечает: «Не помню».

«Стреляли...» И тут же смеются, и ласкаются – настоящие молодожены: одухотворенные недавней ночью и полностью свободные от любого «вчера», каким бы оно ни было. Наука жить сиюминутным счастьем освоена этой парой виртуозно. И действительно, ведь это еще не скоро, часа через три, наступит грозненский день, и тогда навалятся проблемы: что поесть, где достать воду, – и придет злость, и обида, и осознание клетки, в которую загнан судьбой, и, в конце концов, ближе часам к трем даст о себе знать хроническое отсутствие обеда...

Но пока – завтрак. Грозненский завтрак военного времени. Жидкий чай – вода, хоть и перекипяченная несколько раз, но чем-то пахнет.

–Лучше делать вид, что у нас все, как у остальных по стране, – говорит Вика, потягивая горячую жидкость, гордо именуемую «утренним чаем». – Иначе сойдешь с ума.

–И не вспоминать, что, кроме чая, в доме ничего? – полуспрашивает-полуутверждает Саша.

–Ты на что намекаешь? – кокетливо косит глазом Вика. – Что я плохая хозяйка? А?

Вика и Саша – грозненские молодожены. Из городка Иванова – так называется один из грозненских микрорайонов, где нет улиц, а лишь номера домов.

Официально они – Александр Георгиевич и Виктория Александровна Джура. Вступили в законный брак 6 апреля 2001 года – несколько месяцев назад.

–Вика, все, хватит ерунды! Читай же! – приказывает причесавшийся «босьяк», выпив чая.

Минуты две Вика кокетничает, «строит глазки» мужу, напустившему на себя суровость. На третьей минуте игры, как только Саша реагирует на «глазки», Вика опять куда-то в сторону запускает руку и достает тетрадь, прошедшую с ней всю войну.

...Понять – поймешь.

Почувствовать – не сможешь:

Чужая боль – горька, но не болит.

До самоистязания, до дрожи

Сознание того, что инвалид...

Вот и сидишь, подкошенный кузнецик.

Пройдешь пять метров – и опять садись...

И только ветер обнимает плечи,

Но все равно душа стремится ввысь.

Как больно насмехается природа,

Какое испытание в судьбе, -

Когда идешь походкою уроды,

И взоры все прикованы к тебе.

–Ну, вот, заголосила... – прерывает Вику Саша. – А что-нибудь веселенькое есть?

Однако видно, что мужу именно это стихотворение очень нравится. Он просто не хочет казаться слабым при гостях.

Саша и Вика – инвалиды первой группы. С детства. В десять лет Вику сбил мотоцикл, и все, что с ней сейчас, – последствия тяжелой черепно-мозговой травмы. А Саша просто родился таким. Их опорно-двигательные аппараты на пару бастуют. Бывают, конечно, светлые дни – особенно у Вики, которая еще кое-как передвигается. Но большую часть долгих месяцев оба проводят на площади в два с половиной квадратных метра, на кухоньке в уцелевшем первом этаже их «пятиэтажки» (наверху – сгоревшие и разбомбленные квартиры), сидя за столом, стоящим у окна, через которое пролетают пули.

А во след слова:

– Бедная, несчастная. –

*Кругом голова,
Но я – безучастная.
А во след – смешки:
– Посмотри, как ходит!...
– Говорят, стишки
Сочиняет вроде...
И опять – босиком по лезвию.
Не озлобиться.
Не отчаяться –
И в невзгодах жизнь продолжается.
Год за годом – как речка быстрая.
Плакать – просто. Труднее – выстоять.*

Вика Джура – поэтесса. Это ее главное занятие в жизни. Теперь помимо Сашки, конечно. Она пишет стихи в старых школьных тетрадках – своих и чужих, много работает над словом, часто переписывает. И поэтому очень плохо спит по ночам.

– Как и полагается поэту, – добавляет Саша.

– Представьте, – подхватывает Вика, – когда вчера стреляли нам в окно, то я как раз крепко заснула. Потому что вечером получилась одна строчка. Вот и не проснулась, хотя трусиха – ужасная.

– Трусиха? Но почему не уходите отсюда? Как вы все пережили?

– Тогда мы уже были вместе, просто еще не расписались, – рассказывает Саша. – Сидели тут, в подвал не спускались – не было физической возможности. Я был спокоен, готов к смерти. А вот Вика очень кричала в самые страшные моменты. Так и переживали. Так и переживаем.

Он замолкает. Я уговариваю продолжать. Но Саша отрицательно машет головой – не хочет.

– Пусть Вика просто почитает. У нее есть удачные стихи о войне.

Вика уже не строит никаких «глазок» и сразу читает:

*Девять вечера. Зима.
Школьный двор молчит.
Посмотри: луна сама
С нами говорит.*

*Полнолуния яркий свет
– Будто сходят сны...
Будто не было и нет
Горя и войны.*

Мы перекидываемся парой незначащих фраз. Это как глоток воздуха между нырками на глубину. И опять – стихи о войне вокруг:

*Что происходит?
Происходит – что?
Как спится вам,
приказы отдающим?*

*Ведь достается больше –
здесь живущим
От тех – и тех.
Неведомо за что...
Одним – нужна свобода позарез.
Другим же – наведение порядка.
И вот – бомбят...*

Вика загрузила... Молчит, поглаживая «ночные» дырки в оконном стекле.

Но на то и муж, чтобы грусть женину разгонять. Это Сашина твердая позиция. И он начинает «лечить» свою любимую поэтессу.

–Думаете, Вика – такая? Ничего подобного! Она – настоящая хулиганка. Это при гостях выделяется. Знаешь, давай про печень...

– Ну нет. Она же из Москвы, ей нужно о войне – серьезное.

– Опять ломаешься?

– Ладно! Надоел! – Но «надоел» – тоже с любовью.

Заявила как-то Печень:

– *Вы мне давите на плечи!*

Мне теперь угодно

Жить от всех свободно!...

– *Тут подпрыгнула Ступня:*

– *Правильно! Брависсимо!*

Заявляю, что и я

Буду независима!...

Хватит мной руководить

–*Буду я сама ходить!*

И девчонка-Селезенка

Защищала тонко-тонко:

– *Надоел мне ваш паишет*

– *Дайте суверенитет!...*

От такого беспорядка

Организм пришел к упадку.

...

Ощетинились Микробы:

– *Мы – ребята высшей пробы!*

Мы теперь главнее всех!

Хаос – это наш успех!

Вика довольна произведенным на Сашку впечатлением – тот заливается смехом.

Осознать и слепить эти осколки (жесточайшая война, пятый и все еще «медовый» месяц, глубокая инвалидность, поэзия) в единое целое мне очень трудно. Слишком все несоединимо и неправдоподобно. Мне надо отменить многие свои представления о действительности, разворачивающейся перед глазами, стереть обретенный за войну опыт – и только тогда получится планета по имени «Джура».

Ведь как все получилось, как мы познакомились? Я шла по грозненской улице, где спасу нет от руин, пожарищ и воронок. Настроение было поганое. О чем думаешь в таком интерьере? О «зачистках» и минах, о типах примененного оружия, об оторванных конечностях, о людях с безумными взглядами... А тебе вдруг: «У нас тут хорошие стихи пишут! Давайте отведем – послушаете». И ведут в очередную грозненскую преисподнюю, где жизнь, с позиций тривиального мироощущения, даже не подразумевается, – и, пожалуйста, получаешь: «Плакать – просто. Труднее – выстоять». И тут же следует доказательство жизни, проживаемой по стихам.

– Вика не плакала в самые беспросветные бомбежки. Она кричала: «Я не выдержу!» Пока кричала, я знал, что выдержит, – подтверждает Сашка.

Всю отмеренную дорогу каждый из нас бежит от суетного по направлению к настоящей жизни. Вон она – там, кажется, за поворотом. Ах, нет, опять не повезло, и то был мираж. И ты сознаешь: копайся *внутри*, обретишь... Но суета есть суета, и опять – бегом по кругу, за новыми, более острыми, ощущениями, впечатлениями. И снова – поражение.

Здесь же, в разваленном, заживо гниющем Грозном, где *вовне* ничего не найти, на чем глаз остановить, – кроме горя, собственного и чужого, именно здесь жизнь может быть настоящей.

Пусть почти в пещере. Пусть на пяточке метр на метр – в кухне, больше похожей на декорацию. Когда из холодильника достают почему-то расческу... В городке Иванова электричества нет уже несколько лет – холодильник превратился в вертикально стоящий шкаф,

пригодный разве что для хранения расчесок.

Плита? Она тоже в семье наличествует. Правда, нет газа. И поэтому кастрюли, на ней выстроенные, играют роль символов борьбы за лучшее будущее: будет газ – будет пища не с уличного костра.

Мойка? Конечно! Какая же кухня без мойки. К сожалению, при полном отсутствии воды в трубах.

И плафон над головой висит, но нет света!

А Вика, на радость Сашке, продолжает читать:

... Мы здесь еще. Пока что – уцелели.

Как говорится, «миловал Господь».

Иль просто, может быть, не долетели

Снаряды, разрывающие плоть? ...

Мы здесь живем без света и воды.

На берегу моря крови и беды...

– А можно еще одно?

– Конечно. – Вика снисходительна ко мне тоже.

... Мы взываем: будьте к нам бережны –

Мы в заложниках у безденежья.

Точно пленники безысходности...

А снаряды в воздухе кружатся.

Куда целится тот осколочек? ...

... Пробирает волной до косточек!

Лечь бы спать, чтоб как в реку броситься, -

И проснуться, когда все кончится! ...

Мне стыдно плакать в их присутствии. И я не плачу. И не знаю, как выразить свои чувства, – все мелко по сравнению с их жизнью. Как на этой грозненской кухне – бутафорское: плита, холодильник, краны... Все, кроме чувств. А на московских кухнях сегодня все настоящее: плита, газ, вода из крана – и горячая, и холодная. Все. Кроме чувств. Они – точно бутафорские. Слишком сытно едим – для страны, в которой так долго идет война.

... – Все-таки босяк ты, Сашка! – Вика чуть сердится. – Утро ведь только. Сколько раз тебе говорить: не кури натошак. Вредно!

– Не могу я, Викуля! С семи лет курю.

– С семи? Вы слышите? Знала бы, не пошла за тебя... А дальше – ее смех. Заливистый, утренний, свежий.

Ничем дневным еще не испорченный. И Сашкин вечно подтрунивающий басок.

Немного о послевкусии – о том, что, покидая чей-то дом, ты обязательно чувствуешь: хочешь или нет еще раз в нем оказаться. Я – хочу. Сидеть в теплой компашке с этими двумя людьми. И чувствовать жизнь, от них исходящую, – несмотря на особую апатию войны, поражающую всякого, кто здесь находится, – законную вялость от того, что рядом было столько трупов и смертей, что мертвые до сих пор лежат не захороненные, быть может, в двух или трех шагах от тебя. Это и есть обаяние преодоления, доступное немногим из людей. Или – настоящая жизнь в декорациях войны. Когда твои беды на фоне их счастливых улыбок – тьфу на постном масле. Придуманный суетный пшик.

К омсомольское, которого нет

Нет человека, который бы мог позволить себе утверждать, что боль Хатыни сильнее ужаса Герники. Страдания не меряют весами и линейками. У каждого своя собственная боль, и она самая тяжкая для тех, кто ее переживает. Вторая чеченская война вписала в новейшую историю страны несколько страниц, сопоставимых и с Герникой, и с Хатынью. По числу жертв, разрушений, пролитой крови и последствиям для окружающего мира. И совсем неважно, что пока этого никто не признал: будет время – об этом заговорят.

Одна из таких страниц называется «Комсомольское».

Комсомольское – когда-то очень большое село в Урус-Мартановском районе, в семи

километрах от райцентра. Здесь жили тысячи людей, была больница, клуб, магазины, красивые витые холмистые улицы и очаровательный швейцарский вид на горы.

Среди прочих в Комсомольском вырос человек по фамилии Гелаев и по имени Руслан. Это, собственно, и решило дальнейший ход сельской истории и судьбу тысяч людей.

В начале февраля 2000 года федеральные войска полностью разрушили Комсомольское – после того, как туда зашел отряд полевого командира Гелаева. Осада длилась месяц, после чего, в марте, и Гелаев, и федералы ушли по своим «квартирам», а село превратилось в фантасмагорическую конструкцию из пепелищ, руин и свежих могил на кладбище.

Полтора года спустя

Если идти по бывшей улице Центральной, то все остальные ощущения вытесняет чувство нереальности происходящего. С одной стороны, безжизненная пустыня, наглая висячая тишина, где даже птицы не поют, – и значит, нет привычного природного звукового фона. С другой – смахивает на декорацию фильма ужасов: изредка откуда-то какие-то голоса... Путь на живое – на эти голоса – заставляет ползти в гору. Видимо, тут тоже была улица в хорошие времена, но теперь лишь неопрятно разросшийся кустарник топорщится во все стороны и стыдливо прикрывает какие-то развалины на заднем плане.

На протоптанную дорожку выходит человек. Он не только в истлевшей одежде, но и сам иссохший. Худоба его бухенвальдская. Наверное, туберкулез постарался – сейчас он лихо «гуляет» по Чечне.

– Вы здесь живете?

– Да. Это бывшая улица Речная, – он машет рукой в кустарник, откуда вышел. – А вы кого ищете?

– Кого-нибудь, кто тут живет.

– Это я. На нашей улице совсем пусто. А вообще в село, говорят, 150 семей вернулось. Но домов ни у кого нет.

– У вас есть глава администрации? Сельсовет?

– Нет. Мы сами по себе.

– Как это?

– Нет, и все. Наверное, где-то считают, что такого населенного пункта больше нет, стерли Комсомольское с карт. Иначе бы вспомнили, поинтересовались, как мы тут.

– Тогда покажите свой дом.

– Его нет, я же говорю.

– А где живете? На дворе ведь осень.

– В хлеву.

Человека зовут Магомед Дудушев. Выясняется, что мы с ним одного года рождения. Магомед, правда, выглядит старейшиной, хотя по возрасту старейшин нам еще слушать да слушать.

У Магомеда большая семья – жена Лиза, шестеро детей и мама. Жизнь Дудушевых сосредоточена сегодня в крохотной саманной избушке – этим летом слепили – в «хлеву». А дом лежит рядышком – разрушенный прямым попаданием. Развалины заботливо укрыты плотной синей клеенкой – ее как-то раздавали в Комсомольском от имени ООН.

– Конечно, хотелось бы, чтобы помогли стройматериалами. Нам ведь самим не построиться – ни сейчас, ни в ближайшие годы. В селе живут только самые бедные и многодетные, кто не в состоянии доехать даже до Ингушетии. Вот и храню свой строительный мусор от дождей. До лучших времен. Вдруг все еще изменится, – говорит Магомед, задыхаясь в кашле. Конечно, это туберкулез.

– Что вы ели на обед?

– Мы не обедали.

– А на завтрак?

– Кукурузные лепешки, чай. Нищета у нас сильная. Сами видите.

И это правда. Детей Дудушевых вблизи страшно рассматривать. Те же иссушенные

тельца, что и у отца. И все очень нечистые – в руинах проблемы с водой, с теплом, электрические провода висят бог знает как, будто предлагают себя для самоубийц. Быт, который не может быть признан таковым.

Как у большинства чеченцев, пытающихся выжить на территории Чечни, у Дудушевых подавленное настроение и невеселые мысли. Они надеются только на будущее, в котором главную роль предстоит сыграть урожаю кукурузы. Ее плантация начинается прямо у саманного хлеба. Лишь этот урожай способен хоть как-то повлиять на ход их жизни, полностью порушенной войной.

– Оставим часть кукурузы на зиму на еду, – говорит Лиза. – Остальное хотим продать и купить корову. Чтобы не голодать. Две наших коровы погибли тогда, при штурме. С тех пор и бедствуем – детей кормить нечем. Изредка привозят муку от имени Датского совета, будто мы в Дании, – и больше ничего нет. Никакой другой гуманитарной помощи – ни от кого. На вырученные от кукурузы деньги еще надо обувь детям купить – видите, они босые.

Впрочем, и на Лизе платье прямо-таки полувековой ветхости.

– Все мое сгорело, – перехватывает она взгляд. Ясно, что Лиза еще молода и красива, но разглядеть это сейчас почти невозможно. – Переодеться мне не во что.

Естественно, никаких компенсаций за сгоревшее имущество и жилье, разрушенное в ходе боевых действий, Дудушевы не получили. Идеология выживания сейчас в Чечне предельно лаконична: живи, как хочешь, а не хочешь, не живи.

При этом Дудушевы – вроде бы из той самой категории людей, о которых с придыханием говорят с высоких трибун в Грозном и Москве. Они для чиновничества – положительный пример чеченцев: не ушли в Ингушетию, не требовали мест в беженских лагерях и регулярной гуманитарной помощи, живут на своей земле... Вроде бы помогай Дудушевым и им подобным, и тогда другие, не «положительные», обитатели палаточных лагерей без лишних просьб вернутся в свою республику...

Дети

На «дне» никаких хороших устремлений не произрастает. Нищета – дело нешуточное, превращает людей в невменяемых. Тем более если помножена на войну, разлагающую все, что попадает ей на пути. Иса, старший сын Магомеда, увидев русскую, принципиально перестает говорить по-русски. Хотя и умеет, что подтвердили его более дружелюбные родители. Он злобно вертит головой, выказывая крайнее недоброжелательство, и, наконец, бормоча что-то себе под нос, срывается с места бегом, быстро-быстро перебирая босыми пятками.

– Нет обуви и у старших. Совсем, – продолжает Лиза о своем.

Первая мысль, пришедшая в голову, когда засверкали эти презрительные пятки: «Ринулся за автоматом,

где-нибудь припрятанным». Уж столько ненависти было во взгляде Исы, в движениях. Даже в упрямом затылке, в том, как сидит на корточках и демонстративно отворачивается. Беда...

Однако вины Исы в том нет. Мир сегодняшних чеченских подростков – это череда непрекращающихся ужасов, постоянное, на протяжении нескольких лет, участие в похоронах родных и близких, умерших неестественной смертью, и это главное мероприятие их взросления. И, конечно, разговоры, которые ежедневно ведут взрослые: о том, кто жив, кого нашли трупом, как «зачистка» прошла, за сколько кого выкупили у федералов...

Иса возвращается, и Лиза переводит. Его, оказывается, интересует, почему Путин объявил минуту молчания по жертвам американской трагедии и ничего никогда не говорит о безвинно погибших чеченцах? Почему столько шума вокруг смытого Ленска и Шойгу дает личное обещание президенту выстроить город заново, а в Чечне все сметено и никто никому никаких обещаний не дает? Почему вся страна всколыхнулась, когда умирали моряки «Курска», но когда в течение нескольких суток на поле расстреливали людей, выбегавших из Комсомольского, «вы молчали»?...

– Меня расстреливали! Поймите же это! – Это Иса уже по-русски. – Хочу знать, почему

так.

И я хочу. Тоже. И единственное, что могу предложить в ответ, это продолжение списка вопросов, на которые нет ответов.

Но Иса опять сверкает пятками прочь. Если большая часть взрослых, возможно, способна самостоятельно перетерпеть кошмар, опустившийся на их плечи, и со временем даже найдет объяснения, которые не сделают их злее, то подростки и юноши Чечни, вся взрослеющая жизнь которых прошла в нетерпимости и бесконечных слезах сестер и матерей, – они терпеть, кажется, не намерены. Младшее поколение чеченцев – те, которые сейчас в старших классах или только что закончили школы, – самое трудное поколение, которое когда-либо тут было. Независимость по-дудаевски? Видели. Первую войну? Прочувствовали. Вторую? Поимели. Трупы? В необоз-

римом количестве. Главное в жизни? Вовремя спрятаться от человека с «Калашниковым». Цена человеческой жизни? Именно при них стала нулевой.

Младшая сестренка Исы, 14-летняя Зарема, тоже снизошла до короткого разговора, но была односложна, смотрела затравленным зверьком, ожидающим от окружающей действительности только плохого. Ни намека на коммуникабельность, на желание понять человека, пришедшего из другого мира. Но есть одержимость, а есть экстаз. Есть тенденциозность, а есть пока предубеждение. Если старший брат – уже в тенденциозном экстазе сопротивления, то сестренка пока еще одержима предубеждением. Что ей объяснять о жизни? Ей было четыре годика, когда Дудаев объявил, что девочкам вовсе не надо учиться. Семь лет – в первую войну. Двенадцать – во время уничтожения Комсомольского. Она все видела своими глазами. И поэтому у нее свои длинные счета к действительности, по которым она предпочитает получить расплату.

Разложения, которому подверглась чеченская нация на третьем году второй войны, уже не скрыть. И весь вопрос в одном: как противостоять ему? Как заставить детей поверить, что завтра будет все-таки лучше, чем вчера?

А как самому поверить в это?

Лиза пытается сгладить – она воспитана в советской школе и в советское время, и это обычная современная чеченская история: среднее поколение куда более лояльно к русским, чем юное, подрастающее или уже подросток.

Но дипломатия матери не удастся: дети суровы. И продолжает улыбаться лишь бабушка. Она выжила в сталинские годы репрессий и выселения. Она голодала много раз и умеет бродить туда-сюда: от нормальной жизни и обратно, возвращаться из смерти и опять встречать ее, чтобы не умереть.

Цветы

Пора прощаться. Иса так и не вернулся – ни с автоматом, ни без. Нищий Магомед – этот очередной униженный жизнью чеченский мужчина, ничего не способный сделать для своей семьи, – спрашивает:

– Хотите зайти к соседям? Тут недалеко – бывшая улица Нагорная. К бабушке Савнапи. У нее ничего нет, кроме цветов. Но они очень красивые.

Савнапи Далаева – никакая не бабушка, а женщина 1944 года рождения с тонкими чертами красивого лица и глубокими серыми глазами. Но у нее совершенно беззубый рот и израненная кожа. Забор вокруг ее дома превращен обстрелами в решето, а вместо дома – даже не строительный мусор, как у Магомеда, а нагота едва сохранившегося фундамента. Однако вдоль и внутри него, действительно, разбит у Савнапи прекрасный цветник – в книжках по садоводству это называют рокарием.

– Ходила я по пустому Комсомольскому после штурма. Там цветочек откопаю из пепла – здесь вырою – вот и сад... Люблю красоту.

Потихоньку собираются люди. Такой прозрачной человеческой худобы, как в Комсомольском, не видела нигде. Разговариваем: в одной семье – два инвалида, один психический, другой – астматик. В другой – опять инвалид, но ребенок. В третьей убиты все

мужчины...

–Гелаев вам сейчас помогает? Поддерживает свое село?

Смеются, наконец: «Он нам уже помог. Сами видите, как нас поддержал». А когда смех затухает, женщины добавляют: «Будь он проклят». Скольких спросила, столько и ответили так. Как судьи при вынесении приговора. Все останется в истории второй чеченской. И нищенство, голод, болезни и бездомность. И генерал Трошев. И президент Путин. И все те деятели, которые, раскромсав живой организм, в последующем не приложили и минимума стараний, чтобы исправить ошибку... Но будет в ней и гелаевщина. Гелаев покинул свой народ в беде, он больше не с ним – но и народ вне его.

Аклав гражданского бесправия

Молодой хромоногий доктор Султан Хаджиев, заведующий гнойно-септическим отделением 9-й городской грозненской больницы, перекидывает всю тяжесть своего израненного тела на палочку и откидывает одеяло на дальней скрипучей койке у окна в палате № 1. Одеяло скрывало тело Айшат Сулеймановой, 62-летней грозненки с улицы Ханкальской.

У Айшат в глазах полное равнодушие к миру, а на ее оголенное тело смотреть выше сил: женщина выпотрошена, как курица. Хирурги разрежали ее выше груди и по самый пах. Послеоперационные линии – не прямые, а разветвляются, как генеалогическое древо. Кое-где швы разошлись, не желая срастаться, и ты видишь вывернутые наизнанку раны. Медсестра втыкает в них длинные марлевые полоски, будто там пустые глубокие дыры, а Айшат даже не плачет.

– Я ничего не чувствую. – Она двигает серыми губами, но движения губ – не в такт словам, будто идет иностранное кино, и актеры, озвучивающие перевод, делают это очень плохо.

За две недели до нашего разговора молодой парнишка в форме российского военнослужащего посадил Айшат перед собой на кровать в ее собственном доме и вкатил ей в тело пять пуль класса 5,45 мм. Тех самых, которые запрещены к применению всеми возможными международными конвенциями как бесчеловечные – это пули со смещенным центром. Войдя в тело, они гуляют по нему, разрывая по ходу все внутренние органы. Рядом с Айшат сын, давно не брившийся мужчина, – значит, в их доме похороны. Он смотрит на меня отчужденно, с нескрываемой ненавистью. И когда собирается что-то

сказать, вдруг останавливает себя на первом же полуслове: мол, не вам нас жалеть...

Зато Лишат хочет говорить, поделиться своим страданием, скинуть часть его, незаслуженного и оттого еще более непосильного:

–Мы уже легли спать тогда... Вдруг – видимо, было часа два ночи – слышу: сильно стучат. А стук в это время – у нас ведь комендантский час – плохое дело. Открыли. Два солдата стоят, говорят: «Нам пива надо». Я: «Мы пивом не торгуем». Они: «Пива давай!» Я: «Да мы вообще не разрешаем, чтобы пиво в доме было». Они: «Ладно, бабушка». И ушли.

Айшат хватается за шею. Это не приступ удушья, а волна горя и слез. Она хватается за плечо все более мрачающего сына и, так найдя себе опору, продолжает:

– Проснулась я, наверное, еще через час, а те двое солдат уже ходят по нашим комнатам. Рыщут. И говорят: «Мы на „зачистку“ теперь пришли». Я поняла: нас будут наказывать за то, что не дали им пива. Солдаты перерыли все лекарства – муж у меня астматик. Один пошел в комнату, где наши внуки спали – пяти лет, полутора лет и четырех месяцев. Я испугалась, что невестку изнасилует. Дети, слышу, закричали. Другой завел мужа в кухню. Мужу моему, Абасу, 86 лет. Слышу, муж предлагает ему деньги. А потом как закричит! Это солдат мужа ножом прикончил. Солдат вышел из кухни и повел меня в спальню – а я уже как замороженная. И ласково так мне говорит, показывая на кровать: «Бабуля, садись сюда. Поговорим». И сам сел напротив. «Мы – не изверги, мы – ОМОН, это наша работа». А дети-то плачут за стенкой... Я: «Не пугайте детей». «Хорошо, не будем», – отвечает опять ласково. И прямо на этих словах, не вставая со стула, как бухнул в меня из своего автомата. Невестка недавно рассказала мне, что после расстрела они просто закрыли за собой дверь и ушли.

Айшат смогли довести до больницы только следующим утром. Хотя это близко, но для всех, кто не бандит, в Грозном ночами очень строгий комендантский час. Пойти, чтобы зарезать чеченца ножом, – пожалуйста, зато требовать разрешения у блокпостов провезти раненого в больницу – все равно что проситься на собственную казнь.

– Она истекала кровью, слабела, у нее уже начинался перитонит, – говорят врачи. – Выжила чудом. А теперь пойдете в приемный покой! Там женщину только что привезли – у нее точно такие же обстоятельства: она – жертва ночного бандитизма. Может, вы успеете поговорить, пока военные не появятся, а если появятся, не бойтесь, мы вас выведем...

44-летняя Малика Эльмурзаева стонет, разметав волосы по больничной клеенке. Доктор пытается приподнять ее голову, но женщина теряет сознание от боли. Видно, как клочья ее густых темно-рыжих красивых волос кое-где отошли от тех мест на голове, где они должны располагаться, и висят на ниточках кожи – неужели кто-то пытался снять скальп?

Обстоятельства случившегося омерзительны: Малика живет в 1-м микрорайоне Грозного, на улице Кирова, в пятиэтажке, в подъезде, где нет мужчин. Так уж вышло: одни женщины. Было около двух ночи, как в двери заколотили: «Открывайте, суки, зачистка!»

Отперли, конечно, куда деваться – только бы дверь не взорвали. Группа молодцев в военной форме, масках и смешанного чеченско-славянского состава (по разговору стало понятно) пришла грабить подъезд, и без того уже ограбленный не раз.

В квартире, где была Малика, спали три женщины-родственницы. Одна – 15-летняя. Братва сделала вид, что собирается ее насиловать, и прокричала остальным: «Если не будете слушаться, изнасилуем так, что не выживет». Малику схватили за волосы (вот почему столько выдранных с мясом клочьев) и поволокли по лестнице вверх, чтобы она стучала в другие квартиры и просила по-соседски открыть...

Все закончилось мародерством и побоищем. Женщин, оказавшихся в ту ночь в этом подъезде, нещадно колотили по почкам, голове, икрам.

– Насиловали?

Молчит Малика, только стонет, хотя слышит вопрос. Молчат те, кто ее принес сюда, – избитые соседки, которые открывали на ее стук. Слишком упорно молчат.

Бандитская вакханалия на улице Кирова продолжалась до пяти утра – в Грозном привыкли, что мародеры уходят с мест своей «гульбы» до шести, до конца комендантского часа.

– Смотрите цифры! – просят врачи. – С 1 июня по 18 сентября 2001 года мы приняли в больнице 1219 больных, включая амбулаторных. 267 из них – с огнестрельными и минновзрывными ранениями. Большинство – результаты ночного разбоя.

Чтобы узнать, что творится в городе, надо зайти в больницу. Здесь – финал всех его трагедий и драм. Так вот, пока о *мирном* Грозном неустанно талдычат власти, получающие зарплату «за строительство мира» в Чечне, в больницу *военно-бандитского* Грозного ежедневно приносят новеньких «огнестрельных».

Война в городе развратила всех, кто оказался слаб и этому поддался. Развалины, в которых обитают и без того несчастные люди, погрязли в ночном криминале, с одной стороны, возглавляемом и возбуждаемом федеральными военнослужащими, – без их желания и поддержки сегодня ни один бандит не способен гулять по улицам в комендантский час, и более того, стрелять, грабить и насиловать. Но, с другой стороны, при самом активном участии чеченцев. К началу третьего года войны оказалось, что бандитские группы, прочесывающие руины по ночам, – это «клуб по криминальным интересам»: уголовники из чеченских рядов, перемешанные с такой же масти военнослужащими, находящимися «при исполнении». И им по фигу – и идеологическое, и национальное размежевание, и принадлежность к противоборствующим воюющим сторонам. Просто – мародерка, которая «превыше всего». Истинный интернациональный криминал, и хоть и без признаков ныне модного международного терроризма, но сильнее штабов, стратегий и тактик, которые неспособны остановить кровавый каток. Уверена, даже если завтра будет объявлено об окончании войны, выводе войск и завершении боевых операций, Грозный все равно останется под криминальным сапожищем, и Бог ведает, когда его удастся скинуть. Очень просто начать войну – и почти невозможно потом повылавливать всех рожденных ею тараканов, расплодившихся и

разбежавшихся повсюду. «Грязный Грозный» – именно так сегодня грозненцы называют свой когда-то любимый город. И в этих двух словах – не только боль утраты по проспектам и площадям, обращенным в руины. Это ужас за будущее, когда настоящее опустилось во тьму наглого средневекового бандитизма – как главного результата войны.

Небольшое замечание по ходу – оно очень важное. Помните странные, на первый взгляд, слова врачей: «Мы вас выведем, если придут военные...»

Это не шпиономанский маразм, которому в той или иной степени подвержены все на войне, – это тоже грозненская реальность. Военные, хозяева местной жизни, установили дикие порядки, при которых носитель информации о реальном состоянии, в котором находится гражданское население, приравнен к вражескому лазутчику, с которым надо поступать по законам военного времени. А учитывая, что вся Чечня теперь наводнена добровольными помощниками «органов» из числа чеченцев, – попасться в руки военным и не отвертеться очень просто. И поэтому всюду от друзей слышишь именно это: «мы вас выведем», «мы вас спрячем». Но от кого же, Господи? От тех людей, которые и воюют-то на мои деньги? На деньги налогоплательщиков? Чтобы поговорить с бабушкой Лишат и постоять в приемном покое рядом с растерзанной Маликой, надо вести себя, как разведчик третьей стороны в стане неожиданно сговорившихся друг с другом врагов.

Уголовное дело Айшат возбудили в самом «военно-бандитском» районном отделе внутренних дел Грозного – Октябрьском, где и дела расследуют, и сами же совершают эти самые «составы преступления». В истории с Маликой – то же самое... И вот уже врачи, как разведчики, тихо уводят меня в сторону, в потайные пустые больничные проемы, чтобы разминулась я с группой вооруженных людей – не представившихся, не показавших никому документов, включая главврача, но неожиданно пожаловавших посмотреть на несчастную жертву ночного разбоя... Когда мы от этого излечимся? Сколько лет пройдет, пока мы – участники гражданской войны в собственном государстве – опять научимся прямо смотреть друг другу в глаза? Бог весть. Военные слишком привыкли в Чечне не только убивать, грабить, насиловать и сколачивать чеченцев в криминальные группы под собственным руководством с целью совместной наживы – военные, понабравшись чеченского опыта, разделили страну на две части: тех, кто с ними, и тех, кто против них. Те, кто с ними, – должны быть против чеченцев (криминальные детали быта не в счет). Те, кто против них, – с чеченцами. И пусть кто-нибудь скажет, что это не гражданская война!

– Мы – нация изгоев. И кто рядом с нами – тот тоже изгой, – говорит на прощание доктор Хаджиев.

– А с вами-то что случилось? Почему хромаете? Были ранены?

Доктор разделил судьбу своих больных, страдающих от военного беспредела более, чем от болезней. В полдень общероссийского Дня независимости на перекрестке Первомайской улицы и Грибоедова доктора Хаджиева переехал бронетранспортер из Ленинской районной военной комендатуры Грозного.

– Почему переехал?

– Да просто так. Выскочил на большой скорости, я должен был успеть увернуться. Но не успел. Собственно, я ничего заметить не успел. Меня просто смяло. Моим «Жигулям» – конец. Я остался. Еще – задний номер и крышка багажника. Мне на память.

– И? Что дальше? Известен номер БТРа? Завели дело?

– Известен. Завели. И на этом – все.

– Почему?

Потому что Чечня – зона, где одним можно все, а другим надобно смириться.

Россия продолжает пестовать на своей территории анклав гражданского бесправия. Или зону оседлости – смотря, что кому ближе. Очень опасное занятие. Если бы мир видел глаза сына Айшат Сулеймановой! Взгляд затравленного изгоя, отца которого убили только потому, что он тоже изгой, а мать изуродовали только потому, что она тоже изгой...

В начале войны большинство чеченцев еще удивлялись этому новому своему положению, кричали: «Мы такие же, как вы! Мы требуем уважения к себе!...» – а теперь никто не кричит. Потому что все согласилось: они – нация изгоев. Выше головы не прыгнешь. И надо с этим жить.

Но все ли будут с этим жить? Айшат – да. Ее сын – вряд ли.

Совсем чуть-чуть отечественной истории. Возможно, ее кто-то подзабыл. Конец 19-го и начало 20-го веков в России – разгул государственного антисемитизма, сравнимый с нынешними федеральными всеохватными античеченскими настроениями. Укрепляются «зоны оседлости». Дети растут с тем, что им запрещено свободно перемещаться, лишь с дозволения полиции, учиться можно далеко не во всех учебных заведениях. Наконец, комплекс неполноценной нации водружает венец великомучеников на головы многих представителей молодой еврейской поросли. Они готовы сражаться за свое поруганное детство – потому что не хотят поруганной зрелости и старости, каковыми «награждены» их родители и деды. Результат известен всей планете: большинство радикальных большевиков с широко известными фамилиями, совершивших удачный Октябрьский переворот, получилось как раз из этих, «местечковых», евреев, не просто более не желавших жить изгоями, но и стремящихся отомстить обидчикам за то, что им пришлось перенести. И отомстили ведь...

Странно, что в который раз у нас забыто то, что ни при каких условиях забывать не рекомендуется. Доктор Хаджиев согласен со мной: на третьем году войны и он, и я – мы встречаем уже слишком много молодых чеченцев с нехорошими искрами в глазах и единственной мечтой – о расправе со своими обидчиками.

Девочка – никто и ниоткуда

В комнате № 45 на втором этаже Грозненского дома престарелых, рядом с пятьюдесятью тремя бабушками и дедушками живет маленький молчаливый ребенок. Девочка. Может, четырех, а может, и семи лет. У девочки – острый настороженный взгляд исподлобья. И повадки одичавшей кошки, то и дело стремящейся поглубже забиться под железную казенную кровать. В комнате скупо и пусто – по законам военного времени. Окна, по традиции этой войны, затянуты полиэтиленовой пленкой: стекла – по-прежнему самый большой грозненский дефицит. Железная кровать, покрытая полосатым матрацем, и больше ничем. И ребенок, лишь крошечным своим ростом похожий на ребенка.

То, что случилось с этой девочкой, – одна из тайн второй чеченской войны. Бабушки и дедушки зовут ее Анжелой, или Анжелкой, и говорят, что ребенку четыре годика. Но так ли это, точно не знает никто.

В дом престарелых на Катаяме (название грозненского микрорайона) девочку привели ранней весной 2001 года. Неизвестные, совершенно посторонние люди – привели и ушли. Сказав немного: что они ей не родственники и не знакомые, а так, мимо проходили, пожалели беспризорную и, зная, что в доме престарелых появились еда и тепло, – взяли девочку за руку и довели до его порога...

Ребенок был грязный и запущенный. В колтунах и вшах. Дистрофичный, оголодавший, в драной одежонке. И можно сказать, что босой – на голых ножках-тростиночках висели рваные сандалии, что в начале даже грозненской весны не может считаться обувью.

Ребенок назвался Анжелой, и это единственное, что произнесла девочка. Вместе с Анжелой была немолодая женщина – по грозненским улицам они беспризорничали вместе. Но кто кого сопровождал и помогал выжить – большой вопрос. Женщина, представившаяся Раисой, была явно сумасшедшая, грязная и отощавшая, неопределяемого возраста. Но Раиса ли она, тоже неизвестно, настолько странно она вела себя. Заговаривалась, фантазировала в стиле Хичкока.

Зинаида Тавгиреева, медсестра дома престарелых, вывернула все карманы, прежде чем сжечь одежду – документов не оказалось. Никаких – ни ее собственных, ни на девочку. При этом Раиса утверждала: они с Анжелой – родственники и фамилия ребенка – Зайцева. Русская, значит. Действительно, когда девочку отмыли, из-под многослойной уличной грязи вылупилась вполне славянский овал, а волосы оказались русыми.

В первые дни Анжела ни на шаг не отходила от Раисы. И та за нее держалась, не отпуская от себя. Как люди, у которых, действительно, на свете больше никого не осталось – только они двое, возможно, из некогда большой семьи. Однако потом появились некоторые нестыковки. Раиса поведала, что Анжела – «дочка второй жены ее мужа». А муж вроде умер, вслед за ним

вскоре покинула мир и вторая жена, Анжелина мать, и вот теперь Раиса считает себя Анжелиной мачехой. Как это принято в чеченских семьях – взяла на себя все заботы о сироте.

Так, значит, отец ребенка – чеченец? Хотя бы потому, что имел двух жен? На этот вопрос Раиса ответить уже не смогла. Впрочем, ее слова были только версией. Случилось то, что случилось: в цивилизованной Европе, в 21-м упорядоченном веке из ниоткуда явился ребенок, о котором никто точно не знал, кто он. Война, которую мы допустили, лишила эту девочку абсолютно всего, и даже того, что имеют сироты, – имени, фамилии, года и места рождения.

Прошел месяц. Анжела пополнела, порозовела, дала себя осмотреть врачу, потихоньку заговорила и забегала по коридорам дома престарелых, радуя одиноких грозненских бабушек и дедушек. Но так ничего о себе и не вспомнила. Лишь забивалась под кровать всякий раз, когда на общественной кухне повара с треском роняли на пол большой железный половник. Лишь падала, как подкошенная, куда придется и намертво обхватив голову руками, когда слышала стрельбу. Заученные телодвижения.

Журналистика – счастливая профессия. Много людей, с которыми встречаешься. И много тех, которые готовы помочь. Тем, за которых ты просишь. Так и случилось: прошло еще около полугода – на всякие нудные формальности и уговоры чиновников, и Анжелу удочерила семья из североосетинского города Моздок. Немолодые уже муж и жена. Чеченцы из Грозного, бежавшие из него во время второй войны и теперь не желающие возвращаться. В войну у этих людей погиб единственный сын, не успевший жениться и оставить им внучат. У меня есть фотография Анжелы с новыми родителями. На меня смотрит совсем другое лицо – яркие быстрые глаза, открытая улыбка, горделивая постановка красивой головки. Ничто не напоминает в ней ту дикую грозненскую беспризорицу.

Но я не еду посмотреть на нее, хотя и тянет – приятно видеть счастье после беды. Не еду, потому что не хочу ни о чем напоминать – ни ей, ни ее папе и маме. Они должны все забыть – это фундамент их дальнейшего счастья.

Выжженный крест цоцан-юрта

Власти, использовав для этого общедоступное лицо помощника президента РФ Сергея Ястржембского, ответственного за «формирование правильного образа войны», объявили о «несомненном успехе спецопераций», проведенных в декабре-январе 2002 года в Чечне. «Лицо» заверило наш многомиллионный народ, что там применялась тактика «многомесячного» выдвливания боевиков с гор и из нескольких населенных пунктов в селение Цоцан-Юрт, где в Новый Год последние были блокированы в количестве не менее ста человек, шли сильные бои с «плотным огнем из домов, превращенных в крепости», в результате которых большое количество боевиков поймано и уничтожено...

С новым горем!

В Цоцан-Юрте все началось 30 декабря – в тот день, когда уже почти весь мир за праздничным столом.

– «С Новым годом!» – так я сказала солдату, который первым вошел в мой двор, – говорит дряхлая старушка совсем преклонных лет, пришепетывая и присвистывая двумя оставшимися во рту зубами. – И солдат ответил мне: «С новым горем, бабушка!»

Камера начинает нервно плутать по ее дому. Бабушка что-то сбивчиво и невнятно объясняет – опять с очень плохим произношением. Но, собственно, слова уже не требуются. Шифоньер перевернут и внутри все выломано.

– А вещи где?

– Унесли. Они пришли и сказали, что у меня бандиты скрываются. И тут же стали грабить. Недавно мне подарили старые калоши – так они их забрали. Я спросила:

«Часы не можете оставить? У меня больше нет часов». Солдаты ответили: «Бандитов подкармливаете – часов оставить не можем».

Посуда? Разбита, расколота и сброшена на пол.

Подушки и матрацы? Вспороты.

Мешки с мукой? Тоже – ножами, крест-накрест. Муку – на пол, чтобы из нее уже никто, никогда и ничего не приготовил.

– У меня в сарае было 200 тюков с сеном, – рассказывает соседка старушки «С новым горем». – Военные притащили в мой сарай парня с другого конца села, положили между тюков и все сожгли.

Длиннобородый старик в белой папахе – он буквально «повис» на своей палке – еле стоит на ногах. И от старости, и от горя:

– Они вошли и говорят: «Где паспорт на магнитофон?» А магнитофону – 30 лет. Какой у него «паспорт»? Если нет «паспорта» – уносят. Или деньги плати, чтобы оставили. Картошку у меня всю забрали. Весь зимний запас. Если мешок с мукой им был не нужен – рвали его и муку высыпали. Кукурузу – корм для скота – всю сожгли. У меня было три пары штанов – все три забрали, и все носки, которые были. А кто давал выкуп – 5-6 тысяч рублей с двора – не трогали. За человека выкуп меньше, чтобы не забирали, – 500 рублей. А те, кто в селе боевики, – тех не трогали... Потом автобус подогнали, людей туда погрузили, и детей – тоже. Детям в руки лимонки давали и родителям кричали, что если не принесут денег, то детей подорвут. В доме Солталатовых федералы держали молодую женщину с годовалым ребенком на руках на улице до тех пор, пока ее мать не смогла обежать соседей и собрать сумму, которую они потребовали. Уносили из домов даже одежду для новорожденных. Мою сноху, под угрозой оружия, заставили написать заявление, что она благодарит их за содеянное и дарит им двух баранов на Новый год. Пообещали вернуться и сжечь дом, если потом она напишет другое заявление... Три дня и три ночи так издевались над нами: придут – уйдут. Разве порядок таким образом наводят?

Мечеть, конечно, самое лучшее здание в селе. Отремонтированные стены, красивая свежевыкрашенная ограда. Солдаты пошли в мечеть, а может, это были и офицеры. И там, в мечети, взяли да нагадили. Стащили в кучу ковры, утварь, книги, Коран, конечно, – и свои «кучи» сверху наложили.

– Это что, они, называется, – культурные люди? А мы – средневековые, по-вашему? Русские матери! Ваши сыновья вели себя у нас как свиньи! И остановить их на

этом свете некому! – кричат женщины в платках, съехавших набок, – те женщины, которые потом, через шесть дней после цоцан-юртовского погрома, отскребали в мечети это человеческое говно. И еще кричат:

– Будь прокляты вы, русские! Не забудем мы вам это! Кто те матери, которые родили этих извергов?

Мальчишки рядом толкуются, прислушиваются. И молчат. Один не выдерживает, резко разворачивается и уходит прочь – его увозили вместе со взрослыми мужчинами «на поле», во временный фильтропункт, допрашивали, били. Другому, лет девяти, взрослые велют рассказать, что он видел.

– Я залез в какой-то подвал от страха. Солдаты всех били. Гонялись за всеми. Я и полез. А там мужчина убитый, я испугался и вылетел...

– Я, видишь, бабушка уже, – это еще одна бабушка говорит, совсем не дряхлая, с крепким голосом, с осанкой, боевая. Но все равно ведь бабушка. – А они мне: «Сука! Блядь!»

– И нам так же, – скорбно кивают другие бабушки. С палочками, на кривых, вдрызг разбитых подагрой ногах вечных тружениц.

– Я – «сука»? – плачет та, что все время молчала. – Я сорок лет дояркой отработала, надоев рекордных добивалась. А мне солдат кричал: «Мы вас доведем до того, что вы сами в Сибирь будете проситься». Но я там уже была, в Сибири было лучше...

– А я – им: «Как же вам не стыдно, ребята!» – продолжает самая первая старушка. – «А если бы твою бабушку сукой обозвали? Что бы ты делал?» А солдат мне в ответ: «Мою бы не обозвали, потому что она – русская».

До 3 января в Цоцан-Юрте шла обычная карательная операция. Погромы, поджоги, мародерство, аресты, убийства.

Крест на снегу

Крест, выжженный на снегу, – до самой земли. Темный почвенный крест на белом снегу. Это место, где федералы сожгли молодого цоцан-юртовца по имени Бу-вайсар, предварительно расстрелянного. Старик в белой папахе говорит:

– Военные нам даже не дали молитву над ним прочитать, когда расстреляли, – сразу стали жечь.

От Бувайсара ничего не осталось, кроме креста.

По информации правозащитного центра «Мемориал», в ходе «зачистки» селения Цоцан-Юрт (30 декабря 2001 г. – 3 января 2002 г.) представителями федеральных сил были жестоко, с пытками, убиты Идрис Закри-ев, 1965 г.р. (увезен на БТРе № А-611 из собственного дома по ул. Степной 30 декабря в 7.45 утра) и Муса Исмаилов, 1964 г.р. (отец пятерых детей, старшему из которых 14 лет, также увезен федералами из собственного дома). Еще, по окончании «зачистки» и после снятия блокады, 7 января цоцан-юртовцы обнаружили на окраине села останки минимум трех мужчин – тела были взорваны. Среди них удалось опознать останки Алхазура Саидселимова, 1978 г.р. А как же сожженный Бувайсар? Увы, не осталось даже костей, поэтому он не может быть «подтвержден».

– Действительно, список неполный, – утверждают «мемориальцы». – Это только те, которые перепроверены.

– Военные увозили людей десятками. Это те, семьи которых не смогли откупиться, – свидетельствуют цоцан-юртовцы. – Но мы будем молчать, пока есть шанс их вернуть. Если назовем фамилии, их точно убьют и где-нибудь тайно закопают.

Старик в очках с толстыми дальнозоркими стеклами, делающими его глаза огромными и беззащитными, спрашивает, разводя руками:

– Куда нам жаловаться? Где власть? Где этот Кадыров?

И другой старик, в серой папахе, сухой, как палка в его руке, отвечает:

– Кадыров – хуже, чем русские. Все знает – ничего не делает.

Власть

В «спецоперации», согласно официальной информации, принимали участие:

– бойцы внутренних войск МВД РФ и ФСБ (постоянно дислоцированные в Ханкале, на главной военной базе в Чечне);

– сотрудники спецназа ГРУ МО РФ (так называемые «летучие отряды» или «эскадроны смерти»);

– представители Курчалоевской районной военной комендатуры и временных же районных отделов внутренних дел;

– лично генерал-лейтенант Молтенской, командующий Объединенной группировкой войск и сил.

Интересно, что официально зафиксировано присутствие в Цоцан-Юрте и сотрудников прокуратуры – как положено, в соответствии с приказом Генпрокурора России. Но на сей раз, как военные священники, прокуроры лишь благословляли кровавое военное безумство и погромы, и не воспротивились ничему.

Но есть и вторая часть «власти». И это о ней говорили цоцан-юртовские старики. Так где же был «этот Кадыров», глава администрации Чеченской республики? Куда делся Тарамов, глава администрации Курчалоевского района?

В течение *всех* новогодних праздников *все* те, кто является гражданской властью в Чечне, уехали из Чечни на каникулы – отдыхать. Гражданские власти оставили свой народ на съедение военной власти. Бросили свой народ. Я не верю, что они не знали о готовящихся «новогодних спецмероприятиях». Или хотя бы не узнали о них уже 30 декабря. Но, узнав, не вернулись, чтобы защитить тех, кого бросили. Еще чуть позже, когда праздники

миновали, Кадыров был явлен своему народу лишь по телевизору – видом из Кремля, как он сердечно жмет ручку президенту.

Под занавес – пара штрихов.

Первый – о выплаченных накануне новогодних праздников зарплате и пенсиях. Во время цоцан-юртовской «зачистки» федералы уничтожили по домам все зерно, которое сотрудники совхоза получили в качестве зарплаты за летние труды. А также «зачистили» все пенсии у стариков, включая инвалидные пособия, выданные накануне. А также уничтожили всё оборудование мебельной мастерской, начавшей работать в селе.

И – второй штрих. Он демонстрирует не случайность цоцан-юртовских событий, а их системность, и специальный идеологический подход военной власти. «Практика», подобная цоцан-юртовской, продолжилась и в Аргуне, куда, как известно, перебрались «зачищающие» из-под Цоцан-Юрта и где «спецоперация» имела место быть уже с 3-го по 9 января. Там военные, к примеру, разгромили сахарный завод, тоже уже заработавший. Теперь, конечно, завод прекратил свою деятельность – военные увезли станки. А мешки с сахаром – готовую продукцию, тоже «зачищенную», – позже продавали в соседних селах по 180 рублей за мешок, при рыночной цене на сахар в Чечне раза в три выше... И те, кто это увидел, не смогли дозваться прокуроров для ареста «продавцов» с поличным.

В этом материале нет ни одной фамилии тех цоцанюртовцев, которые согласились свидетельствовать о том, что случилось в их селе. Слишком часто федералы уничтожают тех, кто «открывает рот».

Старые Атаги . «Зачистка» № 20

Что такое «зачистка»? Это слово ввела в наш обиходный словарь вторая чеченская война – а точнее, генералы Объединенной группировки войск и сил на Северном Кавказе. Из Ханкалы – главной военной базы Группировки под Грозным – транслируются их телевизионные отчеты о ходе так называемой «антитеррористической операции». Обывателей уверяют, что «зачистка» – это не что иное, как «проверка паспортного режима». А на самом деле?

Конец 2001-го и начало 2002-го стали самым жестоким периодом этой войны. «Зачистки» прокатились по Чечне, сметая все на своем пути: людей, коров, одежду, мебель, золото, утварь... Шали, Курчалой, Цоцан-Юрт, Бачи-Юрт, Урус-Мартан, Грозный, опять Шали, опять Курчалой, снова и снова Аргун, Чири-Юрт. Многосуточные блокады, рыдающие женщины, семьи, всеми правдами и неправдами увозящие своих подрастающих сыновей куда угодно, только прочь из Чечни, генерал Молтенской, то бишь наш командующий Группировкой, в орденах и звездах – и непременно на фоне трупов оказавших сопротивление при «зачистке» – по телевизору, как главный герой нынешнего этапа покорения Чечни, и всякий раз после «зачисток» рапортующий о «значительных успехах» в ловле «боевиков».

С 28 января по 5 февраля 2002 года такая «зачистка» прошла в селе Старые Атаги (двадцать километров от Грозного и десять – от так называемых «Волчьих ворот», входа в Аргунское ущелье на языке военных). Для Старых Атагов она стала «зачисткой» № 20: 20-й с начала второй чеченской войны и 2-й – с начала этого года.

15 тысяч человек (Старые Атаги – одно из самых больших сел Чечни) в 20-й раз оказались заблокированы несколькими кольцами бронетехники не только внутри села, но и поквартирно, поулично, подомно... Что творилось внутри?

Салют по Павликам Морозовым

– Я обрадовался, когда нас повели на расстрел. – У Магомеда Идигова, 16-летнего десятиклассника 2-й староатагинской школы, – ясные глаза взрослого человека. При подростковой комплекции и угловатой возрастной нескладности это выглядит парадоксально. Как и то, как спокойно Магомед рассказывает о случившемся, – во время 20-й «зачистки» его пытали электротоком во «временном фильтрационном пункте», организованном на окраине села, наравне со взрослыми арестованными мужчинами. 1 февраля, утром, в самый тяжелый по последствиям день «зачистки», Магомед был арестован у себя дома на улице Нагорной, закинут

в военный КамАЗ, как бревно, и потом подвергнут пыткам прямо на глазах у генералов-командиров. Где-то поблизости вроде бы маячил сам генерал Молтенской – по крайней мере, Магомеду так показалось.

– Ты? Обрадовался? А как же родители? Ты подумал о них?

Брови Магомеда по-детски ползут вверх домиком: он все-таки силится не заплакать:

– У других ведь тоже погибают.

Виснет пауза. Рядом стоит отец Магомеда, офицер Советской армии в отставке. Он поминутно разводит руками и повторяет: «Да что же это делается... Я же... сам... в армии... был... За что?»

– Было холодно, – продолжает Магомед. – На несколько часов нас поставили на «стенку» – лицом к стене, руки вверх, ноги расставить. Куртку расстегнули, свитер подняли, вещи стали сзади резать ножом. До тела.

– Зачем?

– Чтоб холоднее было. Все время били. Кто мимо идет – тот колотит чем попало. Потом меня отделили от остальных, положили на землю и за шею таскали по грязи.

– Зачем?

– Просто так. Овчарок привели. Стали натравливать на меня.

– Зачем?

– Чтобы унижить, думаю. Потом повели на допрос. Трое допрашивали. Они не представились. Список показали и говорят: «Кто из них – боевики? Знаешь? Где они лечатся? Кто – врач? У кого спят?»

– А ты?

– Я ответил: «Не знаю».

– А они?

– Спросили: «Помочь тебе?» И стали пытать током – это и значит «помочь». Подсоединят провода и крутят ручку прибора, как телефонный аппарат. Самодельный приборчик, из телефонного аппарата. Чем сильнее крутят, тем больше тока через меня. Во время пытки спрашивали, где мой старший брат ваххабит.

– А он ваххабит?

– Нет. Просто он – старший, ему восемнадцать, и отец отправил его отсюда, чтобы не уничтожили, как многих молодых парней в селе.

– И что вы им отвечали?

– Я молчал.

– А они?

– Опять током.

– Больно было?

Голова на тонкой шее ныряет вниз – ниже плеч, в острые коленки. Магомед не хочет отвечать. Но этот ответ нужен мне, и я настаиваю:

– Так очень больно было?

– Очень.

– Магомед не поднимает голову и говорит так тихо, что это почти шепот: рядом отец, Магомеду неудобно быть слабым при нем.

– Поэтому ты и обрадовался, что повели на расстрел? Магомеда передергивает, будто это судороги при высокой температуре. У него за спиной – батарея медицинских склянок с растворами для капельниц, шприцы, вата, трубки.

– Это чье?

– Мое. Почки отбили. И легкие.

Вступает Иса – отец Магомеда, худой человек с лицом в глубоких морщинах-каньонах:

– В предыдущие «зачистки» забирали старшего сына, избили, отпустили – и я решил его отправить подальше отсюда, к знакомым. В эту «зачистку» – среднего искалечили. Самому младшему – одиннадцать сейчас. Скоро за него примутся? Ни один из сыновей не стреляет, не курит, не пьет. Как нам жить дальше? Скажите!

Я не знаю, «как». Я только знаю, что это не жизнь. И еще знаю, почему это получилось: как вся наша страна, а с нею Европа и Америка в начале XXI века дружно дозволили пытки над

детьми в одном из современных европейских гетто, ошибочно именуемом «зоной антитеррористической операции». И дети из гетто никогда больше этого не забудут.

– Был рад познакомиться, – говорит Магомед. Он прекрасно воспитан и, кажется, точно бы прищелкнул каблуками на прощание, если бы... Если бы не Старые Атаги за темными окнами. Да «зачистка», которой на все наплевать.

«Что есть ценного, давай все!»

Вечером 28 января несколько «колец» солдатских цепей и бронетехники окружили село. К рассвету все улицы были перекрыты БТРами с замазанными грязью номерами. Под страхом расстрела на месте людям запретили покидать дома и дворы. Совсем низко, будто заходя на посадку, над селом металась вертолеты, и шифер, как кленовые листья от осеннего ветра, слетал с крыш прочь, оставляя их непокрытыми. Можно делать большие глаза и продолжать называть это «зачисткой», но совершенно очевидно, что против Старых Атагов проводилась настоящая боевая операция.

– Я находился дома. Я знал, что калитка должна быть открытой, иначе они танком или БТРом выбьют ворота, – рассказывает 70-летний Имран Дагаев. – В половине седьмого утра в наш двор ворвались военные. На меня направили автомат. Я сразу показал паспорт, но они даже не обратили на него внимания. У остальных членов семьи тоже не спросили паспортов. Первое требование военного, по всей вероятности, старшего, было таким: «Давай деньги и золото!» Он же добавил: «Что есть ценного, давай все». Я ответил: «У меня нет денег и золота, я получаю пенсию, и на эту пенсию мы живем – нас одиннадцать человек». Он сказал: «Меня не касается, как ты живешь. Давай!» Они разошлись по комнатам, стали все переворачивать вверх дном. Двигаться никому не разрешали. Шифоньер с одеждой бросили на пол, и он сразу раскололся. Стали шарить в посуде. В одной из ваз нашли золотое кольцо и цепочку моей старшей снохи. Их взял один из военных. Другие стали выбирать посуду. У них были приготовлены полиэтиленовые пакеты, они туда сложили сервиз. Один взял мои новые туфли и по одному засунул их себе в куртку. Сервант с оставшейся посудой швырнули на пол, и вся посуда разбилась. Опрокидывали кресла и диваны и разрезали их ножами в поисках спрятанных денег. Но больше ничего ценного не нашли. Бегая по комнатам в поисках ценных вещей, они спрашивали: «Где твои сыновья?» Я ответил, что сын мой погиб, а больше у меня нет.

Старик Дагаев действительно только что похоронил 30-летнего сына Алхазура, и для полноты картины остается добавить, при каких обстоятельствах. По поручению сельской администрации Алхазур, вместе с другими, поехал в Ханкалу, на главную военную базу, за телом односельчанина, сначала задержанного во время предыдущей «зачистки», а потом убитого там же, в Ханкале. Посредничал при выкупе трупа военнослужащий, представившийся сотрудником ФСБ Сергеем Кошелевым. Он потребовал за труп следующее: барана, видеокамеру и «Жигули». Но получив все это, труп так и не отдал. При этом все, кто привез выкуп в Ханкалу, бесследно исчезли. Случилось это 22 декабря 2001 года. На 14-й день тела

всех исчезнувших нашли неподалеку от Ханкалы, в кювете. У Алхазура Дагаева был выколот глаз, тело оказалось черным от побоев, а убили его выстрелом из пистолета в левый висок с близкого расстояния.

– У тебя больше нет сына? – засмеялись военные, выслушав рассказ Имрана, и быстро ушли, переместившись в дом Татьяны Мациевой на соседнюю улицу Майскую. Они тоже не интересовались там ничьими паспортами, зато украли из ее дома: «1) медаль „За трудовую доблесть“, 2) видеодвойку, 3) мягкие подушки и мебель производства ГДР, 4) трюмо производства ВНР, 5) 4 ковра со стен, 6) 35 игровых кассет, 7) мешок картошки, 8) мешок сахара – 50 кг, 9) мужскую обувь (2 пары сапог и 1 пару кроссовок), 10)...»

Именно так, позже, в заявлении на имя прокурора Грозненского сельского района перечислила Татьяна все похищенное у нее во время «зачистки». И добавила: «Прошу оградить меня и мою семью от нашествия узаконенных российских бандформирований, жуликов и мародеров». О прокурорах – дальше, и вообще все это будет потом, а пока...

Страсти в заблокированных и переблокированных Старых Атагах накалялись чем дальше, тем неумнее. День ото дня издевательство военных, раскинувших палатки по окраинам, приобретали все более иррациональный характер.

29 января, с утра, Лиза Юшаева, беременная на последнем месяце, стала рожать – это часто случается неожиданно и уж совсем не зависит от сроков «зачистки», установленных генералом Владимиром Молтенским. Родственники Лизы побежали просить военных, стоящих в оцеплении, пропустить роженицу в больницу – но те долго не разрешали. Женщины их громко стыдили, мол, у вас есть матери, жены, сестры. А они отвечали, что «безродные», детдомовские. И еще, что приехали сюда убивать живых, а не помогать рождающимся.

Так и получилось: когда военные смилостивились, Юшаева не могла пройти пешком необходимые 300 метров до больницы. Родственники стали договариваться заново – теперь уже о машине. Наконец Лизу подвезли к

больнице. Но там стояло уже совсем другое оцепление и другие бойцы. Не вникая в детали, они привычно поставили и водителя, и Лизу к стене – в позу пойманного боевика, руки вверх, ноги в стороны. Какое-то время Юшаева еще выдерживала эту «стенку», а потом стала оседать – вскоре ребенок явился на свет, но мертвым. Много можно понять и заставить себя осознать, с многим сжиться и пропустить мимо ушей, но представить себе, о чем в *тот* момент думали солдаты, наблюдая перед собой рожаящую женщину с огромным, опустившимся к коленям животом, в полубессознательном состоянии, но в требуемой позе – с расставленными ногами?

...1 февраля вдруг умер старик Турлуев. Он был совсем стареньким и умер потому, что подошел его срок.

Надо было хоронить: собрать мужчин, обмыть, прочитать молитвы, отнести на кладбище.

Военные запретили хоронить старика на мусульманском кладбище. Почему? Потому что «зачистка». И ссылались на инструкцию о запрете на передвижение – похоронной процессии в том числе. Несмотря на то, что и сама «зачистка», и все ее «инструкции» абсолютно незаконны.

Зато в тот же день, 1 февраля, федералы сами наведались на кладбище. Общеизвестно, что нет места для чеченцев дороже, чем оно. Но это не значит, что на кладбище можно чем-то «пожиться». Среди могил стоит только молитвенный домик – специальная «подсобка», где хранится похоронный инвентарь и совершается последняя, перед погребением, молитва.

Так вот, военные унесли с собой специальную деревянную ванну для омывания покойников, сожгли погребальные носилки, своровали лопаты для рытья могил, а в придачу – еще и оконные рамы, двери, ковры, Кораны. Зачем? Сожгли, чтобы обогреться. И Кораны тоже.

Следующим пунктом был дом неподалеку от кладбища – там живет бабушка Малкан. Солдаты загнали ее в подвал, попросив «огурцы достать». После чего закрыли люк и не выпускали до тех пор, пока родственники не принесли 500 рублей выкупа.

Утром 1 февраля милиционер Рамзан Сагипов, младший сержант патрульно-постовой службы, раненный в конце декабря в Грозном при охране новогодней елки, лежал, долечиваясь, у себя дома, в Старых Атагах, на улице Нагорной. Рука милиционера покоилась в гипсе, культы оторванных пальцев кровоточили, раны на ногах ныли – был слякотный мрачный день чеченской зимней распутицы.

Услышав стрельбу на улице, Рамзан выскочил из дома: милиционеру, хоть и раненому, отсиживаться стыдно – надо людям помогать. И Сагипова военные тут же схватили, забрали у него табельное оружие и принялись избивать, норовя попасть по бинтам.

– А вы кричали, что вы – милиционер?

– Конечно.

– А они?

– Они: «Вы одна банда! Всех расстреляем!» Потом меня закинули в КамАЗ. Когда пытался поднять голову, тут же опять били по голове – ногой или прикладом.

На шум из сельсовета прибежали глава сельской администрации Ваха Гадаев и восемь из одиннадцати поселковых милиционеров. Военные и им кричали: «Вы прикрываете боевиков!» Гадаева ударили прикладом, милиционеров разоружили, скрутили и бросили в тот же КамАЗ, где лежали остальные. Таким образом, местная власть – вся, какая была в селе, – оказалась полностью парализованной.

«Птичник»

Задержанных свезли на старую полузаброшенную птицеферму на окраине села. В ней военные устроили свой временный штаб и фильтропункт. Так как «зачистка» была уже 20-й по счету, в Старых Атагах давно утвердилась своя терминология. Фильтропункт называли «птичником».

«Птичник» – и это как сигнал. Значит, тебя потащили в лучшем случае на муки. В худшем, на смерть.

Официальный статус «птичника» – «временный фильтрационный пункт» или ВФП (этот термин встречается в официальных документах Ханкалы). Эти проклятые лицемерные ВФП – одна из самых больших проблем современной Чечни, не выползающей из масштабных «зачисток». Федералы организуют ВФП на окраинах сел, которые «проверяют», на фермах, хуторах или просто в поле, и ВФП, с одной стороны, вроде бы выполняют роль изолятора временного содержания, «обезьянника», но, с другой, таковыми, с юридической точки зрения, не являются. В результате ВФП, оставаясь абсолютно вне-юридической, внепроцессуальной структурой, не могут стать частью последующего, например, прокурорского расследования. Если дело доходит до прокуроров, то те лишь разводят руками: закончилась «зачистка», а на месте фильтропунктов, где людей пытали и допрашивали, – только чистое поле или какие-нибудь развалины, и обвинения в незаконном задержании либо содержании разваливаются, воздух к делу не пришьешь.

Зато остаются люди, прошедшие через эти незаконные «птичники». Они помнят, они чувствуют – и никогда не простят.

– Сначала нас прогнали «сквозь строй». – Это опять милиционер Сагипов. – Военные выстроились у КамАЗа в шеренги друг против друга, и нас выбрасывали из кузова им под ноги. Каждый мог бить, как хотел. Потом всех поставили к стене. Я был перевязанный, один подошел, повернул меня к себе и сказал: «Он – больной». И тут же ударил дубинкой по голове. Потом другие сняли повязки с моих рук и стали их давить.

– Чем?

– Ногами. Меня на землю швырнули. Во все стороны кровь так и брызгала. Потом потащили в какую-то машину. Впихнули, повезли. Думал, на расстрел. Но потом повозили и вернули.

– Вас допрашивали?

– Да. Но допрос длился минут пять, не больше – и тем же вечером меня отпустили.

– И все?

– Да. Только теперь операция на руках предстоит.

– Вам понятно, зачем вас арестовывали и держали?

– Понятно – чтобы поиздеваться.

– Но вы же один из них, аттестованный сотрудник МВД, в погонах. Вы ведь с ними у одного государства на службе.

– Конечно, у одного. Но когда начинается «зачистка», я становлюсь просто чеченцем. А никакой для них не милиционер.

Сайд-Амин Алаев с улицы Нагорной – высокий крепкий молодой отец семейства. Если Рамзан подавлен всем случившимся, то Саид-Амин не скрывает своего глубокого презрения к федералам. На его губах – брезгливая полуулыбка всякий раз, когда он начинает рассказывать о «зачистке».

Саид-Амин Алаев – сосед Идиговых. 1 февраля, около одиннадцати утра, он заглянул к ним посмотреть новости по телевизору. И как раз в это время в дом заскочили «маски» и положили лицом вниз и его, и 16-летнего Магомед. Оттуда – в КамАЗ. Из КамАЗа – в «птичник».

– Мы все просили не трогать пацана, – говорит Саид-Амин. – Очень просили. Но военные отвечали так: из школьников получают хорошие подрывники. В «птичнике» нас поставили к стене с поднятыми руками, раздвинутыми ногами и опущенными головами. Шевелиться и

разговаривать было нельзя. За нарушение сразу следовали удары сзади. Били ногами, руками, прикладами, кто чем хотел. Так мы простояли шесть-восемь часов. На ночь заперли в автозак. Утром 2 февраля вывели к стене опять и продержали в том же положении до вечера. В сумерках повели на допрос к следователю, который требовал назвать время и маршруты передвижения боевиков, их явки, адреса. 3 февраля утром опять стояли у стены, потом троих из нас зачем-то свозили в Новые Атаги, где тоже шла «зачистка». Вечером вернули в «птичник», заставили расписаться в какой-то книге, отдали паспорта и отпустили. Я так и не понял, зачем «фильтровали»? Какой смысл?

В эти дни по всем телеканалам страна видела Саид-Амина из Старых Атагов. Это генерал Молтенской, да-

вая интервью и стоя прямо посреди «птичника», на фоне арестованных, среди которых был и Саид-Амин, – заявлял, что, мол, задержали бандитов с оружием, а местная милиция их защищала.

– Вранье, – говорит Саид-Амин. – Никакого оружия у нас не было. Мы дома. Милиционеры тоже отпустили, потому что они только пытались вступить за нас.

– А ваххабиты? Ваши староатагинские бандиты?

– Как всегда, настоящие бандиты отсиделись по домам.

Доллары и рубли

Мы живем в темные времена. Наш воздух отравлен ложью военных «верхов» и прямо пахнет купюрами – это безнаказанность «низов», самокомпенсирующихся за лживость «верхов». Так и крутится эта чеченская машина.

– В наш дом вломился человек 20, забрали паспорт сына, – рассказывает Раиса Арсамерзаева с улицы Школьной, – хотели увезти его на «птичник». Я дала сто долларов. Они заставили меня написать расписку, что у меня к военным никаких претензий нет. Уходя, забрали электрогенератор и белье моих дочерей.

На сей раз в Старых Атагах был в большом ходу коммерческий принцип. Забирали на «фильтропункт» в основном тех, кто не мог откупиться. Входя в дома, военные так прямо и требовали – денег за мужчин. Дал – фильтрации не подлежит, и, значит, нет подозрений в связях с членами воюющих отрядов. Не дал – подлежит и подозревается. Ставки на живой товар колебались от 500 рублей до 3-4 тысяч. В зависимости от возраста: чем моложе, тем дороже, – и от визуальной оценки дома силами военнослужащих.

Помимо расценок на мужчин, была на сей раз в Старых Атагах и калькуляция на женщин. Как водится в этих местах, «женские» цены оказались значительно ниже «мужских». Впрочем, и шкала требований была другой: откупались не по поводу «птичника», а чтобы не надругались. У одной семьи за «ненасилие» молодой девушки федералы взяли 300 рублей. У другой – 500. Взамен сексу-

ального удовлетворения принимались также серьги и цепочки – с женщин, отказывавших в минутах мародерской любви.

В конце концов люди вышли на улицы, разожгли костры и оставались так на все ночи. Думали, на миру не рискнут убивать и насильничать. Но и это помогло не всем.

Последние детали

К 4 февраля Старые Атаги представляли из себя гигантскую картину разбоя, совершенного силами членов законных бандформирований, осуществлявших «мероприятия по ловле членов незаконных бандформирований».

Тут и там на улицах, среди костров, сидели люди. В последний день федералы взорвали пустой дом Махмуда Эсамбаева. Знаменитый советский танцовщик был родом из этих мест и, следуя чеченской традиции, выстроил в Старых Атагах прекрасный особняк для своей семьи. Туда же, под тротил, пошел и другой богатый дом – Кадыровых, предварительно чудовищно

разграбленный и только потом взорванный. Его хозяин давно живет в Германии, но, по традиции, построил...

Что еще? Военные и тут исполнили обязательную программу всех последних «зачисток», которая состоит в том, чтобы испражняться в мечети.

– Они уезжали из Старых Атагов 5 февраля, – рассказывает Имади Демельханов. – Торопились. К нам во двор на скорости заскочили двое в масках, потребовали 1000 рублей за мой КамАЗ. – Такое происходило уже в четвертый раз за эту «зачистку» – военные хотели денег за то, чтобы Имади оставили его КамАЗ «живым», а не взорвали. Два раза Имади отдал по 500 рублей, потом денег больше не было, и он расплатился двумя курицами. 5 февраля он опять предложил федералам кур. Или теленка... Но они настаивали: «Давай денег». – Я отказался идти к соседям, занимать, потому что мне было стыдно. Тогда они поставили меня лицом к стенке, прострелили кисть правой руки и сказали: «Теперь будешь просить?» И ушли.

На рассвете 5 февраля пошел сильный дождь. То рявкая, то всхлипывая, из Старых Атагов убирались БТРы, и вода с неба открыла людям хоть очень маленький, но все-таки клочочек правды о тех, кто их так мучал восемь суток подряд. «БТР № Е 403» – увидели люди на том, что замыкал колонну. 403-й подъехал к взорванному дому Кадыровых, военные в масках соскочили на землю и посоветовали староатагинцам быть осторожнее: «Там, внутри, могут быть мины...»

«Вот, бывают же и среди них нормальные...» – перекинулись между собой люди. И увидели, как, чуть отъехав, солдаты 403-го напоследок заскочили в пустые дома и вытащили еще какие-то вещи...

Если на что и годятся методы, которыми идет эта война, так на то, чтобы плодить терроризм и новых сопротивленцев, разжигать ненависть, взывать к крови и отмщению.

А как вахабиты? В Старых Атагах – они на месте. И никуда после «зачисток» не исчезают. Более того, их по-уличное патрулирование позволяет селу жить без комендантского часа, что выглядит почти что неправдоподобно, если приезжаешь сюда, например, из Грозного или с гор. Это значит, порядок, о наведении которого так долго говорили федералы-генералы, в Старых Атагах действительно существует. Но только это тот же порядок, что накануне войны. И значит, годы мясорубки – с тысячными жертвами со всех сторон, с ранеными, искалеченными и измученными людьми – всего этого как будто и не было, все опять – как перед войной. Только разрушений прибавилось на порядок, да во власти – другие лица. Только из домов выметено все. Только полмиллиона озверевших людей. Только страна постарела еще на одну страшную войну.

Военные в Чечне очень не любят прокуроров: преследуют, запугивают и никуда не пускают. В Старых Атагах прокуроры тогда были и потом очень гордились, что сумели возбудить несколько уголовных дел, – объявляли об этом по телевизору, много раз отчитывались перед публикой.

А вот документ, достойный Салтыкова-Щедрина: *«...факты были предметом прокурорской проверки непосредственно в период проведения спецоперации...»*

Это значит, сотрудники прокуратуры находились непосредственно на месте совершения циничных и жестоких воинских преступлений. В момент их совершения. Наблюдали за ходом преступлений. Ни во что не вмешиваясь. И назвали все это «прокурорской проверкой непосредственно в период проведения спецоперации».

Я живо представила себя на месте староатагинских жертв. Как стою я, и бьет меня федерал дубинкой по голове, а сзади – прокурор, фиксирует... Мне от этого легче? Не так больно?

Бывает такая правда, которая хуже лжи. «Что творится в Чечне?» – продолжают спрашивать знакомые и журналисты из-за рубежа. Вот то-то и творится: война, замешенная на лжи, где *все*, кому положено, не договаривают *все*, что обязаны, и в результате военной анархии на Северном Кавказе нет ни конца, ни края.

Чеченский 37-й

Из соседней комнаты вынесли маленькую и красивую девочку Хеду с тем же серьезным и пристальным взглядом, как почти у всех нормальных чеченских детей последнего десятилетия.

– Ей – одиннадцать месяцев, – сказала Хедина тетя, качающая ее на руках. – Она родилась уже после того, как похитили Ислама.

Хеда придиричиво оглядывает столпившихся в комнате сумрачных людей и начинает плакать – как старушка, бесшумно. Но не от того, что почти сирота – она вряд ли это понимает. Просто ей настроение передалось. Тут, вдали от тех мест, куда не забредает нога европейских правозащитников-туристов, – в доме № 22 по улице Гагарина чеченского селения Алхан-Юрт Урус-Мартановского района – мы говорим о сплошной череде трагедий, постигших большую семью Дениевых.

– К гадалкам ходили. К ясновидящим. Говорят, живой он, – произносят Нурсет и Зара, сестры Ислама.

– И вы верите?...

Жмут плечами, бесстрастно смотря в пол, и равнодушно отвечают:

– А куда нам еще ходить? Все остальное давно исхожено.

Перед плачущей Хедой трясут погремушками. Но до того ли ей? Чеченские младенцы, рожденные в войну, редко реагируют на погремушки как универсальное средство утешения детских слез. Слезы у них не детские...

Семья Дениевых – одна из тысяч чеченских семей, попавших в ситуацию, когда «ни мира, ни войны» – «ни тела, ни человека». Хоть кричи, хоть вой, хоть письма

пиши президенту каждый день... Ислама больше нет. Куда ни обращались – ни слова о нем. Ни в одном списке арестованных, задержанных или осужденных не значится. Нет его. Будто и не было. Будто не от него Хеда. Будто инопланетяне забрали.

При этом юридически точно известно и зафиксировано, как выглядели те самые «инопланетяне» для Ислама Дениева. Обычно, по-местному – в «масках», камуфляжах, с «Жалашниковыми», и стояли на блокпосту поселка Черноречье (микрорайон Грозного), мимо которого 24 ноября 2000 года, примерно в 11 часов дня, проезжал автомобиль, в котором три друга (Ислам Де-ниев, Хизир Ахмадов и Саид-Ахмет Сааев) ехали на похороны в селение Мартан-Чу.

«Инопланетяне» машину остановили, при свидетелях всех из нее высадили и увезли трех друзей в неизвестном направлении. Тут свидетели расходятся: одни говорят, на БТРе с замазанными номерами. Другие – на таком же «замазанном» УРАЛе.

Дальше, вроде бы, дело следователей. Кто увез? Боевики? Ваххабиты из вотчины Бараева – соседнего с Ал-хан-Юртом селения Алхан-Кала, которым все трое пропавших были лютые многолетние враги? Но куда тогда смотрели охранники Чернореченского блокпоста? Среди бела-то дня?... Значит, федералы? Иначе откуда же БТР и УРАЛ?... Увы. Ответы на вопросы отсутствуют, *все* подразделения, дислоцированные на территории Чечни, к этому дню подтвердили свою непричастность.

Однако таким «подтверждениям» верить нельзя. Они – только слова, фикция юриспруденции. По типу:

– Ты похитил людей? -Нет.

– Видите? Он не виноват.

Никаких серьезных следственных действий по делам о массовых похищениях людей в Чечне не проводилось. И не ведется. За год с лишним после пропажи Ислама Дениева и двух его товарищей произошло только одно: 28 ноября 2000 года пастух из Наурского района – а это приличное расстояние от Черноречья – нашел сожженной ту самую машину, из которой высадили похищен-

ных. И накануне, 27-го, он же видел, как эта машина шла в общей армейской колонне с номерами 15-го и 21-го регионов (Внутренние войска) и уже была обвешана бронезиждетами, как обычно делают военные водители, спасаясь от шальных пуль. В тот момент в машине еще сидели двое – видел пастух. 28-го он же нашел два обезображенных трупа у обгоревшего остова машины. Но трупы так никто и не признал. И где они сейчас – неизвестно.

А вот пропавших Ислама, Хизира и Саид-Ахмета – нет. Десяток их полусирот теперь

ходят по земле безотцовщиной, жены-вдовы руками разводят, раскладывая перед собой кипы бумаг-отписок, ничего не значащих и не объясняющих, которыми можно растапливать костры, и хватит надолго. «Ваше обращение о похищении неизвестными лицами... рассмотрено и направлено...»

И под этой галиматей без единого факта и даже намек на ведущиеся поиски – сплошь подписи очень серьезных господ. Тут – и госсоветники юстиции, и старшие помощники Генерального прокурора России, и заместители министров...

И что? Ничего.

– Сидим с вечера до утра, ждем федералов, что придут и отомстят за то, что мы пишем и ищем... – говорит Альберт Дениев, брат Ислама. – А с утра до вечера трясем, что это произойдет днем. Вот и вся наша жизнь.

Хеду уже унесли прочь из дома, и теперь плачут мужчины Дениевы. Хотя плакать мужчинам тут совсем уж не положено.

Сержень -Юртовский старик Хоттабыч

Абдурхман Иблудев – симпатичный дедушка в веселой тюбетейке и с бородой. Представляясь, он шутит: «Абдурахман. Ибн-Хаттабович. Сержень-Юртовский старик Хоттабыч». И сам же добавляет: «Шутка плохая, по нынешним временам может плохо кончиться, потому что Хаттаб...»

Веселый дедушка рассказывает историю подлую. Рано утром 7 ноября его разбудила дочка: «Только что русские забрали Милану и Эсет!» Милана Битиргириева, племянница жены старика, и Эсет Яхьяева, сестра жены старика Хоттабыча – накануне приехали навестить Иб-лудевых в село Сержень-Юрт Шалинского района. А в ночь с 6-го на 7-е началась «зачистка». Женщин забрали прямо с постели, полураздетыми, не посмотрев даже в паспорта, и увезли на «чеченском НЛО» – БТРе с замазанными грязью бортовыми номерами.

– Я тут же вскочил в машину, – рассказывает старик. – И в нашу администрацию. Потом в ПОМ – поселковый отдел милиции. Потом – к коменданту, к офицерам. Говорил: «Отдайте наших женщин».

В Чечне давно все выучили главное правило выживания «антитеррористической операции»: чем быстрее начнешь искать похищенных, тем больше шансов их вернуть за выкуп.

– Я начал это делать через несколько минут после похищения! – продолжает Хоттабыч. – Их еще не могли никуда увезти! Но все военные мне уже отвечали: «Нет их у нас». Через час я поехал в Шали, в районную комендатуру, разговаривал с комендантом Нахаевым. Привез паспорта родственниц. Он мне сказал: «Подожди, отец, немного, проверим их документы и отпустим». Значит, Нахаев знал, что женщины – в комендатуре?... Долго я ждал, чувствую, что-то не то, и опять – к Нахаеву. А он мне говорит, «честно» смотря в глаза: «Нет у нас ваших женщин».

Старик запаниковал и завалил коменданта встречными вопросами: что такое это «нет»: «нет» – уже убили? Или «нет» – увезли в другое место?... Но снова не получил ответов. Ни в одной из прокуратур, действующих на территории Чечни, ни в комендатурах, ни в милициях. На том и конец этой истории. Сгинули женщины. Были – и нет.

– Я своих ругаю, – досказывает старик. – Почему не заметили, какой номер был у БТРа?

– А что толку, если знаешь? – Это Лариса Асхарова, красивая статная женщина с тем же горем за плечами. То ли жена, то ли вдова – сама не знает, как представляться, – Шарами Асхарова, тоже сержень-юртовца, дальнего родственника Ширвани Басаева, к которому Шир-вани в последний раз приезжал – так говорят односельчане – году в 98-м. Так вот, федералы забрали Шарами 18 мая 2001 года, на рассвете. За родственные связи с Ширвани. Не скрывая, что за это.

– С тех пор – все, – плачет Лариса. – Я везде, где надо, оставила показания о том, что видела сама: мужа увезли на БТРе № 224, следом ехал БТР № 714 и военный УРАЛ № 7646 ВА. Я сама бежала тогда за военной колонной до конца села – дальше блокпоста меня просто не пропустили... Один БТР и УРАЛ уехали в сторону расположения Дивизии особого назначения

ДОН-2 (Внутренние войска МВД). Второй БТР – в 70-й артиллерийский полк. Но мои факты никого не интересовали. Не было никаких результатов, расследований... Мне просто сказали, что федералы его не забирали. Мол, утритеесь.

Что делать?

Ситуация, в которую попали Иблueвы, Асхаровы и Дениевы, – тривиальная для Чечни. И в ее неисклучительности заключен самый больший ее ужас. Какое бы прошлое у тебя ни было – воевал ты бок о бок с Масхадовым или против него, – ты не застрахован от стирания с лица земли. Тысячи (!) семей – в подобном положении. Им не к кому обращаться во властных структурах – их никто не слушает.

Реальный перечень «инстанций» на случай похищения человека в Чечне скуп и неадекватен событиям – вы сейчас это поймете.

Во-первых, ясновидящие. (Не смейтесь – таковы обстоятельства.)

Во-вторых, журналисты.

В-третьих, правозащитники.

В-четвертых, посредники, которых пруд пруди по Чечне и которые чаще всего жулики, берущие с несчастных деньги за крохи ничем не подтвержденной информации о том, где твой брат, муж, сын, и с которыми иметь дело – значит, материально стимулировать рабо-торговый бизнес. Ни одна из вышперечисленных «инстанций», естественно, не является сколько-нибудь серьезной или эффективной. Каждая – просто случайность, успокоительная «валерьянка». И не более. Мизерный шанс, что журналист проймет генералов, или генералов над генералами, и так начнутся поиски. Или – надежда на чудо. Или – самоудовлетворение, что «раз заплатил, значит, что-то сделал».

Государство и власть, летом 99-го взявшие на себя миссию «освободить Чечню от бандитизма», никак не представлены перед лицом беды под генетически-кодовым названием «37-й». Прежде всего потому, что творят чеченский «37-й» – люди, находящиеся на государственной службе. Несведущему это покажется наветом, но от того, что Путин по телевизору чеканит слова о наведении порядка – порядка в Чечне все меньше, а смертей все больше. Прокуратуры придавлены военными и работают, как положено, редко. Милиция – сама же участница «процесса». Наконец, есть в стране специальная Комиссия по розыску пропавших без вести при администрации президента. Но Комиссия работает только опосредованно, из Москвы – что просто смешно в розыскных делах по Чечне. Сохранив Комиссию для красивой отчетности перед Западом, ее придушили деньгами, чтобы не рыпалась. В 2001-м воюющем году финансирование розыскных командировок было полностью прекращено, а все деньги, ранее выделенные на эти цели, забрало себе Министерство обороны (одно из ведомств, бойцы которого, собственно, и похищают тех, за «поиск» которых им потом платят из госбюджета). В 2002-м, на фоне кричащих фактов и острой необходимости работать, финансовая трагедия Комиссии повторилась.

Можно долго перебирать пепел на голове и философски ронять, что, мол, во всем виновато отсутствие средств, и были бы деньги – мы были бы чуткими и добрыми, и относились бы к каждому человеку, как к единственной ценности, и не было бы у нас бесследно сгинувших... Увы, это снова «валерьянка» и ложь. Дело в том, что *мы думаем плохо*. В массе своей, мы совсем не страдаем от того, что творится в стране, что у нас на потоке бессудные казни, и уже тысячи жертв «нового 37-го». Мы успокаиваем себя тем, что это пока только *чеченский 37-й год*, и до нас не доберутся...

Напрасно и легкомысленно: история доказывала это неоднократно. В стране царит идеология ненависти к ближнему. Вот в чем наша настоящая беда. И именно поэтому каждый день в каждом из чеченских сел – обязательная программа: похороны. И почти все те, кого хоронят, – убитые, замученные, взорванные, растерзанные люди. Однако и это тут считается «не самой большой бедой».

Самая большая – когда от человека вообще ничего не остается.

Тривиальное послесловие

...В комнату входит старуха. Плачет, зовет: «Только что пришли трое в масках и убили Ахмада Эжиева». Старика, который на пенсии уже больше 20 лет...

– Зачем убили?

– Не знаю. Что у пенсионера возьмешь?

– Кто они были?

– Никто не знает. И те, и эти приходят к нам в камуфляже и в масках... Думаем, эти были все-таки федералы. По-русски переговаривались.

Я знаю брата Ахмада – тоже немолодого уже Имрана Эжиева, одного из самых активных беженских лидеров, правозащитника и борца. Семья у Имрана в Ингушетии, в лагере Яндырка – плохо, нище, но не убивают. Имран все время звал Ахмада к себе из беспокойного Сержень-Юрта с полком внутренних войск под боком – это мне рассказывал сам Имран. Но Ахмад всегда отвечал: «Не пойду. Кому нужен старик?»

Значит, и старик понадобился. В 2002 году, на третьем году войны. Для отчетности по «уничтожению боевиков». И где тот генерал, хотя бы один, с которого содрали погоны за *такую* «антитеррористическую операцию»?

Сегодня в Чечне все прощаются, как навсегда. Так принято: выходя за порог, надо попрощаться навсегда, пожелав друг другу удачи. Не здоровья и счастья. Не любви и дружбы. Эти мирные пожелания – безделица. Главное – удачи.

– Я хочу понимать, чей я, – говорит Ибрагим Умпа-шев, сельский староста соседнего с Сержень-Юртом селения Автуры. – Я хочу знать правила игры, а для этого мне их кто-то должен объяснить. С кем нам надо договариваться, чтобы сохранить наши жизни? С боевиками? С федералами? В 2000 году мы хотя бы жили... Конец 2001 года стал самым страшным за все время войны. Где правительство Ильясова? Где администрация Кадырова? Никто не приехал и не объяснил нам, что же творится... Не сказал хотя бы: «Мы с вами, мы разделяем вашу трагедию». Я понимаю это так: к нам ни у кого нет интереса, власть нас бросила на съедение военным и боевикам. А эти две силы объединились между собой и считают нас третьесортным быдлом, подлежащим уничтожению. 17 120 автуринцев, подлежащих уничтожению... Вот и вся нынешняя война...

День Победы

На подстреленной раздрызганной табуретке, с трудом удерживая в равновесии непослушное тело, сидит старик. Истощенный, бледный до серости, почти слепой, с «тряпичной» кожей, выдающей хроническое недоедание. Его ноги «согревают» истлевшие до просветов пижамные брюки в невнятную казенную полоску. Толстые линзы – в нелепо розовой женской оправе, подвязанные к ушам веревками и скрепленные на переносице тесьмой. Крупные дамские пуговицы на нелепо розовой и тоже женской куртке довершают картину личного краха человека, пытающегося усидеть на табуретке.

«Та-ак живе-е-ет семья-я российско-го геро-о-о-я...» – В голове возникает старая советская песня, совершенно никчемная в нынешнем Грозном. «...Геро-о-я-я, – мелодия дребезжит, но все же упорствует, – гру-удью защит-и-ившего стра-а-ну-у...»

Это пытается напевать старик в розовых очках – ветеран Великой Отечественной и капитан погранвойск в отставке Батурицев Петр Григорьевич. Тут, в грозненских развалинах по улице Угольной, 142, в Старопромы-словском районе, он пережил обе чеченские войны и ныне, на табуретке, вынесенной поближе к распускающейся природе, Петр Григорьевич встречает 86-ю весну своей жизни и 57-ю после той Победы, которую долгое время все считали окончательной победой мира над фашизмом.

9 Мая нас все больше тянет умиляться – при виде отглаженных старичков-ветеранов, чокающихся на столичных улицах и тут же смешно хмелеющих. Однако есть и другая ветеранская жизнь. Есть и другой День Победы в нашей стране. Он – в Грозном. Здесь, по

законам военного времени, выносят приговоры, в том числе и бывшим фронтовикам.

– Как живете, Петр Григорьевич? – Глупый, конечно, для нынешней Чечни вопрос, но уж вылетел...

Старик с трудом отрывает голову от упертой в землю палки и начинает плакать.

– У дяди Пети почти ничего своего. Все с развалин. И очки. И куртка. – Это кто-то сзади произносит, пока старик пытается справиться со спазмами немых рыданий. – От погибших, думаю...

– Я не живу... Я жил... Когда-то... – наконец выдавливает старик.

Петр Батуринцев провоевал три года, с 42-го по 45-й, в составе Северной группы Закавказского округа, освобождавшей в том числе и Грозный. Послевоенная жизнь Петра Григорьевича была ясна и проста: он вернулся в город, вскоре женился и стал работать на заводе «Электроприбор» – до самой пенсии. Встречался с пионерами, по праздникам надевал награды.

– Я жил... Я жил... – продолжает твердить старик. Он трясется всем телом и пытается вытереть слезы, попадая рукой не по той части лица, где они текут.

Шумно подходит женщина в мужских сандалиях и драной синей кофте, с подозрением оглядывая незнакомых людей сумасшедшим, но не злым взглядом.

– Я – его жена. Меня зовут Надежда Ильинична. Я на десять лет моложе. Мне только 76. Поэтому, видите, еще хожу. – Женщина приглашает в их со стариком жилище. – Мы две войны тут пересидели, никуда не выходили, кроме подвалов, и только это дало нам возможность сохранить квартиру. Между прочим, она приватизированная!

Надежда Ильинична выглядит очень гордой, показывая городские развалины с правом собственности на них. Накануне был долгий ливень, и «квартира» выглядит изрядно промокшей. В потолке – большая дыра, закамуфлированная тепличной пленкой.

– Иногда думаю, мы как в раю. – Но голос у нее «невпопад» с «раем». Она понимает, что в аду.

– Мы хорошо живем. У многих и стен не осталось, – продолжает Надежда Ильинична, и становится ясно, откуда этот голос ее металлический и упорный: она изовсех сил старается не выйти за пределы однажды выбранной ею установки: довольствоваться малым во что бы то ни стало.

– Старикам везде у нас почет... – тихо тянет молодой сосед-чеченец. Он – единственный, кто сегодня ухаживает за ветераном «дядей Петей». Водит его в туалет, моет, откуда-то издалека носит воду, не позволяет Батуринцевым умереть с голоду.

– А из военных сюда кто-нибудь приходит? Из военкомата, например?

Это первый вопрос, который неожиданно прорисовывает улыбку на измученном лице Петра Григорьевича. Он недоумевает – неужели кому-то непонятно, что военные тут ходят по домам только для «зачисток».

Надежда Ильинична ласкает маленькую девочку, подбежавшую к ней, и видно, как жене Петра Григорьевича одиноко и тяжело без семьи – без детей и родных.

– Ее зовут Лишат. Она – дочка соседей Эльмурзаевых. Мне так хорошо с ней. Мы – подружки. У нас с Петром Григорьевичем ведь тоже есть внуки. Ларисе – 25 лет, Оленьке – 23. Чудесные девочки.

– И где же они? Чудесные? – Вопрос вылетает предательски, сам собой – можно было бы сформулировать и покоректней.

– Они очень заняты, – следует краткий ответ – так обычно закрывают тему, ставшую трагедией.

Но теперь Петр Григорьевич хочет говорить – он пытается оправдывать своих далеких «чудесных девочек»:

– Они живут в институтском общежитии, в Пятигорске. Лариса ищет работу, Оленька еще учится в медицинском. Поймите, взять нас к себе не могут, а сюда приехать невозможно.

Старик даже хочет привстать с табуретки – от волнения, но это не удается: дрожат колени.

– Но ведь родители у Ларисы с Оленькой есть? Надежда Ильинична уже не говорит, а шипит сердито:

– Сын живет в Благодарном, в Ставропольском крае. У него – свои проблемы. Давайте не

будем об этом при Петре Григорьевиче.

Мы отходим, думая побережь старика.

– Так, может, мне позвонить или написать вашему сыну? Расскажу, как вы тут...

– Ни в коем случае. – Петр Григорьевич, оказывается, нас слышит. Но он больше не плачет, хотя дрожь в руках заметно нарастает. Теперь уже и он сух, строг и категоричен, как жена. Его поведение доказывает существование непростой застарелой семейной коллизии, развитию которой, похоже, ничто не может помешать – ни война, ни нищета, ни голод, ни болезни, на которые обречены Батуриные в Грозном.

Сколько подобных человеческих трагедий, связанных с русскими стариками в Грозном, пришлось узнать за эту войну! Родственники, живущие «в России» (так это называется в Чечне), не желают забирать «своих» подальше от войны. И поэтому часто едешь по этому страшному городу – как по адресам забытых жизней: вот здесь, знаешь, еще жива русская бабушка, которую упорно не перевозят к себе родственники из Тюмени, а на другой улице, в руинах, ютился (но уже три месяца как умер от истощения) русский дедушка, забытый двумя сыновьями и тремя дочерьми, раскиданными по разным регионам и городам обширной России.

А вот поворот со Старопромысловского шоссе на «Березку» – это название одного из городских микрорайонов. Поблизости от поворота – дом престарелых. На прошлую Пасху в богадельне умерла Мария Сергеевна Левченко. Сюда она попала незадолго до этого – лишь в ноябре, вместе со старшей сестрой Тамарой Сергеевной – обе в крайне истощенном состоянии. Потеряв дома, больше года они мыкались по подвалам, месяцами не имея возможности помыться, неделями не рассчитывая даже на хлеб. От перенесенных страданий и истощения осенью 2000 года Тамара Сергеевна сошла в подвале с ума. И тогда Мария Сергеевна, не в силах более вынести этой ноши, пошла куда глаза глядят, авось, хуже не будет, – погрузив старшую сестру на тележку. Увидев это страшное шествие, добрые люди подсказали, где дом престарелых. Однако, выполнив свою миссию, найдя Тамаре Сергеевне бесплатное тепло, пищу и лекарства, сама Мария Сергеевна быстро сгорела от скоротечного рака.

Случилась бы вся эта цепочка трагедий, если бы еще в самом начале войны сестер забрал их родной брат и куча племянников, живущие в одном из южнороссийских городов, не так уж далеко от Чечни? Нет, конечно. Только не желал этого брат. Не желал – и не желает. Будучи осведомлены обо всем происходящем в Грозненском доме престарелых, ни брат, ни племянники и на похороны Марии Сергеевны не приехали, и теперь за оставшейся в одиночестве Тамарой Сергеевной не спешат... Здоровым русским больные русские не нужны, и драма Левченко и Батуриных – хотя семейная, но все же национальная. Современная русская национальная трагедия, оголенная войной. Там, где бесчеловечность – норма жизни, пощады и милосердия не может ждать никто, даже самые немощные. Петра Батуриного, ветерана и инвалида войны, оставленного без помощи родных, никто и не подумал вывозить из-под бомбежек и расстрелов перед штурмом зимы 1999-2000 годов, снесшим большую часть Грозного с лица земли. Ни один военный чин не пришел навестить его, армейского офицера в отставке, чтобы узнать, жив ли он после штурма, чтобы спросить, не голоден ли он. При этом далеко ходить не надо: его дом – в двухстах метрах от здания военной комендатуры.

Это и есть фашизм в чистом виде – знаменитая гитлеровская идея уничтожения и выкидывания на обочину жизни немощных и убогих как балласта на пути к светлому будущему. Государственный фашизм, успешно про-рощенный в семейные отношения. Именно тот фашизм, на борьбу с которым Петр Батуринов положил свои юные годы и здоровье.

Меня часто спрашивали грозненские чеченцы: «А почему вы так плохо относитесь к „своим“?» Чеченцы, живущие на улице Угольной, ставили вопрос шире: «Как нам поверить, что новая власть пришла нам помочь, если даже русский старик и отставной офицер, при вновь установленной „русской власти“, живет еще хуже, чем при Дудаеве и Масхадове?» Ведь ничего подобного тому, что приключилось с Петром Григорьевичем, не может случиться с чеченцами преклонных лет! Ни в одной чеченской семье, кроме самых неуважаемых и презираемых, такое отношение к старику не допустят!

Совсем неподалеку от Батуриных, на улице Ключевой, 259, живет 82-летний дедушка Умар. Как и Батуринов, Умар Ахматханов – инвалид Великой Отечественной войны второй группы, ноги у него отказывают, и он почти не видит. Как и Петр Григорьевич, обе чеченские

войны он был дома, сидел в подвале и не хотел уходить от бомбежек.

Однако разница между той жизнью, которую сегодня ведет ветеран Батуринцев, и той, что досталась ветерану Ахматханову, участнику битвы за Сталинград, – огромна. У Умара – ухоженный, хоть и со следами войны, дом, чистые полы, он обстиран, внуки по первому зову несут ему все, что он попросит, сыновья (все с высшим образованием) и снохи помогают. Жизнь семьи вертится вокруг него, старика, – так положено у чеченцев. Если ты старик – это значит, что тебе обязаны все младшие, тебя не бросят, не оставят, накормят, даже если самим придется голодать. Невозможно представить обстоятельства, при которых чеченцы «забудут» своего старика. Обязательно найдется пусть даже очень дальний родственник, который возьмет на себя заботы о немощном человеке. Иначе – позор всей семье.

– Все-таки Великая Отечественная была хорошей войной, – выдает на прощание Надежда Ильинична Ба-туринцева, и ты понимаешь, до какой же степени отчаяния нужно довести человека, чтобы тот посчитал войну, унесшую миллионы жизней, «хорошей»! – А нынешняя война – плохая, – заключает она. – Непонятная война – за что, за кого и против кого. За кого угодно, только не за нас.

Чеченский выбор: от «ковра» до «конвейера»

На протяжении трех лет чеченской войны власти не раз намекали: мол, не станет Хаттаба с Басаевым – это и будет означать конец войне, именуемой «антитеррористической операцией». И тогда, наконец, огромный, никаким здравым смыслом не оправданный, почти 100-тысячный боевой контингент, противостоящий 600-тысячному населению Чечни и «2000 боевиков» (официально объявленные цифры), сможет покинуть республику, а с этим сойдут на нет убийства, пытки, зверства и похищения людей силами господ в погонах, а также неизбежное при оккупационном положении армии массовое «военное» мародерство.

Ждали-ждали, и дождались... О кончине, «в связи с долгой и продолжительной болезнью», и Хаттаба, и, предположительно, Басаева торжественно объявлено – войска же остаются на месте, да и в методах ведения войны никаких изменений не произошло: идут «зачистки», не прекратилась работоторговля живым и мертвым товаром силами военнослужащих как главное «боевое мероприятие» в Чечне, тысячи семей ищут своих похищенных родственников и, в лучшем случае, выкупают их трупы у «защитников Родины от терроризма».

«Выс. рос.»

Имран Джанбеков из селения Гойты Урус-Мартановского района был очень высокого роста. И только двадцати двух лет от роду. Эти обстоятельства и решили его судьбу. В соответствии с традициями, укоренившимися в Чечне, Имрана увезли ночью – и с концами. Как многих других.

– Я теперь каждое утро встаю и отправляюсь искать сына, – говорит потухшая красавица Зайнап, мать Имрана. Она опустила голову, так что виден только высокий лоб и волосы, и вырисовывает безжизненными пальцами на скатерти бесконечные круги своей безнадеги.

– Куда отправляетесь?

– Куда глаза глядят. К Урус-Мартановской комендатуре, в МВД в Грозный, в республиканскую ФСБ... Показываю фотографию, прошу, может, хоть кто-то... И вот недавно в одной из этих структур мне показали протокол задержания другого парня... И я прочитала в графе «причина задержания» – просто «выс.рос.». То есть «высокий рост».

– Не может быть!

– Я тоже сначала так подумала, но... Куда деваться? Своими глазами видела. Моего Имрана тоже не за что было забирать, кроме как за этот «выс.рос.».

В последние годы, по требованию родителей, Имран почти не выходил из дома. Всю войну сидел.

– Почему? – спрашиваю.

– Мы берегли его. – Зайнап плачет. – Он тоже был «выс.рос.»: 1 метр 92 сантиметра. И когда стало ясно, что первым делом федералы забирают физически крепких, хорошо сложенных парней, мы даже в институт перестали его пускать – очень уж придирались на блокпостах. А потом подумали и все-таки решили: надо учиться, и по очереди – то я, то отец – ездили с ним на занятия в Грозный, ждали там и сопровождали обратно.

Провожать 22-летнего, подобно детсадовцу?... Однако такова современная многострадальная чеченская жизнь.

– Но не уберегли мы нашего старшего. – Зайнап смотрит перед собой, как на похоронах. – Днем-то сопровождали, а они пришли ночью. Ровно в пять минут первого. Все – в масках. Было два БТРа и военный УАЗик на улице. Сына посадили в БТР. Я бежала за машинами и кричала: «Имран! Имран!» Так добежала до выездного, в сторону Грозного, блокпоста. Оттуда: «Стой! Стрелять будем!» А я кричу: «Стреляй! Убийцы! Сына моего похитили! Вон в тот БТР, который вы только что пропустили без проверки, его пихнули!...»

Солдаты, охранявшие блокпост, опустили автоматы, не стали стрелять в мать. Единственное, что она увидела: «02» на заднике БТРа. В Чечне все знают, что значит «02» – бронемашина принадлежит внутренним войскам МВД.

Никто теперь не знает, где похищенный парень высокого роста, все силовые и военные структуры Урус-Мартановского и всех иных районов, а также соответствующие республиканские ведомства, заявили, что не забирали... Джанбековы написали заявления во все прокуратуры и всем главам администраций – от Ясаева, главы Урус-Мартановского района, и Ахмата Кадырова, руководителя Чечни, до Путина. Письма, жалобы, петиции... Все оказалось бессмысленным.

Во всем мире матери живут надеждами – это их жизненное кредо, от которого зависит будущее планеты. Если ребенок болен – надеждами, что будет обязательно здоров. Если оступился – что исправится. Если пропал – что найдется. Такова и Зайнап.

– Люди говорят, если через 5-7 дней не выбросили труп, значит, хорошо...

– передает Зайнап один из мифов сегодняшней Чечни. – Значит, он выдержал пытки первых дней, и его отправили в Ханкалу. Он – крепкий, он выдержит. Только мне снится, что он стоять не может, били его сильно...

Сердце матери хочет верить в этот миф. Однако есть чеченская реальность. Она состоит в прямо противоположном: если за 5-7 дней человека не вырвали из федеральных застенков – ищите труп...

– Таких, как мы, родителей сегодня много по Чечне, – продолжает Зайнап. – Сотни, тысячи... Мы часто теперь стоим до комендантского часа на Ханкалинском повороте – оттуда дорога прямо к военной базе.

– Зачем вы там стоите? Чего ждете?

– Информацию о своих. Иногда оттуда, от офицеров, подъезжают к нам посредники, объявляют цену на тех, кто еще содержится... Или на трупы.

Так проходят дни Зайнап и Адлана Джанбековых. А по ночам родители Имрана гадают – как и в тысячах других чеченских бессонных домов, – пытаюсь понять, что они сами сделали «не так», в чем не угодили федералам, в чем мог быть виновен их сын?

Джанбековы находят лишь одно: Имран хорошо знал турецкий язык, два года отучился в Стамбульском колледже. И может быть, кто-то донес об этом.

– Но знать язык – это хорошо, – говорю я.

– У вас – да. Но не у нас. Федералы могли подумать, что в Турции он набрался чего-то плохого... – объясняют родители, как понимают жизнь вокруг. – Когда я вспомнила про турецкий язык Имрана, то везде, куда хожу на его поиски, стала объяснять, что тогда в Турцию наших ребят отправляли учиться по решению российского правительства! Сам вице-премьер Лобов курировал этот обмен. И Имран, ему было лет 15-16 тогда, не может сейчас за это отвечать! Но нам некому это рассказать. Никто не слушает. Сколько ни перебираю жизнь сына, ничего больше опасного не нахожу. Я так уверена, потому что он все время был при нас.

Каковы правила игры?

Наступает вечер и в другом гойтинском доме. Сюда недавно «выдали» труп похищенного военными человека. А говорим мы с 20-летним Саламбеком, племянником погибшего, – о том, что делать дальше, о смысле всего происходящего, о том, что думают об этом молодые чеченцы...

Жизнь приучила Саламбека молчать. Всегда и при любых обстоятельствах. И он немногословен, как многолетний заключенный концлагеря.

– Что сегодня вообще делать молодежи в Гойтах, кроме как прятаться от федералов? Не могут же, в самом деле, 18-25-летние парни три года подряд, изо дня в день, сидеть дома, чтобы только все знали, что они не воевали? – спрашиваю я.

– Что нам делать? Помирать, – отвечает Саламбек.

Надеюсь, Саламбек, в силу возраста, так шутит. Ерничает? Иронизирует? Ничего подобного. Молодые тут вообще редко смеются – отвыкли. Вон сколько свежих могил на гойтинском кладбище. Саламбек совершенно серьезен – на его бесстрастном малоподвижном лице гримаса мучительной безысходности, крупные глаза над широкими застывшими скулами смотрят упрямо и с укором.

Большинство выживших к этому моменту людей в Чечне чувствует отчаяние, живет в этом отчаянии – кромешном, как пасмурная беззвездная ночь. Это и есть главный результат методов тотального правового беспредела, примененных к населению в ходе второй чеченской войны. Из села выходить – опасно для жизни – заберут, по селу гулять – опасно для жизни – заберут. Молодых федеральная «метла» вычищает ежесуточно. Урус-Мартан навестить – тем более нельзя, по пути, на дороге, полно блокпостов, и каждый может стать самым последним в жизни – примеров чему тьма.

До войны в Готах жило примерно 40 000 человек. Теперь же – не более 15 000. Все, кто только мог, уехали, спасая детей. А для оставшихся тут нет ничего, кроме известного чеченского набора: набегов федералов, ночных «зачисток», мародерства, утренних обсуждений, кого «взяли» на этот раз и что при этом прихватили, регулярных похорон, да рассказов, кого как пытали из тех, кто выжил, и кого в каком виде возвратили трупом...

Ни библиотеки, ни кинотеатра, хотя здание и сохранилось.

– Когда у вас крутили кино в последний раз?

– Когда я еще был маленьким. До первой войны.

...Измученная мама Имрана Джанбекова – с остатками былой решительности, еще поддерживающими ритм ее опустошенного горем сердца, выплескивает:

– Россия делает нас быдлом. Россия гонит нашу молодежь в объятия тем, кто первым придет и скажет: «Будь с нами». Я даже думаю теперь так: пусть бы «бородатые», ваххабиты, палками били нас за водку. Палка – все равно лучше, чем разрывная пуля. После палки выживают. Больше всего мы теперь хотим знать правила игры. Мы хотим понимать, кто из нас вам не нравится? И по каким признакам? За что нас полагается пытать? За что приказано убивать? Похищать? Сейчас же – ничего не понятно, и уничтожают всех подряд: и того, кто был с ваххабитами, и того, кто был против них. А больше других – «серединных», кто был ни с кем. Как наш Имран.

Ответить нечего. Потому что страна времен Путина – это годы молчания о главном.

Смерть эпохи военного бандитизма, или дело полковника Буданова

Все страны, затевавшие войны, больно спотыкались о проблему так называемых воинских преступлений и военных преступников. Кем все же считать этих людей, посланных страной убивать и превысивших там свои полномочия? Уголовниками или героями? И «стишет» ли война ВСЕ?...

В России тоже есть свой такой «Келли». Зовут его Юрий Буданов. Полковник, командир 160-го танкового полка Министерства обороны, кавалер двух орденов Мужества за первую и

вторую чеченские войны, представитель российской военной элиты. По мнению большинства, борец-страдалец, гонимый за «патриотическую веру». Сточки зрения отечественного меньшинства – убийца, мародер, похититель людей, насильник и лживая свинья. Процесс над полковником Будановым потряс страну, став яркой демонстрацией самых дурных сторон всей нашей сегодняшней жизни – вдрызг расколотого по отношению ко второй чеченской войне общества, фантастического цинизма и лживости высшего путинского чиновничества, полной зависимости судебной системы от Кремля. И главное – явно неосоветского ренессанса.

Кто такой Буданов?

И почему его личность и судьба стали в России символом? Неважно, с каким знаком...

Полковник Буданов оказался на второй чеченской войне в сентябре 99-го года, почти с самого ее начала.

Его полк был брошен в самые тяжелые бои: при штурме Грозного, за село Комсомольское, в Аргунском ущелье. При жесточайшей осаде селения Дуба-Юрт (устье Аргунского ущелья) Буданов потерял многих своих офицеров, и, когда в феврале 2000 года полк был передислоцирован «на отдых» – на окраину села Танги-Чу Урус-Мартановского района, командира, тяжело переживавшего эти потери, отправили домой, к семье в Забайкалье, в отпуск. Однако там он долго не продержался – жена нашла его очень внутренне изменившимся, невыносимым и даже опасным. В один «прекрасный» день, например, он чуть не выкинул с балкона своего старшего сына, посчитав, что тот виноват в кровоточащей ссадине на ручке его маленькой дочки, и только повиснувшая сзади на полковнике жена предотвратила это детоубийство... Прервав отпуск, Буданов вернулся в Чечню, сказав удивленным сослуживцам, что дома у него «нелады».

26 марта 2000 года (день выборов Путина президентом) было и днем рождения любимой дочери полковника, ей исполнялось два годика, и командир пригласил офицеров это дело отметить. К вечеру все были изрядно пьяны, потянуло на «подвиги». Сначала решили пострелять по Танги-Чу на поражение из тяжелых орудий, но дежурный по полку офицер – командир разведроты старший лейтенант Роман Багреев – отказался выполнить преступный приказ. За что был сначала жестоко избит – Будановым, который, повалив старшего лейтенанта, колотил его по лицу ногами в сапогах, и будановским начальником штаба подполковником Иваном Федоровым, а потом, по приказу Буданова, посажен со связанными руками и ногами в яму, вырытую на территории полка для арестованных чеченцев, сверху посыпан известкой, после чего Федоров еще и помочился на Багреева, и укусил его за правую бровь...

К полуночи Буданов решил ехать в Танги-Чу. Потом, на следствии, он станет рассказывать, что отправился туда, «ради проверки имевшейся у него информации о возможном нахождении лиц, участвующих в незаконных вооруженных формированиях», и весьма цинично приплетет историю о своем верном друге майоре Размахни-не, якобы убитом «снайпершей», фотография которой хранилась у него в нагрудном кармане, и это была Эльза Кунгаева из Танги-Чу. Вот ее-то он и поехал «брать», чтобы в дальнейшем «передать правоохранительным органам»... Но фотографии той так никто и не увидел – ни следователи, ни потом на суде. Нет ее в деле.

Так зачем же понесло пьяного Буданова ночью в село? «За бабой». Как это попросту называется. И он взял БМП – боевую машину пехоты № 391. И ординарцев – солдат Григорьева, Егорова и Ли-ен-шоу. Вчетвером они подъехали напрямик к дому Кунгаевых; накануне днем информатор Буданова – человек, занимавшийся похищением людей за выкуп (сейчас осужден за это), – показал его полковнику как тот дом, где живет красивая девушка. Солдаты схватили 18-летнюю Эльзу, старшую дочь Кунгаевых, и завернули ее на глазах четырех младших братьев и сестер в одеяло, взятое тут же. Она кричала, но ее погрузили в десантный отсек БМП и – в полк. Там «одеяло» сгрузили – длинные волосы Эльзы волочились по земле – и отнесли в КУНГ (кузов унифицированный грузовой) Буданова – помещение, где жил полковник, – и положили на пол. Буданов приказал охранять КУНГ до особого его распоряжения... Из окошек соседних палаток на все смотрели и другие солдаты. Вот что потом,

на следствии, скажет один из них, Виктор Кольцов: «Ночью 26.03.2000 заступил в караул. Когда сменился и зашел в свою палатку, увидел истопника на-ч.штаба Макаршанова. Тот сказал, что „командир опять привез бабу“. Значит, не впервой?

...Но дальше произошла казнь. Вот ее описание сухим слогом военных прокуроров, писавших текст обвинительного заключения: «Девушка начала кричать, кусаться, вырываться... Буданов стал избивать Кунгаеву, нанося ей множественные удары кулаками и ногами по лицу и различным частям тела... Затащив ее в дальний угол КУНГа, повалил на топчан и начал душить правой рукой за кадык. Она оказывала сопротивление и в результате этой борьбы он порвал на ней верхнюю одежду. Эти умышленные действия Буданова повлекли перелом правого

большого рога подъязычной кости у Кунгаевой... Она успокоилась минут через 10, он проверил пульс, пульса не было... Буданов вызвал Григорьева, Егорова и Ли-ен-шоу. Те вошли и увидели в дальнем углу голую женщину, которую они привезли, лицо ее было синюшного цвета. На полу было постелено покрывало, в которое заворачивали девушку, забирая ее из дома. На этом же покрывале кучей лежала ее одежда. Буданов приказал вывезти тело в лесопосадку, в районе танкового батальона, и тайно захоронить...»

...Главными свидетелями в деле Буданова выступили солдаты 160-го полка – Игорь Григорьев, Артем Ли-ен-шоу и Александр Егоров. Они были ординарцами и денщиками полковника, обслуживали командира, убирали его КУНГ, сопровождали. На рассвете 27 марта выполнили и этот приказ полковника – захоронили растерзанное тело несчастной Эльзы, тщательно прикрыв могилу дерном. Летом 2000 года военная прокуратура примет решение амнистировать этих трех солдат как соучастников убийства и похищения – в обмен на дачу «нужных» показаний – против самих себя, а значит, «за» Буданова – по главному вопросу: «Было ли изнасилование?»

Дело тут запутанное и отчасти иррациональное: офицеры, служащие в Чечне, – от высших до низших – в общей массе поддержали Буданова, однако с оговоркой следующего характера, которую и мне не раз приходилось слышать в Чечне. «Что убил, понимаем... Чеченка, значит, боевичка. Но зачем надо было „мараться“ – насиловать?» Буданов отлично знал эти настроения, и ему, конечно же, хотелось им соответствовать, к тому же и общество в целом, естественно, противник насилия... Так, на протяжении всего времени следствия Буданов, желая «сохранить лицо», будет категорически отрицать то, что именно он обесчестил девушку перед тем, как убить. Однако тут же возникала плохо преодолимая проблема: в уголовном деле имелась самая первая, проведенная при вскрытии тайного захоронения судмедэкспертиза, согласно которой девушка имела все признаки насилия, над ней совершенного либо непосредственно перед смертью, либо сразу после ее наступления, и поэтому еще неизвестно, что «лучше» для офицерского имиджа: быть насильником или некрофилом...

Так и Буданову, и следствию потребовались показания, которые способны свести в точку параллельные прямые... И тогда один из солдат – Егоров – сообщил следователю, что это он изнасиловал чеченку перед тем, как зарыть, – причем совершил надругательство «черенком саперной лопатки», которой позже рыл яму для тела... За что и был амнистирован. И так продолжалось почти два года. Но в мае 2002-го, в силу некоторых нюансов политической кухни (например, друзья Путина по международному антитеррористическому альянсу стали давить на него именно в связи с распоясавшимся от безнаказанности офицерством в Чечне: если это «антитеррористическая операция», то почему так ведут себя военнослужащие?), а также предыдущих грубых ошибок, совершенных окружением Путина ради обеления Буданова и выползших вдруг наружу (когда в дело вошел новый, молодой и очень талантливый московский адвокат 28-летний Станислав Маркелов, до этого известный тем, что вел первые в России дела по терроризму и политическому экстремизму), – так вот, в мае 2002-го военный окружной суд Северо-Кавказского военного округа под председательством судьи Виктора Костина развернулся совсем в иную сторону и решил-таки покопаться в деталях, чего раньше себе не позволял... И вот тогда не выдержал Егоров: человек – не механизм, ему свойственно мучиться ложью и всем тем, чего насмотрелся в Чечне в 18-19 лет, чего подавляющее большинство не увидит никогда за долгие десятилетия жизни... В июле 2002-го Александр Егоров, в тот момент давно вернувшийся к себе домой, в Иркутскую область, публично заявил,

что девушку саперной лопаткой он не насиловал, показания дал под давлением... А раз так, то насильником, как ни крути, получается элитный офицер российской армии, увенчанный славой и самыми престижными наградами страны... Впрочем, вернемся в 27 марта 2000 года.

Расплата по-нашему

Самое удивительное в деле Буданова то, что его решили арестовать, – вторая чеченская война такова, что подобных историй много, а арестованных офицеров единицы. И Буданов бы вышел сухим из воды, если бы не случай – отсутствие 27 марта в Чечне его непосредственного начальника генерала Владимира Шаманова, одного из самых жестоких военачальников, «зверя» второй чеченской войны, командующего группировкой «Запад». Дело в том, что по положению, действующему в армии, разрешение на арест кого-либо из офицеров, а также на то, чтобы военная прокуратура стала работать на территории воинской части, может дать (или не дать, по своему усмотрению – принудить никто не имеет права) только вышестоящий начальник. 27 марта Шаманов, друг и единомышленник Буданова, был в отпуске, а его обязанности исполнял генерал Валерий Герасимов – человек, сумевший сохранить офицерское достоинство в предложенных страной обстоятельствах второй чеченской войны. Утром ему доложили о случившемся. Генерал сам поехал в полк, пустил туда сотрудников прокуратуры и разрешил арестовать Буданова. Тот пытался организовать вооруженное сопротивление, но потом прострелил себе ногу и сдался. Один из следователей, капитан юстиции Алексей Симухин, сопровождал арестованного Буданова в полете до Ханкалы, на главную военную базу, и рассказал, что, пока летели, полковник все спрашивал, как ему быть, что «правильно» говорить... 28 марта труп Эльзы Кунгаевой выкопали, обмыли и отдали семье... Буданов был уже в камере, вскоре психолого-психиатрическая экспертиза признала его вменяемым и, значит, подлежащим уголовному преследованию.

Ну, а дальше? Тут-то и началось «отбеливание». Так захотели в Кремле, где поняли, что в «установлении диктатуры закона» в этом конкретном случае зашли уж слишком далеко и что, если не остановить, общество узнает такую правду об идущей войне, про которую до этого ему говорили только то, что это кривда боевиков.

Захотели – и опять сделали большую методологическую ошибку. В деле «отмывания» Буданова от уголовной грязи было решено пойти старым, проверенным в советские времена путем. Полковнику была назначена вторая психолого-психиатрическая экспертиза в Институте судебной психиатрии им. Сербского в Москве, печально заменитом своей заказной – по приказам КГБ – деятельностью во времена советской борьбы с инакомыслием. Председателем комиссии по Буданову стала профессор-психиатр с 52-летним экспертным стажем Тамара Павловна Печерникова. Та самая, чья подпись стоит под «шизофреническими приговорами» самых знаменитых советских диссидентов 60-80-х годов. Таких, как Наталья Горбаневская (основатель и первый редактор самиздатского бюллетеня правозащитников «Хроника текущих событий»), находилась в психиатрической тюрьме на принудительном лечении, по заключению Печерниковой, с 1969 по 1972 г., в 1975 г. эмигрировала) и Вячеслав Игрунов (в 1976 г. за распространение «Архипелага ГУЛАГ» признан Печерниковой «невменяемым», много лет провел на принудительном лечении, ныне депутат Госдумы нескольких созывов, многолетний сподвижник «Яблока» и Григория Явлинского, директор Международного института гуманитарно-политических исследований). Кроме того, отлично помнит Печерникову по своим «делам» Владимир Буковский, один из самых известных советских диссидентов, политзаключенный, журналист, писатель, доктор биологии, с 1963 по 1976 г., с небольшими перерывами, находившийся попеременно в тюрьмах, лагерях и спецпсихлечебницах – за публикацию на Западе документов о фактах «деятельности Печерниковой» – злоупотреблениях психиатрией в политических целях, обмененный в 1976 г. на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана и живущий теперь в Великобритании. Свидетельствовала Печерникова со стороны обвинения (КГБ) на процессе против Александра Гинзбурга (журналиста, члена Московской Хельсинской группы, издателя самиздатского поэтического сборника «Синтаксис», первого распорядителя Общественного фонда помощи политзаключенным в

СССР и их семьям, учрежденного

Солженицыным на гонорары от издания «Архипелага ГУЛАГ», четырежды получавшего сроки за диссидентскую деятельность, в 1979 г. высланного из СССР в обмен на советских разведчиков, умер во Франции в июле 2002 г.).

И вот, уже в наши дни комиссия под руководством такой Печерниковой признает Буданова невменяемым. Причем только на миг совершения преступлений, а значит, уголовно не наказуемым за них. Однако вполне вменяемым до и после него, значит, с правом возвратиться на военную службу!... Виртуозное выведение полковника из-под уголовной ответственности и даже сохранение для него возможности быть в армии. Конечно, это был единственный способ «отмыть» Буданова – и им власть (президент, его администрация, Министерство обороны – «кураторы» процесса) воспользовалась.

Однако, это получился и настоящий психиатрический абсурд нашего времени, вызвавший, когда оказался обнародован, волну общественного возмущения. По крайней мере, в Москве и европейских столицах. Стало очевидным, что репрессивная советская КГБ-психиатрия сохранена и отлично пристроена на «демократическую» службу. С чего бы это? Путину посыпались вопросы, особенно активные из Германии (вмешался бундестаг) и Франции: случайно ли появление именно Печерниковой в деле Буданова спустя столько лет после падения коммунистической системы?

Ответ был, конечно, очевиден – история, как хроническая хворь, склонна к рецидивам, и мы их получили... Так выполненная Печерниковой заказуха получила далеко идущие политические последствия. Суд в Ростове-на-Дону, который, казалось бы, должен был уже «завтра» закончиться фактически оправдательным приговором, вдруг, по указке из Кремля, «сегодня» (это было 3 июля 2002 года) полностью изменил ход судебного спектакля (а временами это был, действительно, чистой воды спектакль в пользу Буданова), отменил чтение приговора, усомнился в правдивости экспертизы Печерниковой, назначил следующую и оставил Буданова под стражей...

Эта будановская пока не-свобода – принципиальное событие нашего времени. Во-первых, для самой армии, безусловно, превратившейся в Чечне в политическую репрессивную структуру. Армия очень ждала, будет ли прецедент на суде в Ростове-на-Дону? А значит, «можно ли» – как Буданов?... Когда Печерникова сказала: «Можно», – этот сигнал был «правильно» понят в Чечне, где офицеры, находящиеся на свободе, продолжают дело Буданова. В конце мая 2002 года (как раз когда была обнародована экспертиза, оправдывающая полковника) в «зоне антитеррористической операции» опять была серия похищений молодых женщин с последующим убийством. 22 мая, например, в Аргуне, прямо из ее дома № 125 по улице Шалинской, на рассвете была увезена военными симпатичная 26-летняя учительница начальных классов Светлана Мударова. Как и Эльзу Кунгаеву, жертву Буданова, ее запихнули в БТР прямо в тапочках и халатике. Двое суток военные делали все, чтобы скрыть место, где они держат похищенную учительницу. 31 мая ее изуродованный труп был подброшен в развалины одного из аргунских домов... Это Печерникова сказала – «можно»... Психиатры в нашей стране продолжают писать свои экспертизы кровью безвинных жертв.

Во-вторых, исхода дела Буданова ждали, и ждут, люди Чечни. Если победит полковник, а не правосудие, значит, по-прежнему нет надежд на то, что Чечня будет территорией, где действуют российские законы, она останется землей под пятой бандитов, и людям, там живущим, теперь нет разницы, какую форму и чью зарплату получают эти бандиты. Главное, что они убивают.

Часть вторая

ЖИЗНЬ НА ФОНЕ ВОЙНЫ. СОВРЕМЕННАЯ. РОССИЙСКАЯ

Руслан Аушев : Жизнь в Чечне сегодня не гарантирует никто

Автобус ехал из Грозного в райцентр Ачхой-Мартан – вёз людей. Недалеко от Грозного,

по дороге к селению Алхан-Юрт (там по обе стороны асфальта – лес), автобус остановили «бородачи». Так в Чечне называют ваххабитов. На сей раз это были четверо вооруженных и характерно одетых мужчин. В автобусе ехали сотрудники чеченской милиции. Началась драка. И когда один из милиционеров схватил «ваххабита» за бороду – та осталась у него в руках. Борода была приклеенной. Вскоре пассажиры и милиционеры вместе скрутили налетчиков, и выяснилось, что маскарадные бороды-у всех четверых, двое из них – русские, а двое – чеченцы. В автобусе приняли решение: вернуться на ближайший блокпост и сдать там нападавших. Но очень скоро, на дороге, машину опять остановили – вооруженные военные на трех УАЗиках. Они освободили липовых «ваххабитов» – и вместе укатили в сторону Грозного...

Ингушетия – соседняя с Чечней маленькая республика, когда-то, во времена СССР, часть единой Чечено-Ингушской АССР со столицей в Грозном. С самого начала войны Ингушетия поставила себя особняком по отношению к политике федерального центра, касающейся методов так называемой «антитеррористической операции».

Во-первых, в сентябре 1999 года, с началом бомбежек Грозного и большинства сел, Ингушетия, по указу своего президента Руслана Аушева, открыла все свои границы для многотысячного потока беженцев, и очень быстро на ингушской земле их оказалось почти 200 тысяч, поселенных, в лучшем случае, в наспех организованных лагерях и палатках, а в худшем – в трансформаторных будках, на автостанциях, в гаражах, на заброшенных фермах и даже в кладбищенских подсобках. И это при том, что население самой Ингушетии – чуть более 300 тысяч, с соответственными мощностями в обеспечении водой, электричеством и продуктами.

Во-вторых, Ингушетия поступила так единственная из всех других близлежащих республик, и в противовес им. Самый показательный пример прокремлевского поведения окрестных Чечне территорий – Кабардино-Балкария. По приказу президента Валерия Кокова, полностью подконтрольного Москве человека, в сентябре 1999 года на границах КБР просто-напросто выставили заградительные кордоны, и обезумевшие от всего пережитого, уставшие и голодные люди, с младенцами и стариками на руках, нуждающиеся в срочной медицинской помощи, вынуждены были поворачивать назад... Но куда? В Чечню дороги не было, и

беженцы шли все в ту же Ингушетию, принявшую на себя главный удар чеченского исхода.

Наконец, в-третьих, Ингушетия и дальше совершала этот свой подвиг, как могла. Заботилась о беженцах почти три года, несмотря на нападки подконтрольных Кремлю СМИ и на беспрецедентное давление и шантаж из Москвы, которому подвергался все это время президент Аушев, что и привело, в конце концов, к его отставке в январе 2002 года, внеочередным президентским выборам, череде тяжелейших испытаний и воцарению в апреле 2002 года в Ингушетии в качестве президента генерала ФСБ Мурата Зязикова – ставленника и Кремля, и лично Путина, и в целом отечественных спецслужб, к этому времени окончательно, по проиному советскому образцу, окрепших во всех властных щелях нашей страны...

Однако пока – конец февраля 2000-го. До смещения Аушева еще очень далеко, и мы разговариваем в Магасе – недавно отстроенной ингушской столице, в президентском дворце. Наш разговор происходит на фоне льющегося через СМИ потока кремлевских бредней о том, что теперь, после штурма Грозного и ухода оттуда боевиков во главе с Масхадовым и Басаевым, – наступает «конец войне». Как известно, конца войны нет до сих пор... Но тогда мы же этого еще не знали.

– Так конец войне или нет?

– Нет, конечно, – все только начинается. Боевые действия продолжаются по всему периметру. В Грозном – боевики. В селах – тоже... А где террористы? В моей системе координат «антитеррористическая операция» может заканчиваться только тем, что заложники выходят на свободу, а террористы задержаны, наказаны или уничтожены.

– Но ведь часть заложников уже освобождена? Военные показывают их по телевизору.

– Это те, кто мог быть вызволен из неволи и без крупномасштабных боевых действий.

Более того, я уверен: без войны они бы вышли из плена еще быстрее.

– Так как бы вы назвали нынешний этап войны?

– Я не знаю, потому что вообще никакого этапа не вижу. Базы террористов не уничтожены – они по-прежнему по всей территории Чечни. Объявленная партизанская война продолжается.

– Однако мирная жизнь, уверяет Кремль, кое-где в Чечне налаживается?

– Где? Покажите! У нас в Ингушетии по-прежнему более 200 тысяч беженцев! Все южные районы – здесь. Грозный – тоже. Почему люди так и идут из Чечни к нам? Почему вместо возвращения домой – новые потоки беженцев? Лично для меня это главный признак, что ситуация нестабильна.

Вспомните первую войну. Когда шли интенсивные бомбежки Самашек, Ачхой-Мартана и Грозного, в Ингушетию тоже пришли тысячи людей. Но это продолжалось совсем недолго, мы даже палатки не развешивали. И только бои прекращались – люди двигались к себе домой. Мы их не гнали – они сами так хотели, потому что тогда ощущалась хоть какая-то элементарная стабильность. Люди верили, что пусть плохо, но жить можно. Сейчас ничего этого нет, люди не надеются на лучшее – и поэтому продолжают оставаться в Ингушетии. При этом некоторые из них делали попытки вернуться, но попадали под бомбежки и «зачистки» и опять приходили к нам.

Вторая причина, почему беженцы не идут домой в Чечню, – там нет никакой реальной власти. Например, ответьте на вопрос: кто вам в Чечне гарантирует жизнь? А ведь это главное конституционное требование человека к государству! Ответ прост: никто не гарантирует! Кто будет отвечать, если придет боевик и убьет вас? Никто. А если пожалует контрабандник и ограбит? Никто. Вот почему до последнего люди намерены сидеть в Ингушетии, где есть стабильность и власть. Если у нас кого-то оскорбят или обидят, тут же работают все положенные государственные структуры – милиция, прокуратура, суд...

– Тем не менее и в лагерях беженцев на территории Ингушетии прекращена раздача горячего супа и бесплатного хлеба...

– Нам очень трудно, это правда. Хотя большинство беженцев продолжают находиться в Ингушетии, средств на их содержание мы из федерального бюджета не получаем. При этом Москва знает: наша кредиторская задолженность по беженскому содержанию – 450 миллионов! Как она образовалась? Чтобы кормить пришедших к нам голодных людей, мы в долг (а как еще могли мы поступить?) закупили продукты, пекли хлеб и т.д. Вы ведь по нескольку раз в день едите и пьете? Так и они. В результате мы – должники своим хлебозаводам, тем поварам, которые варили обеды, поставщикам продуктов. Дальше так продолжаться не могло. Если бы не помощь гуманитарных организаций, я и не знаю, что бы мы сейчас делали... Кроме того, я уверен, большинство ингушей, живших до войны в Чечне, обратно туда уже не вернуться. Останутся здесь и многие чеченцы и русские. И мы должны их обустроить на постоянное жилье! За счет каких средств?

– Федеральный центр пока видит, как известно, лишь один выход из беженского тупика – в насильственном переселении людей обратно.

– Если человек хочет, создайте ему условия и он переедет. Это моя позиция. И главные слова здесь – создайте условия. Однако подавляющее большинство чиновников слышать о подобном повороте не желает, а силовыми методами ничего не добиться. Перед нашим, ингушским, правительством я поставил следующую задачу: выяснить реальную картину, кто же в лагерях беженцев куда хочет ехать, и доложить ее мне. Если окажется, что, например, 40 тысяч человек намерены остаться в Ингушетии на постоянное жительство, значит, у нас необходимо закладывать новые города и поселки, финансируя это из денег на восстановление Чечни после проведения «антитеррористической операции». Или, например, выяснится, что 20 тысяч решили перебраться в другие регионы России. Так вот, в зависимости от того, куда они отправятся, тот регион и должен получить под них средства, обеспечивая жильем. Это будет справедливо.

– Почему такой работой занимается не федеральное правительство, начавшее войну, результатом которой всегда бывает беженский исход, и, значит, несущее ответственность за ее последствия, – а ингушское правительство?

- Я не знаю, почему. Они не делают – и все. А для меня очень важна такая ревизия, чтобы видеть ясную картину и в зависимости от этого действовать.
- Как вам кажется, когда будет конец войне?
- Силового решения чеченской проблемы нет и не будет. Надо искать только политический выход. И он – тот же. Надо договариваться с Масхадовым. А что мы продолжаем слышать? Он – нелегитимный, возбудили уголовное дело, подали в международный розыск... Это ставит крест на политическом процессе, и тогда придется воевать до последнего, терять солдат, офицеров, мирных людей. Результат – заплатим за войну втридорога.
- Хорошо, сели за стол переговоров. И о чем беседуем?
- Сначала о прекращении огня. Потом – о базах террористов, незаконных формированиях и т.д. И по всем вопросам вместе работаем...
- Но вряд ли Масхадов уже на это согласится. Он скажет: «Нет».
- Ну почему вы так считаете? Позиция Масхадова была такой с самого начала.
- При любых переговорах уже ясно: Масхадов не будет президентом Чечни. Люди его не хотят.
- Вы правы. Но и это вопрос политического диалога, хотя следующий после военного. Не хочет чеченский народ Масхадова, пусть изберет себе другого, и Москва будет разговаривать с тем, новым. Однако пока чеченцами избран Масхадов, надо сидеть за столом с ним... Не исключено, что после всего происшедшего Масхадов и сам примет какое-то решение. Но дайте сделать ему это с достоинством.
- А с кем-то, кроме Масхадова, сейчас возможны мирные переговоры?
- Нет. Пока он – президент республики.
- Республики, которой фактически нет?
- Есть республика или нет, а он – президент, юридическое лицо. Плохой, хороший, слабый, но первое лицо для переговоров – Масхадов. Не надо повторять наш российский дурдом с презрением к закону. Представьте, вы приходите на завод, он весь разбит, зарплаты нет, кругом воры. С кем вы будете разговаривать?
- С директором.
- Так о чем же вы меня в который раз спрашиваете?! У Масхадова – печать, флаг и все остальное. Какую еще силу вы желаете найти в Чечне? Конечно, можно еще какого-нибудь чеченца привезти из Москвы и посадить в большое кресло – но он будет нелегитимным.
- Много разговоров об отсчете нового времени с 26 марта 2000 года, с выборов президента в России. Что будет значить для Чечни этот рубеж?
- Ничего. Абсолютно. После 26 марта наступит 27-е, 28-е... 1 апреля. Солнце, тепло – а значит, интенсивность боевых действий увеличится в два-три раза.
- Это ваша теория?
- Нет, практика 1996 года. Тогда было не более трех тысяч боевиков на всю Чечню. 800 человек вошли в Грозный и решили всю проблему. До нынешней войны, если послушать военных, бойцов бандформирований насчитывалось 25-26 тысяч. Если уже пять тысяч уничтожено (хотя у меня другие цифры, меньшие), куда делось 20 тысяч? Где остальные?
- Растворились...
- Правильно. Они ждут своего часа.
- Но с пустыми руками воевать нельзя. Откуда боеприпасы у боевиков?
- Им помогают...
- Кто? Ведь все окружено? Так по телевизору сказали.
- Продолжайте слушать телевизор, а реальность в том, что полного кольца нет. Все, что требуется, они получают. Оружие и боеприпасы у них есть.
- Как вы относитесь к информации о беспрецедентной жестокости федералов по отношению к гражданскому населению?
- Ненависть в этой войне с обеих сторон – просто бешеная, ошеломляющая. Военные люто ненавидят чеченцев и при первой возможности делают, что хотят. Чеченцы в ответ также ненавидят федеральные войска.
- Я не представляю, как дальше они будут говорить друг с другом.

– Как сбить эту волну взаимного отвращения? Жить-то дальше надо? Причем рядом?

– Это не сегодняшний вопрос, я убежден. Но пока будут воевать, ненависть только увеличится. Сбить волну сейчас можно только одним способом – перестать убивать друг друга и прекратить болтологию по телевидению о всех чеченцах как о бандитах. Хватит оскорблять народ скопом! И еще – не надо больше обманывать свой народ. Если в течение месяца антитеррористическая операция не удалась, оказались невыполнены поставленные задачи – то все! Ну не бывает антитеррористических операций на протяжении семи месяцев...

– Вы – часть политического истеблишмента страны. Знаете ли вы сейчас кого-то из политической элиты России, кто исповедует здравомыслие в чеченском вопросе?

– Что-то здоровое говорит лишь Явлинский. У всех остальных – националистический угар. В том числе и у народа, который говорит: «Бомбите». Что касается Ингушетии, то мы людей в беде не бросим. Но главное для меня по-прежнему – убедить власть, что военного решения в Чечне нет. Будут переговоры – будет стабильность – рассосется беженская проблема. Вот принципы здравомыслия.

Остается добавить немного: все, о чем говорил тогда Аушев, сбылось – все так и получилось.

За одним исключением: Аушева нет в президентском кресле. И, так и не сумев справиться с беженской проблемой, в мае 2002 года, когда преграда в виде президента Аушева окончательно пала с воцарением в Ингушетии нового президента – генерала ФСБ Мурата Зязикова, Москва просто-напросто стала насильно переселять беженцев обратно в Чечню, на пепелища и под пресс «зачисток», похищений и бессудных казней.

Погром по национальному признаку

– Они заставляли нас раздетыми ползать по полу из комнаты в комнату...

– Они ходили по нашим кроватям прямо в ботинках...

– Они называли нас обезьянами, черными тварями...

– Они плевали нам в лицо...

– Они били нас по голове книгой «Судьба чечено-ингушского народа»...

– Они драли у нас волосы...

– А вы?...

– Лично я? Я – Труффальдино. Который из Бергамо. У меня сейчас эта роль. А вообще-то я – Бес. Беслан Гайтукаев, староста группы. Сам из Грозного.

– И вы тоже ползали по полу?

– Да. Они мне кричали: «Задний ход! Заползай в комнату!» И я полз... Потом: «Хватит! Двигай обратно в коридор». И я опять полз...

28 марта 2001 года студенты национальной чеченской театральной студии «Нахи», созданной при Московском госуниверситете культуры и искусства для подготовки ядра будущей труппы грозненского театра, впервые не вышли на занятия. В полном составе: 6 девушек, 19 юношей, художественный руководитель – профессор Мималт Солцаев, народный артист России, а также куратор – заслуженный артист и Кабардино-Балкарской, и Чечено-Ингушской АССР доцент Алихан Дидигов.

Это была не забастовка. В 5.30 утра на пятый этаж общежития, где все они, вместе с педагогами, живут в подмосковных Химках, без стука и звонков, орудуя кувалдами для взламывания дверей и замков, ворвался отряд крепких вооруженных мужчин в масках и с собаками.

Ловко, как при штурме захваченного террористами самолета, братва моментально рассредоточилась по комнатам, и уже через секунды у каждого «спящего» виска был автомат или пистолет.

Следующий акт последовал без антракта: полусонных студентов-актеров принялись стаскивать за волосы с кровати, одновременно избивая, пиная и вопя всяческую непотребную нецензурщину.

Беслан-Труффальдино пришел в чувство первым – и зря. Он лишь еще больше разгневал захватчиков. Лежа в одном нижнем белье на полу, староста только и спросил: «А одеться

можно?» И получил, во-первых, добротную зуботычину, во-вторых, витиеватый, с отборным матом, отпор в переводе: «А чайку не принести?...» После чего дюжий битюг в камуфляже распахнул балконную дверь.

Три с лишним часа студенты, разложенные в одних трусах по полу, «прохлаждались» на весеннем утреннем сквозняке. Пока длился погром по национальному признаку.

– Нас обзывали грязными чичами, обезьянами, черными тварями, быдлом, моджахедами, которых надо резать, чабанами... Говорили, что чеченцы всю жизнь пасли баранов и они нам устроят возврат к пастушьей жизни. Вопили, что раз мы чеченцы – значит, во всем виноваты... – вспоминает Шудди Зайраев, элегантный юноша с манерами героя-любовника. Он – Сильвио из «Труффальдино».

Шокирует, что в его рассказе нет ни тени изумления. Только констатация. Их эмоции перегорели еще в Чечне – студентов в студию «Нахи» набирали по беженским лагерям и в Грозном, а там ведь теперь живут особые люди – привыкшие к геноциду больше, чем к завтраку.

Самый младший в студии – Тимур Лалаев. Ему только что исполнилось семнадцать. Худющий, улыбчивый, юркий и смешливый, будто Купидон на модернистской картине.

28 марта его травили собаками: наверное, непоседливостью не приглянулся...

О своих переживаниях Тимур рассказывает скупно. Говорит о других:

– Шудди больше других досталось. Они спросили: «Есть тут кто из Старопромысловского района?» Шудди ответил: «Я». И началось!... «Мы туда, в Старопромысловский, в 95-м заходили... Сколько наших ребят там полегло...»

Шудди-Сильвио, у которого действительно в паспорте прописка на одной из улиц Старопромысловского района Грозного, исколошматили в досталь. А потом сказали, что повезут в лес, расстреливать, и закопают там в яме.

– Вы о чем тогда подумали? Что просто пугают?

– Нет. Решил, конец мне... С другими тоже не шутили: Тимуру Батаеву и Орце Зухайраеву вырвали клочья волос...

Так, постепенно, выплыла разгадка страшного утра – кто же они, собственно, эти невменяемые, что ввалились к студентам «Нахи» на рассвете? И главное – зачем?

28 марта в Химках лютовал подмосковный РУБОП, 9-й его отряд, не раз и не два замеченный в подобных «подвигах». На сей раз отряд к тому же объединился «по интересам» с областным СОБРОм. Прикрытие карательной акции – якобы проверка анонимного звонка в милицию о возможном местонахождении тротила. Настоящая цель – поразмять «душу». Истинный повод к мероприятию – национальность студентов.

– Вам было понятно, что же конкретно они хотят?

– Нет. Абсолютно. Били, крушили. И все.

По ходу «зачистки» выяснилось: большинство «масок» только что вернулись из боевой командировки в Чечню. Естественно, никакой реабилитации после боев они не прошли. И вот итог налицо: руки чешутся, головы шалеют, души, как только наступает рассвет, горят и требуют похода на «зачистку», совсем как наркоманские вены – иглу. Постчеченский синдром обуревают тех, кто прошел через все мерзости нынешней чеченской войны, и накал внутренних страстей еще очень надолго остается душевным вулканом, требующим выхода.

– Мы поняли, что им просто надо было на ком-то оторваться, – говорит грозненец Анзор Хадашев. Сейчас он репетирует мольеровского Сильвестра в «Плутнях

Скапена», и как полная противоположность виртуозно-утонченным сценическим реалиям – грубость окружающей действительности.

– В Чечне они – хозяева. Приехали сюда, и тут тоже хотят быть хозяевами. Мы – самая подходящая почва для этого, – продолжает Анзор. – А если серьезно, то у них просто «крыши поехали». Зачем у меня забрали семейные фотографии? Зачем они им? Зачем забрали у другого нашего студента даже телефонную карту? И еще сгребли студенческие деньги, собранные на еду, – мы питаемся, как и большинство студентов, в складчину. Я заметил: они боятся всего. Когда нас подняли с пола, чтобы везти в РУБОП на допрос, я заметил: как только помотришь им в глаза – тут же крик: «Не смотреть! Хочешь запомнить? Отвернись!» Боятся, даже когда в масках. Разве это жизнь у себя дома?

Но даже в этих леденящих душу рассказах нашлось место для анекдота. Правда, вперемешку с кровью.

Тамерлан Дидигов – сын куратора театральной студии доцента Алихана Дидигова и выпускник Московской государственной юридической академии. Он живет вместе с отцом – тут же, в общежитии, в комнате № 37. В утро погрома отцу и сыну Дидиговым досталось больше всех. Быть может, потому, что Тамерлан не спал в тот момент, когда нагрянули камуфляжники, – уже встал, чтобы не спеша собраться на госэкзамен, в то утро он должен был сдавать гражданское право. И как только его попытались повалить на пол, он так и сказал: «Ну посмотрите мои бумаги! Какой я боевик? У меня сейчас экзамен по гражданскому праву!» Кто бы мог подумать, что бандитов это так разозлит: «Ах, ты еще и гражданское право изучаешь, обезьяна! Твое место – в горах. Отправляйся туда!» И дальше отца – 55-летнего доцента – стали избивать до потери сознания прикладами, ногами. Плевали ему в лицо. Ходили по спине. Рвали одежду, выкручивали пальцы. Когда сын попросил за отца, Тамерлану надели наручники, заведя руки назад, вставили между ними автомат – и стали прокручивать туда-сюда...

Что же анекдотичного посреди такого расистского ада?...

Вот рассказ Тамерлана:

– У нас в комнате лежали пачки номеров газеты «Державные ведомости». Потому что отец дружит с депутатом Госдумы Асланбеком Аслахановым. «Державные ведомости» выходят не без помощи Аслаханова, а также при содействии и поддержке Совета Федерации и Госдумы. Кредо издания – идеология партии и фракции «Единство», пропутинской. Аслаханов иногда дает нам номера «Державных ведомостей», и мы распространяем их среди знакомых. Так вот, когда «маски» увидели эти пачки, они как закричат: «Что?! Антироссийскую пропаганду тут ведете!» Совершенно неграмотные люди – ничего не знают, не понимают, не читают.

Анекдот оказался коротким. Когда доцент Дидигов от побоев потерял сознание, прямо на глазах у Тамерлана ему под подушку засунули пистолет. Потом спросили: «Где пальто отца?» Сын показал, и тогда в карман опустили глушитель от пистолета...

Обувь выбросили с балкона. Порвали все плакаты с изображением депутата Аслаханова. Забрали всю документацию студии «Нахи». 900 рублей. А также духи жены доцента. Сгребли в карманы все, что под руки попадалось: носки, ручки, мелочь с холодильника, остатки растворимого кофе, боксерские перчатки... Потому что так привыкли в Чечне. Зашел в дом – берешь, что захочешь. И никаких иных объяснений.

Так было до полудня. Потом бойцы стали собираться. Они выстроили всех чеченских студентов в затылок друг другу и покомнатно стали сводить вниз – к машинам. Там, конечно, места на всех не хватало. И потому опять их били и унижали. Допросы в РУБОПе длились до вечера. Впрочем, у студентов осталось впечатление, что спрашивать их было особенно не о чем. Вот примерный перечень вопросов: воюют ли родители? где гексоген? видел ли боевиков? как относишься к армии?...

Вывод студентов таков: рубоповцы с собровцами просто отводили душу, израненную на войне. А мой вывод другой: мы – уже за опасной чертой; не маргиналы-бар-кашовцы-лимоновцы, а представители правоохранительных органов – госслужащие по своему статусу, действую-

щие от имени закона и Конституции, – провели в Химках настоящий национальный погром. И никто их не остановил – никакие прокуроры не прибежали, чтобы восстановить законность.

Это значит, что люди в погонах, абсолютно безнаказанно и беспрепятственно, заняты не просто разжиганием межнациональной розни, что автоматически влечет за собой уголовную ответственность, – они инициируют моноэтничность в стране, а значит, дальнейший ее распад по национальным квартирам. Сепаратизм. Да, тот самый, с которым якобы борется президент Путин, на службе у которого рубоповцы состоят.

Напоследок – о творческой интеллигенции и творческой среде. Негромкая она у нас – в который уже раз. Тихая и смиренная. На химкинский погром театральная корпорация отреагировала настолько апатично, будто в Москве и не проживает армия влиятельных актеров и режиссеров, исповедующих либеральные ценности.

А на помощь студентам пришли только их педагоги.

– Я работаю в Институте культуры 25 лет. Преподаю русский язык. Сейчас учу ребят из чеченской студии. Они очень трудолюбивые, стремление учиться – огромное. После всего случившегося с ними я просто заболела, – голос Светланы Николаевны Дымовой, преподавателя Московского госуниверситета культуры и искусства, дрожит. – Первое, что я сказала им: «Знайте, это были бандиты, они могут прийти и к вам, и ко мне. Не отчаивайтесь! Мы, педагоги, очень хотим, чтобы вы у нас учились!» Я понимаю, что бандитов не найдут, никого не привлекут к ответственности. Ведь самое страшное, что они им кричали тогда: «Мы вам не дадим учиться в России!» Отношение педагогов, которые работают с «Нахи», – прямо противоположное. Я хочу, чтобы об этом все знали.

Финал погрома оказался вполне в стиле самого погрома. Вечером весь мужской состав студии «Нахи» просто-напросто отпустили на все четыре стороны, не предъявив никакого обвинения. При этом некоторые рубоповцы, как рассказывают студенты, пытались даже извиняться, уверяя, что это собровцы «плохие»: «торпеды они – сначала бьют, потом думают».

– Мы их простили, – сказал Тимур Лалаев. – Потому что они – больные.

Прошло полгода, на экзамен в «Нахи» приехал Андрон Коталовский. Пригласил на роли в своем новом фильме. Они дебютировали. Их заметили.

А следователь подмосковного РУБОПа, особенно лютовавший над чеченскими студентами 28 марта 2001 года, вдрызг спился, был уволен со службы и сейчас работает грузчиком в химкинском универмаге. Как увидит, пьяный, чеченцев, так кричит: «Привет! Помните меня?...» И давай рассказывать собутыльникам, как он их тогда бил. «Видите, в люди вышли...» – добавляет.

А чеченцы молча проходят мимо.

500 рублей за жену

14 июня 2001 года в ингушской станице Орджоникидзевской на границе Чечни и Ингушетии прошел сход. В нем участвовали как беженцы из Чечни, живущие в Ингушетии, так и просто граждане нашей страны, имеющие в паспортах неприятную по нынешним временам строчку о регистрации в воюющей республике, действующую, как красная тряпка на быка, на любого российского милиционера и не дающую возможность иметь легальную работу, медицинскую страховку и место для детей в школе.

Нервная двухтысячная толпа приняла обращение к мировому сообществу следующего содержания: «Провести экспертизу и анализ ситуации в Чеченской Республике на основе международного права – с определением прав граждан ЧР на самооборону в случае бесправных действий военнослужащих и при отсутствии правовой защиты со стороны российского руководства».

И далее: «Обратиться к Президенту США Бушу как к руководителю государства, которое играет одну из ключевых ролей в мировой политике, с тем чтобы он призвал руководство России (Президента Путина)...» (Далее – по первому тексту.)

И еще: «Обратиться к главам „семерки“ на предстоящем саммите повлиять на Президента Путина...» (Далее – тоже по первому тексту.)

Но при чем тут Буш? Если перевести с официального на обычный, воззвание к американскому президенту и ведущим мировым лидерам стоит читать так: «Помогите выжить! Утихомирьте армию и Путина! Станьте третейскими судьями! Мы не знаем, что противопоставить военному беспределу! Объясните, остались ли у нас хоть какие-то права! Или мы должны смириться с тем, что мы – никто...» Это вопль отчаяния людей, загнанных в угол.

Однако обращение схода в Орджоникидзевской вызвало самую дурную реакцию в российском обществе: чеченцев в который раз обвинили в антироссийских настроениях, сепаратизме и желании оболгать Путина перед лицом мирового сообщества.

Почему мы глухи? И злы. Не оттого ли, что война совершенно перестала быть персонифицированной, превратившись в несколько говорящих генеральских голов на телеэкране?

Вот несколько характерных чеченских историй для размышления. Быть может, ваши сердца оттаят.

В толпе схода – знакомые лица. Вон женщина со строгим лицом и холодными глазами – типичная чеченка времен войны. Она из горного селения Махкеты в Веденском районе. У нее трагедия: 14-летнего сына «замочили в сортире». Натурально так «замочили», без всяких иносказаний – прямым попаданием снаряда в деревенскую «дырку», когда парень отправился по нужде. Дом этой женщины – почти на краю села, вот федералы и видели с постов, кто куда по двору идет. Поняли, зачем мальчик двинулся по тропинке в дальний угол огорода, – и пальнули. С одной стороны, в собственное удовольствие. С другой – непосредственно исполняя волю своего президента, – просил же Путин, главковерх, «мочить».

А в сторонке – отец, незамужняя взрослая дочь которого прошла через фильтрационный лагерь в Урус-Мартане, где... Ох, в этом случае лучше уж не вслух... Лишь один штрих заточения: ее заставляли ползать по ступенькам вниз-вверх на четвереньках, по-собачьи, держа в зубах ведро с говном...

Ни той матери из Махкетов, ни этому отцу из Урус-Мартана уже не до политических игр. Им наплевать на сепаратизм – они сами по себе, один на один со своим горем. Им и Масхадов, и Путин – до гроба враги. И если уж они просят на сходе: «Помогите!» – обращаясь к мировым державам, – им можно верить.

И еще одна картинка с выставки под названием «Чечня». 5 июня 2001 года, Грозный. Театральная площадь – такая тут есть, несмотря на руины, – были же когда-то

и театры. Люди вышли на митинг протеста. В руках у них лозунги: «Верните мою маму!» Это от детей, чья мама, будучи арестована при «зачистке», исчезла в неизвестном направлении. И еще: «Верните трупы наших детей!» Это уже от матерей, чьи дети при «зачистках» пропали с концами. Мимо митинга по дороге пыхтит парочка БТРов. На броне – федералы. Среднего возраста мужики, контрактники, наверное, не солдаты, веселые, пассионарные и крепкозубые. В масках, косынках, с автоматами и гранатометами, наставленными на толпу. Хохочут до судорог, откидываясь в экстазе назад, на броню, и поэтому видны эти ряды мощных зубных клыков сквозь прорези в масках. Тычут пальцами в обрезанных перчатках – все больше на «Верните мою маму!». И в довершение неприличными жестами демонстрируют, как же они собираются возвращать и чужих мам, и трупы чужих сыновей.

Рядом – офицер, старший группы. Ведет себя так же.

Понятно, все это детали – «неприличный жест», «замочили в сортире». Но именно по деталям мы узнаем жизнь – не по генеральным линиям. Мало того, что у вас отняли маму, а у мам – детей, забыв вернуть трупы, так над этой вашей болью еще и измываются?! Кто может это остановить? Путин? Министр обороны? Генпрокурор? Нет. Эти господа не приучены думать о деталях. Лишь Запад их большой поклонник. Поэтому к нему и апелляция – ради выживания.

...Мы знакомы уже несколько недель, и мне стыдно смотреть в глаза измученному чеченцу по имени Шомсу. Я почти ничем не могу ему помочь – палачи были умные и совсем не оставили следов.

Начиная с 8 января везде и всюду Шомсу ищет своего племянника Умара Аслахаджиева и его друзей – Нур-Магомеда Бамбатгириева и Турпал-Али Наибова. Все трое ехали в тот день на машине по селению Курчалой. Ранним утром там началась «зачистка». А в 10 утра «зачистили» и их – и с концами. До сих пор. Вместе с темно-зеленой «восьмеркой».

За минувшие полгода Шомсу прочесал всю Чечню – вдоль и поперек, и много раз. И не знает сегодня, что же еще ему сделать. И я не знаю и не понимаю элементарного: а «восьмерка», например, где? В чем она-то виновата, даже если у кого-то были основания предполагать виновность хозяев? И кто конкретно ее экспроприировал? А своровав, почему не ответил за преступление? И почему до сих пор не выдвинуты обвинения в адрес «зачищенных» и так и не отпущенных? Сколько времени еще потребуется государству, чтобы их написать? Полвека? Как это уже однажды было с «незаконно репрессированными»? И почему исключена возможность передать им в тюрьму – если они, конечно, в какой-то тюрьме – ну хотя бы письмо? И почему запрещено иметь адвокатов и осуществлять переписку? И какой вообще смысл в том, чтобы шумно, с участием множества серьезных господ нашей страны обсуждать с

подачи генералов возможность введения публичной смертной казни для главарей боевиков, если бессудная смертная казнь для обычных чеченцев – уже факт?...

Вопросов – тьма, бездонная пропасть. И ни единого ответа. Или: если ответ все-таки следует, он как будто рассчитан на идиотов. Вот как это обычно бывает в Чечне: приходит родственник исчезнувшего к важному военному чину, от которого что-то зависит. Офицеры вокруг обычно услужливо подсказывают: «Да, тебе – к нему». А «тот» говорит:

– Я – Саша.

– Как? Просто Саша?

– Да, просто Саша.

И начинается кишкомотание. Этот «Саша» без фамилии, звания и должности пару месяцев кормит обещаниями: вот-вот, завтра найду, не их, так могильник...

– Ну а пока процесс идет, – намекает «Саша», – костюм за 200 долларов на рынке в Хасавюрте я присмотрел.

– Да-да, – понимает намек семья похищенного человека, – костюм, конечно, костюм... В субботу едем в Хасавюрт.

Только не подумайте, что тут иносказание – реальные обстоятельства описаны. Не раз, не два, не три слышанные от тех, кто прошел путем Шомсу.

Сказано – сделано, и в воскресенье у «Саши» уже обновка. Но «Саша» просит баню хорошую устроить, для души и для тела... Сами понимаете, не маленькие, что это такое. И устраивают. А «Саша», в благодарность, сообщает, что трое разыскиваемых мужчин и машина – на территории 33-й бригады внутренних войск. Вскоре все, конечно, оказывается чистым враньем – нет в 33-й ни тех несчастных, ни «восьмерки». Да и «Саша» сам, не попросившись с теми, кого цинично «доил» два месяца, пропадает, выжав из пострадавших семей все, что ему надо. «Саша» просто готовился уезжать из Чечни – у него подходил к концу срок «боевой» командировки и следовало прибахлиться...

Главная мерзость этой истории в том, что она – типичная, современная, времен второй чеченской войны.

Кто утихомирит этих «Саш»? Их Верховный Главнокомандующий по фамилии Путин? Нет, желания такого не выказывал – он все больше награды раздает.

Значит, что? Опять с мольбой о помощи к Западу? Точно так...

А Шомсу продолжает... Еще не конец истории поиска. Он показывает якобы официальные ответы на свои запросы об исчезнувших. И это другая нынешняя разновидность деятельности офицеров по поиску пропавших при «зачистках» людей – лживые ответы, под которыми подписи якобы конкретных ответственных лиц. Но на поверку – анонимов. У офицеров в Чечне, как у нелегалов-разведчиков, – по два-три-четыре комплекта документов на разные фамилии. Они все *никто*, и спросить не с кого – пиши в ответах, что хочешь, не привлекут.

Право скрывать свое истинное имя, предоставленное военнослужащим, «чтобы боевики не отомстили семьям», постепенно стало одной из главных причин безобразий и преступлений, творимых военнослужащими в Чечне.

А как же сориентироваться Шомсу и ему подобным в этом потоке лжи? Как выйти на правовой путь? Да никак. У Шомсу на руках бумаги за подписью полковника милиции Олега Мельника (который, наверное, и не Мельник вовсе), подполковника Юрия Соловья (который, быть может, совсем не Соловей), а также полковника Смолянинова. Последний, с одной стороны, вроде бы Николай Александрович, но, с другой – живее откликается на кличку «Михалыч»... Помимо этой группы, есть еще и «Юрич» – человек, называвший себя заместителем начальника Курчалоевского райотдела ФСБ. Многонедельное его участие в деле поиска Аслахаджие-ва, Бамбатгириева и Наибова состояло также в активном вождении семей за нос да в том, что Юрич наконец посоветовал «не лезть» и смириться, поскольку тут якобы замешано ГРУ – Главное разведывательное управление. Да какое там Главное разведывательное, если племянник у Шомсу был совсем простой человек – крестьянин!

Но, посоветовав, Юрич укатил в родной Белгород. А может, и не в Белгород. А может, и не Юрич. А может, и сам отправил на тот свет тех, кого искал Шомсу, да теперь следы замечает.

Позорная свистопляска круговой лжи и порока, организованная людьми, называющими себя офицерами, полностью распоясавшимися в своем неумном безнаказанном вранье и разъезжающимися по всей стране – по домам. «Чечня» как образ мыслей, чувств и конкретных действий гангренозной тканью расплзается повсюду и превращается в общенациональную трагедию с поражением всех слоев общества. Мы дружно и вместе озвереем.

И снова – пример. Спустя два года после начала второй чеченской войны, превратившейся, среди прочего, и в поле для разнузданного мародерства, выяснилось, что чеченцы вокруг обчищены, и те, кто привык этим заниматься, взялись за своих. Женя Журавлев – солдат

мотострелковой роты 3-й бригады особого назначения внутренних войск МВД (в/ч 3724), дислоцирующейся в поселке Дачное под Владикавказом. Отсюда Женя попал в Чечню, где на какой-то горе отсидел восемь месяцев безвылазно. Письма не шли ни туда, ни оттуда. Женина мама – Валентина Ивановна Журавлева, вдова и воспитательница детского садика в деревне Луговой Тугулым-ского района Свердловской области – безуспешно ждала от него весточки и проплакала все глаза, отправляя заказы.

Наконец пришло письмо: Женя, срок службы которого закончился еще в апреле, умолял приехать и забрать его из Владикавказа. Деревня собрала деньги, и Валентина Ивановна в сопровождении Жениной тети – железнодорожницы на пенсии Вассы Никандровны Зубаревой – оказалась в Дачном. А там...

Там – ужас. Сначала Женю вообще не предъявляли – офицеры явно что-то скрывали. Потом солдаты шепнули, что только вчера Женю привезли из Чечни – и прямо в госпиталь. Они же, вечером, тайно провели маму в палату. Женя лежал там с гниющими по колено ногами. Говорит: не мылись на горе несколько месяцев, и все в сапогах. Вот и результат.

Мать пошла к офицерам, умоляла отдать ей сына – долечит в деревне как-нибудь. А те: давай разделим его «боевые» деньги, за участие в «антитеррористической операции» – 50 на 50, и получай сына.

Женя категорически запретил Валентине Ивановне делиться. И... не смог уехать домой. Он еще долго был в Дачном, а рядом была Валентина Ивановна вместе с другими такими же мамами, которым офицеры не отдают сыновей, требуя делиться – в обмен на демобилизацию. Вассу Никандровну, тетю, все эти несчастные жертвы второй чеченской войны отрядили в Москву, и она пошла по инстанциям. И только тогда дело сдвинулось. Солдат отпустили по домам, но и офицеров не посадили.

Вот тебе и Чечня. Вот и привычка к мздоимству.

Рассказ одного молодого москвича, умолявшего сохранить его имя в тайне – из-за боязни мести. В выходные, в полночь, ехал он с друзьями на дискотеку. Милиционеры, с закатанными выше локтя рукавами, с бан-данами на бритых лбах, остановили машину и сказали: «Заберем девчонку-то». А «девчонка» – жена одного из ехавших, впервые после рождения первенца выбравшаяся вместе с молодым мужем потанцевать. «Заберем – и не отдадим», – орали «правоохранители». Друзья держали молодого мужа за руки и убеждали ментов: «Ей скоро кормить...» – «А нам что?»

А всего-то вины юной мамы – забыла дома паспорт. Значит, беспаспортная и не может предъявить прописку. Сговорились на 500 рублях – что муж заплатит за жену полтысячи, и тогда можно двигаться дальше.

Оказалось, патрульные недавно из чеченской командировки. Покинув «зону», заступили на «боевую» вахту в «мирной жизни». И для них любая мелочь – повод к репрессиям, без участия в которых воины-«чеченцы» чувствуют себя не в своей тарелке.

«Хорошо, что не застрелили, раз „чеченцы“, – парировали все, кому рассказывала эту историю. Серьезно так говорили, ничему не удивляясь – смирившись.

Спецмероприятие по имени «Чечня» совратило всю страну и продолжает ее дальнейшее озверение вперемешку с отуплением. Цена человеческой жизни и так была в России ниже всякого предела, а теперь и вовсе скатилась до тысячных долей. Именно поэтому прекращение войны – для всех нас жизни подобно. Мы все – как спасенный «Курск» – на смертельной для нас глубине. Но так и нет приказа к спасению.

Год имени бабы Клавы

Вторая чеченская – такая, какая она получилась, уже много раз убеждала: не верь, когда в мирной жизни тебе говорят: «Не суйся. Это не твое дело. Себе дороже будет...»

В Чечне всегда надо соваться. Потому что цена всему – жизнь. Сегодня – чужая. Завтра – твоя.

С одной стороны, история эта очень простая: 21 сентября 2001 года, ранним утром, бабу Клаву положили на носилки в Грозном и поздним вечером она уже была в Москве.

С другой – путешествие получилось не просто длинным и сложным, а выворачивающим наизнанку всю нашу сегодняшнюю жизнь. В нем переплелось все: и грозненские руины, так никем и не тронутые, где старикам уготовано добывать пропитание по законам военного времени, и «тоннель генерала Романова» (где в начале первой войны был тот взрыв, в самом центре чеченской столицы, рядом с которым жила бабушка, и значит, мины, снаряды и обстрелы были ее ежедневным «развлечением»), и группа господ, окончательно утративших облик человеческий, и люди, отдавшие все, что у них было, для спасения совершенно неизвестной им старушки, и генералы, завравшиеся до хронического косоглазия в угоду собственным амбициям, и полковники с капитанами, оказавшиеся на голову выше своих генералов, и наконец, вечное – любовь, ненависть, злоба, отчаяние и зависть...

Однако по порядку. Познакомились мы летом 2000-го. Обычная случайная встреча: на скамейке, чудом не сгоревшей, в растерзанном грозненском дворе, между проспектом Ленина и улицей Интернациональной, сидела очень немолодая женщина. И все было, как обычно: рядом со скамейкой зияла огромная воронка от бомбы, от развалин шел дурной запах всеобщего разложения, а в стороне, у люка с технической водой, в очереди терпеливо стояли люди – они черпали мутную жижу и несли ее по каморкам для чая. Клавдия Васильевна Ануфриева из общей картины выделялась одним: она ни к чему не проявляла никакого интереса. Она была полностью слепа – инвалид первой группы. И ничего не могла предпринять самостоятельно, даже разжиться этим грязным питьем. Слепота в Грозном, где повсюду тебя ждут мины-растяжки, и значит, любой поход в туалет (в руины – канализация разгромлена) может закончиться взрывом, – это быстрый предопределенный конец. Так мы и познакомились: Клавдия Васильевна сидела; я, ошарашенная, стояла рядом со скамейкой, стараясь сообразить, как поступить дальше – пройти мимо, и узнать вскоре, что Клавдия Васильевна подорвалась?... Но она ни на что не жаловалась, не плакалась, хотя давным-давно ничего не ела, кроме хлеба, и была в платье многомесячного непрерывного ношения.

– Есть ли у вас родные где-нибудь в другом городе?

– У меня сын в Москве.

– Так почему же не едете к нему? Тотчас? Вам нельзя тут оставаться... – сказала я первую пришедшую на ум «мирную» глупость, будто не знала, что все, кто мог, давно уехали из этого проклятого войной города. Клавдия Васильевна тогда лишь на минутку смутилась – от какой-то семейной тайны, в которой и заключался, по-видимому, ответ на этот вопрос, но быстро собралась с мыслями и весело произнесла:

– Жду поезда. Вот пустят его, я и поеду в Москву. Сама. Чтобы никого не обременять.

– А телефон сына помните? Давайте позвоню ему, когда вернусь домой, расскажу, как вам тут...

Телефон продиктовала, но попросила подробности не описывать:

– Он будет волноваться, у него ответственная работа...

– А вы? О себе-то подумали?

Молча пожала плечами... И я знала, о чем это молчание. Подобный разговор был не первый в том Грозном. Десятки стариков, для которых жизнь в разрушенном городе казалась абсолютно противопоказанной, по мере

того как я перед ними появлялась, цепляясь за меня, как за соломинку, диктовали мне телефоны и адреса своих родственников в надежде, что весточка дойдет и те наконец кинутся им на помощь и заберут из чертова ада в их города, где не стреляют. Впрочем, надежды оправдывались редко: Грозный – это место обитания забытых стариков. Каждая командировка в Чечню – и ты должен, вернувшись, слать телеграммы по вновь записанным адресам. Одного

содержания: «Имярек! Ваша тетя (дядя, сестра, мама...) жива и находится в Грозном. Условия ее (его) жизни крайне тяжелы. Просьба срочно связаться с...» В результате у меня теперь есть «своя» карта России: карта пустых сердец. И я знаю, где живут люди, бросившие своих близких в тяжелой беде, и никто уже не посмеет сказать, что карта эта не написана кровью и человеческими жизнями, – многие из стариков, которые еще были живы в Грозном после штурма 2000 года, позже скончались, ничего не дождавшись, или схватили случайную пулю в многочисленных перестрелках.

Бабе Клаве повезло. Ее единственный московский сын хотя и отказывался забирать ее к себе, постоянно передавал ей в Грозный деньги. Через меня. Однажды это было так. Мои друзья-журналисты и я летом 2000-го собрали гуманитарный груз для Грозненского дома престарелых, обитатели которого, полностью забытые властью, сидели там без еды, вещей и лекарств. Сын Клавдии Васильевны, поняв, что я скоро буду в Грозном, попросил взять с собой 4 тысячи рублей для нее. Я объяснила: постараюсь передать, но не обещаю, так как гарантии, что удастся попасть именно в ту часть Грозного, где находится Клавдия Васильевна, никакой, – ехать предстоит вместе с военными, а они панически боятся и маршруты менять, и остановок в городе.

Но когда колонна с пятью тоннами продуктов, одежды и медикаментов въехала в Грозный, я поняла, что судьба благосклонна ко мне и мы вскоре обязательно проедем мимо двора, где находится Клавдия Васильевна. Рядом, в кабине грузовика, сидел молодой худенький капитан, старший колонны – значит, тот, который принимает окончательное решение, двигаться ей дальше или

остановиться. Разговорились – объяснила все, что знала, про стариков Грозного, показала конверт с деньгами, рассказала о московском сыне. И капитан оказался человеком. Подумав какое-то время, он приказал водителю сделать остановку и пошел в нужный двор вместе со мной. Сказав: «Я сам буду охранять».

Клавдия Васильевна лежала на кровати – плохо себя чувствовала – посреди многомесячной грязи никогда не убираемой полуразрушенной комнаты, где есть три с половиной стены, а в четвертой – проем от артиллерийского снаряда, завешенный тряпьем... Как тут в дождь? Баба Клава уже по шагам узнала меня: «Анечка? Ты?» Хотя к этому времени мы не виделись месяца три, никак не меньше, да и само знакомство наше было шапочным. Но Клавдия Васильевна так ждала весточки от сына и так связывала эту весточку со мной...

Капитан присел на единственный стул у двери, молча слушая наш разговор.

– Как там мой Валера?

– Все нормально.

– Не тяжело ли ему было послать эти деньги?

– Вам тяжелее.

– А вы ему лишнего не наговорили обо мне?

Мы пробыли у Клавдии Васильевны минут десять, первой встала я – капитан даже не торопил. Я заметила – он плачет и не спешит на свет, где нас ждут его brave товарищи по оружию.

«Спасибо, – сказал капитан, когда мы вышли, – что взяли меня с собой. Мы же не видим всего этого. Мы же не знаем. Мы сюда не ходим». Это была правда. Для военных война не персонифицирована. Они стреляют по руинам, а кто конкретно сидит в тех руинах – им думать не полагается.

Слез этого 25-летнего тогда человека я не забываю. Никогда. Война такая получилась: федералы не плакали по гражданским. Но еще и потому, что капитан потом стал жертвой всей этой истории и заплатил службой за собственное добросердечие.

Итак, не успела доехать до Москвы – «телега» из Министерства обороны. Донос то бишь. Сигнал в Генеральную прокуратуру. Оказывается, я имела злой умысел – «намеренно подвергла опасности жизни российских военнослужащих», действием, выразившимся в том, что «заставила остановиться колонну» и пошла куда-то «по своим личным делам»... Вот так. В том грузовике, оказывается, среди офицеров был контрразведчик, он-то и начирикал фальшивку...

Я дала все требуемые объяснения, и те, кому их дала, поняли – и про бабушку, и про деньги, и про ее сына – и отстали. Меньше повезло капитану: его уволили. За Клавдию

Васильевну. За ее жизнь – на привезенные нами деньги она довольно долго прилично жила. За его слезы.

Но военным неимется. И поэтому дальше – цитата из мемуаров генерала Геннадия Трошева, получившего на войне Героя России, но так и не разучившегося лгать:

«В августе 2000 года Политковская сопровождала гуманитарный груз для дома престарелых в Грозном. Военные выделили охрану, сформировали колонну, вынуждены были задействовать людей, оторвав солдат от выполнения прямых обязанностей в зоне боевых действий. Ведь любое продвижение колонны по городу далеко не безопасно. Но Анна Политковская, похоже, об этом даже не думала. По пути следования требовала *неоправданных* остановок для решения своих личных проблем (выделено мной – А.П.), чем подвергала риску сопровождавших ее солдат и офицеров. Она остановила колонну и, приказав военным ждать, растворилась в городском квартале. Около часа солдаты и офицеры торчали на улице, как в тире, представляя собой отличную мишень для боевиков. Командир извелся. Всего одной фанаты какого-нибудь от-морозка хватило бы для трагедии. Именно об этом он и сказал в конце концов вернувшейся Политковской. Журналистка закатила истерику и стала оскорблять военных, насколько злобы хватило. Вот бы послушали ее родители и близкие солдат и офицеров! Глаза бы заплавали Политковской».

Это – слова мужчины? Государственного мужа? Когда ложь смачно смешана с правдой? «Глаза бы заплавали»... И под всем – подпись генерала. Неистребимое стремление наговорить гадостей за спиной – типичная гарнизонная местечковость. Обременил ли себя генерал Трошев проверкой фактов? Нет. Поговорил с тем командиром, который «извелся»? Нет. Подумал хотя бы о Клавдии Васильевне Ануфриевой, в мамы и ему годящейся? Нет.

Потому что такая там вышла война, и принцип ее один: лес рубят – щепки летят, не человек живет – а «имеется человеческий материал», не бабушка – а отходы «антитеррористической операции». Рисковать жизнью ради судьбы 75-летней старухи нельзя, потому что бессмысленно, – за это не получишь ордена...

Прошло время, и снова был Грозный, и в конверте – опять деньги от сына. Но Клавдия Васильевна уже лежала на кровати, застеленной вонючим тряпьем, и постанывала: «Слабею я, Аня, вывези меня отсюда...» Ее муж дядя Леша, пьяница, дал бабушке снотворное, сказала соседка, и она стала редко откликаться на зовы внешнего мира. Мы виделись всего пятый или шестой раз в жизни, но пройти мимо было уже невозможно. Пройти – означало очень простые и ясные вещи: смерть.

Однако хотеть не значит сделать, вывезти кого-то из Грозного – это настоящая операция. Почти военная. Ее надо разрабатывать, проводить разведку и подготовительные мероприятия и лишь тогда что-то предпринимать. Причем один тут в поле не воин – бабушку можно вывезти, лишь объединив усилия очень многих самоотверженных людей, думающих, как ты.

Возглавил операцию от начала до конца полковник Шарпуддин Шарипович Лорсанов – начальник отдела МВД Чечни. Он купил бабушке билет на самолет – между прочим, это очень дорого, и ни разу более чем за год, прошедший с нашего знакомства, родные бабы Клавы в Москве даже не попытались сделать то же самое. Это он, Шарпуддин, нашел милиционеров в грозненских райотделах, чтобы день за днем они помогали то со «скорой», то с врачами, то с переговорами в Грозненском доме престарелых, куда бабушку забрали на несколько суток, помыли, подкормили, последили за состоянием перед непростой для нее поездкой...

И ни слова о деньгах и опасностях. Люди в Грозном живут, как в последний день, – это уже особая порода.

Они знают, что такое смерть, и поэтому особенным образом ценят, когда в ком-то еще теплится жизнь. Рустэм с Магомедом, милиционеры из Октябрьского районного отдела милиции, не были обязаны вечером после работы бегать со мной по городу, подставляя свою жизнь под пули, которых тем больше, чем гуще сумерки. Но бегали. Потому что видели: Клавдию Васильевну больше ни на одну ночь нельзя оставлять одну. И говорили: «Поможем, конечно», – благородно не глядя на часы. Город пустел, все старались убраться из него подобру-поздорову, блокпосты начинали палить во все стороны... А «мои» милиционеры пошли домой, лишь когда Клавдию Васильевну уложили в чистую постель в доме престарелых и было почти темно и, значит, совсем опасно.

Путь в Ингушетию, в аэропорт «Магас» у станции Орджоникидзевской, по 40-градусной жаре оказался не менее трудным, чем все предыдущие усилия. Клавдия Васильевна плохо переносила марш-бросок через десятки блокпостов в милицейской «таблетке», которая неслась по развороченной дороге с максимально дозволенной ей скоростью, и носилки мотало по полу в такт воронкам, влетающим под колеса.

Бабушка то и дело впадала в беспамятство, и мы с милиционерами поочередно смачивали минеральной водой тряпки и платки, оказавшиеся под рукой, чтоб обтереть и охладить ее лоб.

И вот долгожданный аэропорт – и тут же смена настроений: мы уже выехали из войны, и помогать никто не спешит. Побежали за врачом – пришла дама с перекошенным от злобы лицом по имени Лейла Мальсагова. Узнав, что мы из Чечни, разгневалась и перешла на «ты». Потребовала расписку, что бабушка не умрет ни в аэропорту, ни в полете. И, даже не дотрагиваясь до Клавдии Васильевны, прошипела сквозь красивые ровные зубы:

– Она вам что – родственница?

– Нет, она – из Грозного. А там – плохо.

– Тогда зачем вам это? Оставьте ее здесь. На борт не пушу.

Ужас. Вступаю в дискуссию. «Представьте, пожалуйста, сколько людей объединили свои усилия, чтобы ба-

бушка доехала из Грозного к вам, в Ингушетию, и вот вы теперь...» Но ответ категоричен: «Нет». Позвала аэро-портовское начальство, начался мерзкий торг прямо у носилок.

Спасли положение два человека: врач отряда Центр-спаса МЧС России Алексей Скоробулатов и командир самолета Виктор Селезнев. Первый, случайно став свидетелем перепалки, осмотрел бабушку и подтвердил гражданке Мальсаговой, что «не умрет». Второй на земле сразу сказал: «Берем бабушку», – а уже в воздухе признался: «Я знаю, как со стариками трудно. Сам тещу парализованную пять лет носил на руках с пятого этажа вниз и обратно».

В самолете встретила старого доброго знакомого – хирурга Мусу, главврача одной из сельских больниц, прекрасного отзывчивого доктора, однажды спасшего меня от смерти. Муса весь полет контролировал состояние бабы Клавы...

Все хорошо, что хорошо кончается. Все хорошо, только когда люди остаются людьми. Поздно вечером 21 сентября 2001 года семья Ануфриевых наконец объединилась.

Баба Клава надолго угодила в больницу – ее лечили от истощения, и теперь она совсем не похожа на ту грязную всклокоченную старуху на скамейке в разрытом бомбовыми воронками грозненском дворе. Она теперь – московская пенсионерка у подъезда, живо обсуждающая с подружками все последние политические новости и подъездные сплетни. Грозный для нее – навсегда позади.

Осталось добавить одно: за сутки до операции по вывозу бабушки в Москву вдруг увидела того самого доносчика – в Грозном, при начальстве, естественно. Погоны подросли на «раз». Испугалась: вдруг опять дознается про бабушку? И все испортит? Новый донос накопает, еще кому-нибудь выписывая приговор.

Слава Богу, на этот раз пронесло.

Странный чеченский ислам

Невостребованные муллы

Когда долго бродишь по Чечне времен нынешней войны и слушаешь рассказы людей о том, что им пришлось испытать, с удивлением замечаешь: в этих скорбных историях почти нет места муллам. Лишь изредка у кого-нибудь промелькнет фраза типа: «Пошел в мечеть – мулла помог собрать деньги на выкуп...» (имеется в виду выкуп за похищенного федералами родственника). Или, как было всего однажды на моей памяти за три военных года, когда в феврале 2002-го священнослужители отдаленного горного Шатойского района написали кричащее от боли и возмущения коллективное письмо в Грозный, в адрес бывшего шатойского муллы, ныне очинив-ничившегося муфтия Чечни, получившего соседний с промосковским главой республики Ахмат-Хаджи Кадыровым (тоже бывшим муфтием) кабинет и поэтому

быстро забывшего, как выяснилось, о страданиях народа... Письмо было о чрезвычайных обстоятельствах – убийстве и последующем сожжении шести шатойцев-сель-чан, среди которых были беременная женщина и всеми уважаемый старик – директор сельской школы (январь 2002 г.), совершенных десятью бойцами элитного подразделения Генерального штаба РФ, – и такой же чрезвычайно равнодушной реакции муфтията на эти трагические события... Муллы писали, что им стыдно за это равнодушие...

И совсем другой эпизод. Крошечное чистое селение Исти-Су (неподалеку от Гудермеса), куда многие люди, когда, конечно, позволяет военная ситуация, ходят к местному мулле, очень старенькому, но, говорят, очень мудрому человеку. За советом и просто поговорить. И мое личное удивление, почти шок, когда при ближайшем рассмотрении этот популярный чеченский мулла оказался немцем. Точнее, бывшим немецким военнопленным, участвовавшим во Второй мировой войне на стороне фашистов, а потом, попав в плен, оказавшимся на принудительных работах по восстановлению Грозного, женившимся на чеченке, принявшим ислам, вырастившим детей – полунемцев-получеченцев, которые с горбачевской перестройкой благополучно эмигрировали на историческую Родину отца. Сам же он – будучи к тому времени неформальным духовным лидером некоторой части чеченского населения, которое хотя и вполне осознает, что он – не «их», но никакого значения это уже не имеет, – не смог бросить его в беде и страданиях и доживает свою сложную противоречивую судьбу в Чечне, после ухода Горбачева не выползающей из кровавых войн. А рядом с ним – десятки мулл чистейшего чеченского происхождения – не востребуемые, без дела, потому что не идут к ним люди...

В чем же дело? Почему в Чечне сегодня такой странный ислам? Вопросы, неизбежно возникающие перед каждым, кто пытается понять, что такое эта вторая война? Кто может ее остановить? Кто этого хочет? И перебирает всех возможных фигурантов гипотетического мирного процесса – и... не видит там главных, казалось бы, лиц – мусульманских священнослужителей.

Все, что сегодня происходит с чеченским мусульманством, – последствия и в целом чеченской истории, и современных политических экспериментов над Чечней.

Но сначала – историческая справка. Чеченский ислам, во-первых, очень молод (специалисты расходятся в точных датах исламизации вайнахских племен, но скорее всего ислам стал тут официальной религией в первой половине 18-го века). А во-вторых, до сих пор продолжает оставаться причудливым сплавом мусульманских традиций и древних адатов – правил жизни чеченцев доисламского периода, которые проповедуют скорее семейные, соседские и общинные принципы существования, чем джамаатские (принципы исламского сообщества).

Чеченцы – суфисты, и объединяются в несколько суфистских вирдов (братств, в точном переводе с арабского, вирд – краткая молитва). Вирд в Чечне – это как бы собрание, или сообщество мюридов (учеников) конкретного шейха (устаза или учителя), когда мюрид всему обучается у устаза, а тот все свои духовные знания принял у своего учителя. В суфийском понимании «Я» – ничтожно, «Я» должно быть подчинено общему, задаваемому учителем. Зикры – суфийские коллективные моления-заклинания (экстатичный бег по кругу) – должны освобождать «Я» зикриста (бегущего по кругу в общей круговой массе) от страха и неверных желаний. Типичные суфийские позы – сидение на пятках, скрестив ноги, обхват левой рукой правого запястья – также имеют смысл контроля над своим телом.

В Чечне – свои собственные чеченские вирды. Они сильны прежде всего тесными семейными узами внутри вирда. К наиболее влиятельным в Чечне относится Кунтахаджинский вирд. До сих пор характерна особая моральная сплоченность этого братства, сыгравшая, к примеру, большую роль во время последней (в апреле 2002 года) президентской предвыборной кампании в Ингушетии, куда от засилья ваххабитов саудовского толка перебрались многие чеченские кунтахаджинцы в период президентства Масхадова между двумя войнами и где у кунтахаджинцев был свой кандидат на пост президента. Основатель вирда – Кунта-Хаджи – один из 356 мусульманских святых. Последователи считают, что он до сих пор не умер, является народным заступником и появляется перед людьми в моменты крайней опасности. Например, в нынешние чеченские войны многие рассказывали о явлении Кунта-Хаджи перед ними в виде белобородого старца в минуты чудесного спасения их от неминуемой смерти.

Также силен Чинмирзоевский вирд. Основатель – Чин-Мирза, после Кавказской войны 19-го века объединивший вокруг себя самые бедные крестьянские семьи Восточной Чечни, проповедовавший крестьянские трудовые идеалы и бытовой аскетизм, но отрицавший абречество и воровство.

Висхаджинский вирд основан в годы Великой Отечественной войны среди чеченцев, депортированных в Казахстан, человеком по имени Вис-Хаджи, сплотившим вокруг себя женщин, которые остались одни, с детьми на руках, после гибели глав семейств.

Дениарсановский вирд, основанный Дени Арсано-вым в 20-е годы 20-го века, – очень почитаемый в Чечне в качестве хранителя священных тайн и предсказателя судьбы народа, давший многих образованных людей советского периода, находившихся на руководящей работе. Сейчас этот вирд находится в затяжном конфликте кровной мести с влиятельным полевым командиром Русланом Гелаевым, в связи с вероломным убийством в 2000 году в райцентре Курчалой двадцати дениарса-новцев отрядом гелаевских бойцов, и поэтому мало участвует во внешней политической жизни.

Вирды куда более влиятельны в Чечне, чем муллы и официальный муфтият. Они более понятны и близки чеченцам как структуры семейного типа, они исторически привычнее, нежели джамаат вокруг мечети.

Возможно, это было бы не так, но «помогли» коммунисты. Советская власть фактически собственноручно отравила молодой чеченский ислам, и без нее к тому тяготевший, в подполье. После возвращения народа из депортации (1944-1957 гг.) им, в отличие от других северокавказских народов, вообще запретили возводить мечети. Это привело к тому, что в Чечне, во-первых, почти не было подконтрольного КГБ духовенства, и это лишь плюс, а во-вторых, укрепились свободные мусульманские религиозные общины. Так в каждом селе если и был, то исключительно свой собственный мулла, самовыдвиженец, подчинявшийся селу и выдвигаемый селом. А если такового не находилось, то и ладно – старейшины почитались куда больше, существовало братство в вирде. Поэтому позднейшее появление муфтията было воспринято чеченцами или равнодушно («все равно будем жить, как жили»), или раздраженно («руки КГБ»).

В результате к концу советской эпохи в Чечне оказался весьма своеобразно устроенный ислам – свободный, даже вольный, с массой соперничающих суфийских вирдов и самостоятельными интерпретациями ислама. Когда даже в вере каждый сам себе голова.

Началась перестройка, первым секретарем Чечено-Ингушского рескома (республиканского комитета партии) впервые был назначен чеченец Доку Завгаев (первыми секретарями до этого всегда были русские). Тогда и было, наконец, создано Духовное управление мусульман Чечено-Ингушетии (Муфтият – совет улемов). В конце 80-х были также построены сотни мечетей, открыты два исламских института в Курчалое и Назрани (ныне – столица отделившейся от Чечни Ингушетии), тысячи чеченцев и ингушей впервые совершили хадж, паломничество к святым местам ислама. Но чеченцы, при этом, как привыкли жить, так и жили.

А дальше начались войны. С одной стороны, верующих мусульман стало больше, молодежь стала посещать мечети, и многие обратились к совершению намаза. Но, с другой, проблемы чеченского ислама только усугубились. Во-первых, так называемой «кадыровщиной» (по имени Ахмат-Хаджи Кадырова), принесшей раздор в среду. Во-вторых, проникновением в Чечню так называемого «саудовского ваххабизма» (религиозное течение суннитского ислама, его последователи утверждают, что они – «чистый» ислам, все остальные – нет, отвергая суфизм). Трещина религиозного раскола стала проходить прямо по семьям, чего раньше в Чечне даже невозможно было представить. Появились отцы, которые проклинали своих сыновей за их ваххабитское увлечение. Появились и сыновья, отрекшиеся от отцов за их нечистый, не ваххабитский ислам, что раньше было просто немыслимо.

«Кадыровщина»

Ахмат-Хаджи Кадыров – человек извилистой судьбы. Сейчас он – вполне светское лицо,

глава администрации Чеченской республики, назначенный на эту должность президентом Путиным в июле 2000 года, да к тому же получивший от него звание полковника Российской армии. А до этого – мулла с безупречным финансовым прошлым, организатор первого хаджа чеченцев в Мекку, присвоивший тогда собранные с людей деньги (за тот первый хадж полностью заплатил король Саудовской Аравии, но собранные деньги Кадыров так никому и не вернул, о чем люди нет-нет да и вспоминают до сих пор). Дальше – полевой командир времен первой чеченской войны, один из самых близких Джохару Дудаеву людей, и с 1995 года – муфтий Чечни с приставкой «полевой» муфтий, поскольку был назначен на этот пост не духовными лицами Чечни, а собранием полевых командиров первой чеченской войны, искавших в тот момент такого религиозного служителя, который бы объявил России газават, и не нашедших никого, кроме Кадырова, – остальные отказались.

В Чечне у Кадырова есть и другая кличка: «*муфтий сцепления*», и она многое отражает. Чеченцы знают, что своего финансового интереса Кадыров никогда не упустит, он и сейчас участвует в нелегальном нефтяном бизнесе.

Никогда не встречала в Чечне человека, который бы сказал: «Я уважаю Кадырова». Это удивительно и страшно – во главе республики персоне с минусовым авторитетом. Все говорят примерно так: «Он плохо кончит, потому что предал». Имея в виду то, как в начале второй чеченской войны Кадыров перебежал от Масхадова к Путину. Самое поразительное, что такие оценки личности Кадырова дают как пророссийски настроенные чеченцы, члены бывшей оппозиции Дудаеву, Ичкерии и Масхадову, так и антагонисты Кремля.

В 2001-м и 2002 году Кадыров опять ничего не сделал, чтобы завоевать уважение своего народа, он вновь печально «прославился» в Чечне, поскольку никак не противостоял жесточайшим «зачисткам», массовым исчезновениям людей после захвата их федеральными военными. В этой связи большинство говорит о нем как о предателе своего народа, а это, конечно, больше, чем быть предателем Масхадова и независимой Ичкерии.

Меня шокировала апрельская встреча (2002 года) с Кадыровым в его кабинете в Грозном. Он смотрел только исподлобья и только недобро, он много говорил о себе, любимом, о том, что был духовным наставником Масхадова, что фактически сформировал его личность как ответственного за судьбу народа главы нации, о том, что категорический противник каких-либо мирных переговоров с бывшими своими соратниками, что хочет возродить в Чечне «ночные» методы НКВД по уничтожению людей... Боже, о чем он только не говорил, временами потряхивая кулаками и говоря без конца «я», «я», «я»...

Впрочем, судите сами. Вот отрывок из нашей беседы:

– Главная проблема нынешнего этапа войны – «зачистки», неадекватное и неоправданное применение силы против гражданского населения, мародерство, пытки, торговля задержанными и трупами...

– Когда пропадают люди из семей и никто не говорит, где они, а потом родственники находят трупы – это порождает, минимум, до десяти боевиков. Поэтому и число боевиков никак не уменьшается: как говорили – полторы тысячи, так и говорят – полторы тысячи. Президент Путин выступил жестко на моей стороне по этому поводу.

– Как вы намерены бороться с «зачистками», которые порождают новых боевиков?

– Надеюсь на твердую позицию Путина. Я так и сказал ему: почему ни один генерал не отвечает за то, что творится во время «зачисток»? И президент потребовал прекратить! Хотя, конечно, это не первое указание президента по Чечне, которое не выполняется...

– Население оказалось между двух огней. Что вы как глава республики можете сделать? Как вы можете помочь людям?

– Я обо всем говорю президенту... Народ все терпит и терпит. Нужны честные люди, которых трудно отыскать. Я имею в виду сотрудников администраций населенных пунктов, они боятся открыто выступить против бандитов, потому что они не защищены. Я поднимал этот вопрос и перед командующим Молтенским, и перед президентом. Мы стараемся – но это не так просто. Вам легче: вы только вопросы задаете.

– И все-таки, что в ваших силах? Что лично вы можете противопоставить военному произволу в Чечне?

– У меня нет прав против военных. Я просил у президента таких прав.

– Вы считаете, что в Чечне кто-то должен управлять единолично?

– Да, чтобы за все отвечал один человек. В том числе и за все силовые структуры. Тип будущего госустройства Чечни – президентское правление, полная власть в одних руках, иначе порядка не добиться. Тут диктатор нужен в прямом смысле слова.

– Хорошо, этот диктатор – уже вы. И вот, началась «зачистка» в Аргуне. Что бы вы сделали?

– Если бы диктатором в Чечне был я, «зачисток» бы не делал. О том же, кто бандит, тихо собирал информацию и ночью, в два-три часа, приходил к ним в дома и здоровался за руку: «Салам, алейкум!» И после такого визита этот бандит никогда бы нигде не появлялся. Три-пять подобных мероприятий – и все бы все поняли. Ведь именно так было, когда НКВД работал: тук-тук-тук – и не вернулся... Люди это знали и боялись. Время было такое, иначе не было бы порядка.

Именно с именем и деятельностью Кадырова, которого иначе как «предателем» не называют, связана в Чечне и новая волна падения уважения чеченцев к собственному муфтияту, и без того не окрепшему, не успевшему окрепнуть. Весьма прохладны чеченцы и к муфтию Шамаеву, которого Кадыров сейчас протащил на этот пост. Как правило, свое отношение к Шамаеву они выражают просто: «И этот продался, и тот не защищает свой народ перед генералитетом и Путиным».

Чеченцы ценят тех, кто действительно мудр и мужествен. Если он еще и мулла – хорошо, но если нет – тоже неплохо. Скорее, важна вирдовая принадлежность. А с религиозным экстремизмом в своих рядах – с ваххабизмом (их называют тут «бородачами») – чеченцы также борются тейповыми или вирдовыми силами. «Бородачи» очень непопулярны. И ошибочно полагать, что ваххабиты имеют в Чечне какой-то серьезный вес и играют какую-то роль. Их роль и влияние скорее сводятся к оружию, которое у них есть, – их боятся. Как и федералов – другой фланг устрашения чеченцев, – которые также делают ставку только на силу. То есть на покорение. Что в принципе невозможно, как показала история.

Смертная казнь для журналистов

Муса Мурадов – чеченская элита, главный редактор единственной независимой чеченской газеты «Грозненский рабочий», прекрасно образованный и бесстрашный человек, прошедший первую и вторую войны. Если начать считать заслуги кого-либо перед чеченским народом, то Муса уже имел бы памятник при жизни.

Но вот в начале осени 2001 года вместо памятника Муса получил анонимную листовку, из которой следовало, что он, а также вся мужская часть коллектива газеты (Кушалиев Абуезид, Муцураев Алхазур, Турпанов Лема) решением «Верховного Шариатского Суда и Общего командования ВВМШМ», Шуры, надо думать (Шура – высший религиозно-военный орган у боевиков, о котором говорят: «Это Басаев. Один Басаев, и все»), обязаны покаяться в соучастии «с оккупационными властями» и получении «денежных подачек» от «иудея Сороса». В противном случае – казнь. Приведение приговора в исполнение возлагается «на амиров и судей района».

Это значит, где бы Муса ни появился, его везде убьют...

Муса бросил все и повез семью в Москву... Мы встретились, и он спросил: «Как ты думаешь, что делать дальше?» Мы оба понимали: угрозы не опереточные.

«Грозненский рабочий» никогда – ни в масхадовские, ни в военные времена – надолго не прерывал своего выхода. А также *никогда* не желал быть «под кем-то»: газете неоднократно предлагали так называемое «спонсорство» все участники чеченского конфликта (и федеральная сторона, и масхадовская), но Мурадов всякий раз отказывался. В предложенных обстоятельствах работы – война, игры спецслужб – Муса нашел лучший способ газетного выживания. Он не взял деньги ни у одной из противоборствующих сторон (хотя это был самый простой выход из положения), а подал заявку на получение гранта в Фонде Сороса, прошел там сложнейшую систему отбора и получил-таки средства на издание газеты от того, кто никаких политических требований ему не выдвигает.

Я не поклонница Сороса и не политическая его сторонница, но, если фонд его имени

позволяет журналисту быть независимым в условиях войны, вижу в этом исключительно положительные стороны.

Начиная с лета штаб боевиков – как бы последние ни пыжились – это виртуальная система, а их «Сопrotивление» возникает как реальное лишь когда это требуется делу продолжения войны. «Поговорить» же с этим «Сопrotивлением» можно, используя «Кавказ-центр» – спецсайт в Интернете. Именно через этот сайт мир, как правило, узнает, что думает Аслан Масхадов о происходящем на его родине. Часто эти мысли выглядят неубедительными и исключительно пропагандистскими, что и дает основания утверждать: «Кавказ-центр» – это Ястржембский наоборот.

Вот туда-то я и обратилась за разъяснениями относительно угроз, полученных «Грозненским рабочим». Сайт откликнулся быстро, представившись главным редактором Юсуфом Ибрагимом, и сообщил, что «пока у нас нет никакой информации», хотя «решения шариатского суда в таких случаях обычно передаются нам очень быстро, и мы склонны считать, что эту дезу запустило ГБ, в связи с чем мы считаем, что жизнь Мусы Мурадова под угрозой. Его могут убить русские спецслужбы, чтобы кричать на весь свет о том, что моджахеды убивают журналистов...»

Оказался не в курсе и Мовлади Удугов, «папа» «Кавказ-центра», давным-давно сбежавший из Чечни, но делающий вид, что вроде бы поддерживает постоянные контакты с Шурой и ее командирами...

Общие слова, как известно, – лакомство спецпропагандистов. И я стала настаивать: сообщите, кто персонально является сейчас главой Верховного шариатского суда? И значит, способен подтвердить или опровергнуть «мурадовское» постановление. Как зовут того районного амира (Муса родом из Грозненского сельского района, ранее амиром там был полевой командир Бараев), который будет приводить в исполнение приговор, если таковой действительно имеется?

Ответом сайта стало долгое глубокое молчание. Так я и предполагала: потому что нет главы Верховного шариатского суда, нет и районного амира, кроме погибшего Бараева. Не объявил свою точку зрения на «приговор» и Аслан Масхадов. Его пыталась отыскать и я, и сам Муса Мурадов – журналист, которому Масхадов, между прочим, крайне обязан, поскольку на протяжении долгих месяцев лишь усилиями Мусы мир узнавал, что думает Масхадов по тому или иному поводу.

Далее я обратилась в ФСБ – к другой стороне. У нас ведь на ФСБ возложена обязанность по руководству так называемой «антитеррористической» операцией. К тому же они и есть те самые спецслужбы, в зоне интересов которых, если быть формальными, на первом месте – защита конституционных прав граждан, а главное из этих прав – жизнь.

ФСБ отделалась невнятным бормотанием: «Это боевики». А по сути – тем же молчанием в отношении «дела Мурадова и журналистов „Грозненского рабочего“, что и „Кавказ-центр“, и виртуальный Масхадов...

Наступила тишина... Значит, жди беды. Этому научила нынешняя война. Мурадов и «Грозненский рабочий», действительно, – кость в горле всем участникам конфликта. По принципу: не служит никому и поэтому враг. А листовка? Это знак, сигнал: мы тебе оставим жизнь, только если ты будешь «под кем-то», останешься сам по себе – умрешь. Вот настоящий приговор, вынесенный Мурадову и еще трем журналистам в стране, где продолжает утверждаться такая «демократия», когда *абсолютно никому* не нужна независимая журналистика, и проще уничтожить и списать на конкурирующую спецслужбу, чем смириться с существованием.

Кто же хотел убрать Мусу и трех его товарищей? Ответ очевиден: те, кто мечтает о продолжении войны. И неважно, какие у этих господ имена: Иван Петров из

ФСБ или Шамиль Басаев из Шуры, главное – такое у них совместное спецмероприятие.

Это – двойное предательство. В полном соответствии с жанром, утверждающимся в российском обществе в связи с предыдущей профессией ныне избранного президента. Если в ельцинские времена мы жили от одной его болезни до другой, то теперь существуем от одного спецмероприятия до другого. Завершилось спецмероприятие по уничтожению Виктора Попкова, независимого журналиста и правозащитника, смертельно раненного в Чечне и

впоследствии скончавшегося, – началось спецмероприятие по уничтожению Мурадова. Когда ни одна из сторон чеченского конфликта не может действовать единолично, не будучи поддержана другой, якобы ей противостоящей.

Напоследок о чеченском гражданском обществе. Где они, просто чеченцы? В первую голову заинтересованные, чтобы Муса Мурадов и его коллеги – люди уникальные для этого общества – были живы и работали? Быть может, они завалили письмами протеста и возмущения все столичные газеты, администрацию президента, ФСБ, МВД, Генпрокуратуру, Басаева, Масхадова и «Кавказ-центр»?

Ничего подобного. И не в первый, между прочим, раз чеченцы отсиживаются. Включая тех, кто пользовался помощью «Грозненского рабочего» не раз и не два. Ради которых и работал Мурадов.

Разгром спецслужбам удался. Спустя полгода после описываемых событий «Грозненский рабочий» переключался в область мифов. Муса не выезжает из Москвы, которую не любит. Угрозы превратились в нескончаемый поток, и защитить его некому. Мужчины-журналисты из редакции разбежались – кто куда, спасая жизни. Свои и семей.

Газету – изредка, с огромным трудом – выпускают героические чеченские женщины-журналисты, вынесшие эту войну на своих плечах. Чеченские женщины не боятся ничего? Так часто спрашивают, в том числе и военные, грабящие этих женщин, издевающиеся над ними, насилующие их. Да, чеченские женщины ничего не боятся. Потому что боятся всего.

Солдатское письмо

«Я был призван в Вооруженные силы РФ. Мое место службы – часть № 45935, ремонтно-артиллерийские войска. Принял присягу 8 июня 2000 года. 27 ноября был переведен в 5-ю батарею на должность слесаря-сантехника. Работать приходилось днем и ночью, а материалов и средств не было, приходилось иной раз приносить свой инструмент и материал. Из-за плохого снабжения мы работали медленно, и начальство нас пугало, что отправит в войска. А отправляют в войска у нас в 5-й – только в Ханкалу.

Но в принципе служить было можно, пока не произошел такой случай. Нашему старшему сантехнику захотелось легких денег, и он втайне от нас сделал отверстие из нашей мастерской на вещевой склад. Таскал оттуда вещи и продавал. Отверстие он тщательно замаскировал, и мы узнали о нем, когда нашли в мастерской пару военных ботинок и форму. Он сказал, чтобы мы никому не говорили про этот лаз и сами туда не лезли. Нам ничего и не оставалось, как молчать, так как старший сантехник был старше нас по сроку службы на полгода. А с фазанами лучше не шутить. И еще он сказал: если найдут отверстие, сядем вместе...

И отверстие нашли. Мы с Серегой как раз находились в мастерской. К нам туда пришли завскладом пр. Филипов, нач. вещевой службы к-н Голод и м-р Чудинов. Капитан Голод по очереди заводил нас в мастерскую, где дюймовой трубой вышибал признание – кто, когда и сколько вынес одежды. Но так как я не знал, сколько, когда и чего, а выдавать Инякова (ст. сантехника) я боялся – сказал, что об отверстии ничего не знаю. К-н Голод бил меня по мягким местам, после чего вывел из каптерки и пригласил туда моего товарища Сергея Большакова. С ним, как я понял, он проводил такую же беседу, как и со мной: я слышал крики Сергея. Затем побеседовали с Иняковым.

После всего этого нас троих повели в воспитательный отдел на допрос к к-ну Сизову. Первого – сантехника Инякова. К-н Голод взял с собой лом и гирю. Зачем – мы с Большаковым не знали. Потом Инякова выпустили и позвали Большакова. Пока его там пытали, я узнал, зачем лом и гиря. Так как я стал задыхаться и меня трясло, я пошел в санчасть. Там мне дали успокоительное. Но за мной пришел к-н Голод и силой вытащил меня оттуда.

Привел он меня в кабинет к-на Сизова. Посадили на кресло. На столе у Сизова лежал шприц и какая-то ампула. К-н Сизов предложил мне сразу сознаться, но сознаться мне было не в чем. Тогда они застегнули мне руки наручниками, под ногами и руками просунули лом. И пошли курить... Когда я висел, я стал чувствовать, что задыхаюсь, и позвал на помощь. В глазах побелело, и я очнулся на полу. Меня трясло, как эпилептика. И меня отправили в санчасть.

В санчасти я пробыл до вечера, когда меня вызвал в штаб полковник Черков. Он сказал, что Иняков признался и надо написать, какую роль играл в этом деле я. Пока я писал, к-н Голод пару раз ударил меня ногой, чтобы ускорить процесс. После этого нас отвели в казарму, где мы ночевали с пристегнутыми к кровати наручниками.

Наутро мы вышли на развод и на работу. Затем на общем собрании в клубе майор Горадецкий предъявил нам иск на сумму 9000 рублей и сказал, что, если мы ее не выплатим, нас посадят и чтобы наши родители приехали 11 марта для решения этой проблемы. Иняков послал телеграмму, а я позвонил домой. Отец приехал 8 марта, поговорил с замполитом, комбатом и к-ном Голодом. К-н Голод сказал, что надо поговорить с м-ром Тягуновым и чтобы отец обязательно приехал 11 марта.

Вечером 9-го я с Большаковым прочищал канализацию, и подошел Голод. Он сказал, что мой отец -... (мат. – А.П.), потому что не хочет платить деньги (деньги, которых у него нет), и сказал, чтобы я нырнул в колодец, полный фекалий. Я сказал, что не буду. Тогда он приказал напиться из него. Я сказал – не буду. Но он

сказал: умойся этой водой, или я тебя утоплю. Когда я отказался, он побежал за мной, сбил с ног и, пиная, потащил к колодцу. Засунул в фекалии в том, в чем я был, и, удовлетворенный, пошел дальше, пообещав, что меня... (мат. – А.П.). Когда я пришел в казарму, меня уже ждали. Я зашел в туалет, чтобы умыться, и ко мне подошел подвыпивший солдат – с-т Бородинов. Он избивал меня, приговаривая, что мы с Большаковым хотим остаться чистыми. Я сидел на полу в туалете весь в крови, когда вошел к-н Голод. Он сказал Бородинову, чтобы тот оставил меня в покое и что он сильно меня разукрасил – полно следов. Я сразу понял, что к-н Голод специально натравил на меня сержанта, т.к. с с-том Бородиновым был в хороших отношениях. Как я думаю, он и напоил его.

11-го приехали родители Большакова и мой отец. Им сказали, что мы должны оплатить стоимость украденных вещей или нас отдадут под суд и посадят по 158-й статье за соучастие (сокрытие). А про то, что случилось за эти два дня со мной, даже не заикнулись.

Отложили дело до приезда матери Инякова. Но она все не ехала. Угрозы со стороны Голода были постоянны. Я случайно узнал, что он просил сержантов учебных батарей нас избивать. Отношения в части совсем ухудшились. Жить и находиться там стало невозможным. 19.03.2001».

В апреле 2001-го, в «искупление своих грехов», солдат оказался-таки в Чечне. И вскоре погиб. А уехал он туда в сопровождении того самого Голода.

Голод, как вы догадались, выжил...

Причина гибели солдата так и осталась тайной.

Российские герои «дсп»

Суть правящего режима страны – в том, кого она назначает героем. Что надо в жизни сделать, дабы быть оцененным на самом высоком уровне?

Идеология наградного дела в государстве – что-то вроде теста на беременность. Беременность патриотизмом. Истинный он на том самом «верху», который раздает ордена и медали? Или только ДСП – «Для служебного пользования»...

Как ни странно, это далеко не последний вопрос – хоть мы уже на седьмом году войны, идущей на Северном Кавказе, и на третьем от начала второй чеченской кампании. Кто такие «чеченские» герои? И отсюда – что мы хотим в Чечне? Что там делаем? Что творим? Какова цель? Кого за что награждаем? А значит, к чему призываем.

Там

Чай давно остыл. Мы пьем его в буфете ингушского аэропорта «Магас», и мне стыдно смотреть в глаза полковнику Магомеду Яндиеву – сотруднику МВД Ингушетии. Мне стыдно уже третий год подряд.

Когда в декабре 1999 года, во время жесточайшего штурма Грозного и в результате

преступного головопашества российского чиновничества, заседающего в Москве, кому-то надо было обязательно рисковать своей жизнью ради спасения 89 стариков из Грозненского дома престарелых, забытых под бомбами, и не было желающих бегать под обстрелами ради них – полковник Янди-ев, единственный из всех, из сотен российских полковников и генералов, скопившихся тогда на околוגрозненском пятачке, сказал: «Да, согласен». И с шестью своими офицерами, лично попросив их об этом, трое суток полз – а это был единственный возможный путь – по грозненским улицам до микрорайона Катаяма и улицы Бородина, где продолжали погибать одинокие и голодные старики, находившиеся на попечении государства, забывшего о своем попечении.

Тогда Яндиев вытащил из Грозного всех стариков. И потери оказались минимальны: в дороге умерла лишь одна бабушка – ее сердце не выдержало. Зато остальных, как если бы это были его мать и отец, полковник спас от пуль и снарядов, летящих с обеих обезумевших воюющих сторон.

– Они мне пишут письма к праздникам. До сих пор. Я не помню их имен. А они помнят. И пишут, – очень-очень тихо говорит Магомед. Да я, собственно, тащу из него эти слова. Иначе он бы вообще молчал. – Это и есть «спасибо». Лучшая благодарность, – настаивает Магомед, продолжая размешивать давным-давно размешанный сахар в остывшем стакане. – Мне другой и не надо.

А вот мне – надо. Я гражданин и поэтому желаю знать: почему за совершенный подвиг, за истинное мужество, проявленное при спасении 89 жизней граждан страны, полковник до сих пор не получил звание Героя России, к которому был представлен еще в начале 2000 года? Что нужно сделать в нашей стране – такой, какая она есть теперь, чтобы не просто быть героем, но и официально им считаться?

Здесь

Путь к ответам на эти вопросы оказался противен. Словеса высокопоставленных офицеров, ответственных в столице нашей Родины за продвижение бумаг все выше и выше, на подпись президенту, – свелись к двум аргументам против кандидатуры полковника Яндиева в качестве «Героя».

Во-первых, он – из «этих». Перевожу с московского на нормальный. Это значит: Яндиев – ингуш, а ингушам большого доверия нет, как и чеченцам, находящимся на службе. Яндиев, говорили мне, – «почти что чеченец», и «кто там знает, что точно было тогда в Грозном, может, он договаривался с боевиками».

А если и договаривался? Ради 89 жизней?

Но есть еще и во-вторых, и этот аргумент касается не только вайнахов. Оказывается, «Героя» у нас положено давать в том случае, если имярек «убил кого-то из бандитов».

– А если спас?

– Это не совсем то.

– Так за спасение дают?

– Кто же признает, что «не дают»?

Увы, дала слово, что не укажу, сохраню в тайне фамилии тех, кто согласился объяснить то ли подноготную эту, то ли преисподнюю. Да, собственно, они, эти люди – хоть и с большими звездами на погонах, и с орденами на груди – но, по большому счету, «шестерки», исполнители высшей воли. Они просто отлично знают, какие документы *президент не подпишет*.

Итак, Путин *не подпишет за спасение*. Деталь, думаете? Отнюдь. Мы все наблюдаем, как из государственного пользования все более выметается милосердие в качестве системы внутригосударственных взаимоотношений. Власть старается исходить из жестокости по отношению к своим гражданам. В чести – поощрение уничтожения. Логика *убийства ради* – вот логика, понятная власти и пропагандируемая ею. Ведь вот что вышло: *надо убить, чтобы стать героем*.

Это – идеология стиля «Путин-модерн». Когда с «господами» не получилось – и «товарищи» вернулись. Которые, как мы знаем, никогда не забывают о себе. Вот и получилось:

в конце седьмого года войны и на третьем году второй кампании Чечня представляет из себя настоящую кормушку и дойную корову. Здесь куются быстрые военные карьеры, здесь выписываются длинные наградные листы, здесь раздаются внеочередные звания и чины. И главное – вовремя убить кого-то из чеченцев и предьявить труп в нужном месте и в нужное время.

И вот напротив меня сидит Магомед Яндиев. Обыкновенный герой ненормальной страны. Он никого не

грабил, не насиловал, не засовывал за пазуху камуфляжа трофейное женское белье. Он спасал.

Поэтому-то и не генерал. И «геройские» его документы тлеют за ненадобностью в московских сейфах.

А сколько генералов? И «Героев»?

Недоуменное послесловие

Я позвонила в Информационное управление администрации президента РФ (начальник управления – Игорь Поршневу, а вообще-то, это то самое ведомство, которое более известно как ведомство Сергея Ястржембского – помощника президента Путина, ответственного «за информационное обеспечение антитеррористической операции»). У меня было два совсем простых вопроса. Первый: сколько военнослужащих получили государственные награды за участие во второй чеченской войне? И второй: сколько из них – Герои России?

Из Информационного управления меня переслали в Управление по государственным наградам той же администрации Путина (начальник – Нина Сивова).

– Такие цифры – гостайна, – уверяли секретари-референты по ходу дела, категорически отвергая любую возможность разговора с первыми лицами своих управлений. – Разглашению не подлежат.

– Но это же абсурд! – возражала я.

Наконец в ведомстве Ястржембского, ответственном за формирование «правильного образа войны», смилостивились и хотя бы согласились «рассмотреть официальный запрос на эту тему», правда, тоже без всяких гарантий положительного ответа (двух цифр!) и сроков рассмотрения (ответ так и не пришел!).

Вскоре состоялся разговор и с Ниной Сивовой (Наградное управление). И она подтвердила:

– Действительно, такая информация у нас – ДСП. Для незнающих: ДСП – значит, «для служебного пользования». Быть может, кто-то помнит этот термин советских времен. Куда ни плюнь, там было ДСП.

– Почему же Герои России и остальные награжденные – в ДСП? Странно... – допытывалась я у Нины Алексеевны.

– Почему? В целях безопасности лиц, получивших эти награды, – последовал очередной неадекватный ответ.

– Но ведь я не прошу фамилий?

– Позвоните...

– Опять – завтра?

– Да, завтра. Может...

Нет, не может. Страна, в которой число героев является информацией для служебного пользования чиновников, раздающих эти награды, а настоящие герои «Героев» не получают, – уже ничего не сможет. Она проиграет все войны. Потому что она – всегда не там. И не с теми.

Смерть от своих

«Одно огнестрельное сквозное ранение головы и шеи», – написал в официальном отчете об очередном произведенном им солдатском вскрытии судмедэксперт 632-й военной судмедлаборатории Северо-Кавказского военного округа майор Игорь Матюхов. И добавил:

«Острая массивная кровопотеря. Разрыв левой сонной артерии». Это уже о причинах смерти вследствие «одного огнестрельного ранения», имевшего место быть 5 февраля 2001 года в Ханкале. Указал судмедэксперт Матюхов и место, где произошла смертельная для солдата Данилы Выпова «травма»: «дислокация отдельного подразделения, в/ч 20004».

Итак, Ханкала, святая святых воюющего на Северном Кавказе генералитета, главная военная база, где расположен Объединенный штаб группировки. Та самая Ханкала, которая охраняется в несколько кругов и по всем периметрам «колючками», сетями блокпостов, минных полей и пр. и пр. Спрашивается: какие тут, внутри, могут быть фугасы?

Дело в том, что семье Данилы, не дожившего даже до своего 20-летия, из той самой в/ч 20004 (Министерство обороны, Камышинский полк) сообщат совсем другие вещи. А именно: что их сын и брат подорвался на фугасе, что его тело разнесло на кусочки и надо хоронить в запаянном фобу.

Более того, когда старшие Данилины братья потребовали ясности и один из них поехал в военный морг в Ростов-на-Дону, то сам увидел под нижней губой явное входное отверстие от пули! Но никак не от фугасного осколка. И никакого разорванного в клочья тела! 20 февраля братья Данилы Выпова, живущие в Санкт-Петербурге, написали соответствующие заявления в Главную

военную прокуратуру, в военную прокуратуру Санкт-Петербургского гарнизона, командованию Ленинградского военного округа, в военную прокуратуру Чечни, расположенную в Ханкале, а также рассказали обо всем случившемся сотрудникам правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга».

И что? Да ничего! Молчание. Тело Данилы перевезли в Санкт-Петербург... Генералы наложили запрет на проведение независимой гражданской судмедэкспертизы, с которой семья связывала надежды на выяснение обстоятельств гибели Данилы. Чтобы никто никогда не мог сказать, что Данилу застрелили «свои».

22 февраля, когда тело погибшего рядового Выпова перевозили из военного морга в Ростове-на-Дону в военный морг Санкт-Петербурга, я летела вертолетом из расположения 119-го парашютно-десантного полка, что в Веденском районе Чечни, в Ханкалу, на ту самую военную базу. На полу вертолетного чрева лежало укутанное в защитный саван тело очередного погибшего на чеченской войне солдата. Этим утром его смертельно ранило в полку, и он скончался за несколько минут до взлета вертолета.

Солдатик был 82-го года рождения и родом из Челябинска – наши пути пересеклись совсем случайно. И также случайно я могла своими глазами видеть, как офицер ФСБ вместе с начальником штаба 119-го полка немислимыми воплями приказывают солдатам, принесшим тело этого очередного скончавшегося от «огнестрельного ранения», «выплюнуть» из своих автоматов пули на экспертизу... Так бывает всегда, когда военнотружущих подозревают в том, что это они застрелили своего товарища...

Процедура «выплювания» пуль удивила только меня, хотя рядом со мной стояло два десятка офицеров... Они выглядели привыкшими ко всему.

В Чечне творится невообразимое. Армейский разбой. Свои – своих. И правды не найти...

И у американцев, которых мы проклинаяем что есть мочи, случается, что из своего же самолета во время учений снаряд падает прямоком на территорию своей же военной базы. Но об этом тут же кричит весь мир, и скорбят генералы, и президент США узнает о трагедии, и при первой же публичной возможности чтит память погибших солдат и офицеров минутой молчания, и требует расследования, и все это становится предметом гласности по всему свету...

У нас все по-другому. Солдаты гибнут. Из их тел достают пули, выпущенные сослуживцами. Зачем? Чтобы эти пули больше никто не увидел. Потом военное командование занимается тем, что и эти пули, и эти тела скрывает от родственников, желая похоронить солдат тайно, вместе с причинами их гибели. Если же позже общество все-таки и узнает о некоторых деталях, то совершенно случайно. Впрочем, даже если какая-то правда куда-то просачивается, за этим не следует ничего. Ни перво-лосных теле- и газетных новостей. Ни разбирательств. Семьям гарантирован информационный вакуум. Обществу на все наплевать. Президент как ни в чем не бывало – он же не американский президент – катается на лыжах в чудном сибирском местечке. Дума даже и не подумает приподнять свои откормленные мослы над мягкими

парламентскими креслами – в память об очередном солдате, погибшем в Чечне от своих. Правительство не обнажит головы – и продолжит делить между собой бюджетные деньги, ничуть не беспокоясь, что одного их месячного финансового вливания в Чечню на «проведение боевых операций» вполне достаточно, чтобы эту разрушенную Чечню восстановить... Генеральный штаб привычным движением припудрит свои еженедельные данные о потерях на Северном Кавказе. Ястржембский съездит на Запад и расскажет о зверствах боевиков... Тупик. Страна окончательно разучилась краснеть и испытывать какие-либо неудобства перед матерями, чьи сыновья вернулись из Чечни в цинковых гробах. Забыв, что такую страну победить очень просто.

Что остается добавить? Что ребенком мама поменяла Даниле Выпову Родину – мальчик родился и вырос в Узбекистане, но в связи с невозможностью дальнейшего проживания русских в городке Ширин Сырдарьин-ской области семья перебралась на историческую Родину. В Волгограде Данила превратился в юношу, и его взяли защищать эту новую Родину. Остальное вы уже знаете.

В Можайске тяжело с патронами

Рядовой в/ч 63354 Алеша Кленин ушел в армию осенью 99-го и оказался среди тех, кого первыми и необстрелянными, в октябре уже, отправляли напрямик в бой – в Дагестан и Чечню.

Алеша успел написать оттуда домой всего несколько строчек, а потом был «забыт» отцами-командирами на глухой горной дороге рядом с поломанной бронемашинной – и с абсолютно предсказуемым результатом. С февраля 2000 года никто не видел солдата Кленина – он пропал без вести, исчез...

Передо мной – свидетельство о смерти № 1151 на имя Кленина Алексея Владимировича. Дата выдачи – 10 сентября 2001 года. Спустя 19 месяцев, как Алешин дедушка, житель подмосковного Можайска Владимир Алексеевич Шурупов, начал свой мученический путь по отечественному бюрократическому аду, желая лишь одного – ответа на простой вопрос: где же внук? Тот, которого он отдал живым и здоровым в систему, именуемую армией.

Эти 19 месяцев вместили все, что можно себе вообразить в родном Отечестве. Тонны отправленных писем и жалоб – во все военные и гражданские прокуратуры, включая две главные (Генеральную и Главную военную), во все мыслимые государственные организации, вплоть до администрации президента.

Ответом был издевательский маразм. Оказалось, *никто* на всем свете не хватился пропавшего солдата, кроме его дедушки. Несколько месяцев воинская часть исправно получала довольствие и обмундирование на него, рядовой продолжал числиться в списках, и все было так, будто он стоит в общем строю на ежеутренней и ежевечерней поверках...

Только после дедушкиных обращений, подкрепленных проверками Главной военной прокуратуры и администрации президента, военно-бюрократическая машина страны хоть как-то, со скрипом, недовольством и злопыхательством – но сдвинулась с мертвой точки.

Похороны останков, присланных Владимиру Алексеевичу Шурупову как косточки внука, состоялись 11 сентября – в день американских взрывов. Труп был не тот, который уже однажды показывали дедушке в 124-й военной судмедлаборатории в Ростове-на-Дону, на опознании... Тогда в черепе было одно пулевое отверстие, теперь дедушка обнаружил два...

– И что вы решили? Требовать повторной экспертизы?

– Нет, – ответил. – Что уж требовать... Не могу. Не хочу. Похоронил как Алешку.

И заплакал – тихо, беззвучно, без надежд.

– Вот и все, – добавил. – Я смирился. Больше не могу.

Очень часто приходится встречаться с родными тех, кто погиб на нынешней кавказской войне, – чеченцев, русских, украинцев; солдат, офицеров; детей, взрослых. Целая армия осиротевших – и это только те, кого видела я. У них у всех одинаковые глаза, как сейчас у Владимира Алексеевича – убитые не просто безысходностью, что близкий человек никогда не вернется домой, но и абсолютным неверием, что государство, в котором они живут, способно на что-то доброе в отношении своих граждан...

Дедушка продолжает:

– Конечно, поймите... Я думал, что все будет по-военному, красиво. Военкомат оркестр пришлет, роту почетного караула, салют дадут над свежей могилой... Ничего не оказалось. Мне объяснили, что патроны полагаются только погибшим офицерам, оркестр – тоже. Солдатам – нет.

Не люди мы. Пока. Не 21-й век у нас на дворе. Пока. Как только хватит нам не только орденов для генералов, но и холостых патронов с оркестрами на каждого без исключения погибшего солдата – тогда и прорвемся в цивилизованные.

Часть третья

КОМУ НУЖНА ЭТА ВОЙНА?

Генералы – олигархи

Возможно, кому-то это покажется странным, но война в итоге оказалась выгодна всем, кто в ней участвует. Каждый нашел свою нишу. Контрактники на блокпостах – взятки по 10-20 рублей, зато круглосуточно. Генералы в Москве и Ханкале – «осваивание» бюджетных «военных» денег. Офицеры среднего звена – поборы за «временных заложников». Изюм трупы. Младшие офицеры – «мародерку» при «зачистках».

И все вместе (военные плюс часть боевиков) – участие в нелегальном нефтяном и оружейном бизнесе.

А еще – чины, награды, карьеры...

Тут – лишь некоторые штрихи к портрету на тему «Кому теперь нужна эта война?».

Кто у нас не знает о том, что генералы время от времени воруют, а олигархи наживаются на бюджетных деньгах. Уникальность второй чеченской войны в том, что звания генерала и олигарха стали принадлежать одним и тем же лицам.

Что бывает с предприятием, у которого оказалось убытков на миллиард? Ответ ясен: предприятие перестает существовать.

Что случается в Министерстве обороны, если одно из его подразделений приносит бюджету миллиардные убытки? Ответ поражает: абсолютно ничего. И даже более – его работу старшие по званию рекомендуют для обмена опытом...

В доказательство – документ. Он родился на свет, когда в Министерстве обороны (МО) подвели итоги 2000 года. Итак,

РЕШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОВЕТА ПРИ НАЧАЛЬНИКЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И РАСКВАРТИРОВАНИЯ ВОЙСК, ЗАМЕСТИТЕЛЕ МИНИСТРА ОБОРОНЫ РФ ПО ИТОГАМ БАЛАНСОВОЙ КОМИССИИ: «О результатах финансово-экономической деятельности предприятий и организаций ГУСС МО РФ за 2000 год».

Побалуемся цитатами:

«Согласно представленного доклада начальника Главного управления специального строительства МО РФ генерал-лейтенанта А.В.Гребенюка, проведенного анализа бухгалтерской отчетности и материалов, Экономический совет отмечает... Показатели эффективности финансово-экономической деятельности ниже минимально допустимых значений. Структура баланса предприятий и организаций продолжает оставаться неудовлетворительной, при этом их платежеспособность ухудшается. За отчетный период допущен убыток в сумме 1116 млн. рублей...

Экономический совет РЕШИЛ:

1. Финансово-экономическую деятельность государственных унитарных предприятий ГУСС МО РФ за 2000 год признать удовлетворительной.

2. Рекомендовать руководству ГУСС МО РФ провести на базе 766 УПТК специальные учебные сборы с целью распространения передового опыта по организации финансово-экономической работы...»

Вы поняли логику? При показателях финансово-экономической деятельности «ниже минимально допустимых значений» намечены учебные сборы «с целью распространения

передового опыта»...

Тут необходимы некоторые предварительные пояснения.

Как известно, в армии есть военные строители. Когда-то их называли строительными войсками, а сейчас это просто военно-строительные части. Таков результат армейской реформы 1997 года. В то время в МО (Министерство обороны) ликвидировали четыре мощных строительных главка, оставив один – военно-строительный комплекс (ВСК) России. Возглавляет его Александр Давыдович Косован. По чину – генерал-полковник. По делам – опытный тыловик, всю свою офицерскую жизнь отслуживший именно по этой части. По должности – заместитель министра обороны и тот самый начальник: строительства и расквартирования войск, при котором имеется экономический совет, столь странное решение которого вызвало желание разобраться, что к чему в ВСК.

Пойдем дальше. Что такое ГУСС, у которого столь фантастические убытки? Это Главное управление специального строительства. В структуре, подчиненной генерал-полковнику Косовану, ГУСС – управление № 1 и: вообще самое знаменитое в среде армейских строителей.

Епархия ГУССа – космодромы, ракетные шахты, засекреченные объекты. Впрочем, много чего еще. Возглавляет ГУСС генерал-лейтенант Анатолий Гребенюк, второй человек военно-строительного комплекса страны после генерал-полковника Косована. Властная вертикаль в ВСК выстроена таким образом, что основную роль во всех его заботах и делах Косован отводит именно ГУССу, а ГУСС под руководством начальника Гребенюка полностью подчинен Косовану.

Надеюсь, понятно, о чем речь: о том, что все финансовые потоки, входящие и выходящие из строительного главка, подчиняются росчерку пера лишь одного человека – генерал-полковника Косована. А первый их получатель – ГУСС.

Властная связка Косован – Гребенюк работает жестко и надежно, замкнув на себе основное бюджетополучение. Помимо ГУССа, есть в структуре Косована Глав-КЭУ – Главное квартирно-эксплуатационное управление. Оно на вторых ролях, но тоже очень важное в общей схеме. Рассмотрим ее на примере выполнения одного из самых лакомых гособоронзаказов 2000 года, имеющих в распоряжении ведомства Косована. Это работы по Чечне, которые, находясь под контролем высших лиц государства, соответственным образом и оплачиваются, и поэтому выгодны.

Каковы же эти работы? Строительство постоянных гарнизонов и мест дислокации войск на военной базе в Ханкале, расквартирование 42-й мотострелковой дивизии, постройка мобильных казарм...

Схема движения «чеченских» денег выбрана следующая: ГлавКЭУ назначено Косованом заказчиком работ по Чечне – естественно, и бюджетополучателем гособоронзаказа по Чечне. А исполнителем – ГУСС. Так что деньги ходят из ГлавКЭУ в ГУСС. Но не обратно. И в этом вся прелесть.

Оба управления – самостоятельные юридические лица, так называемые ГУПы, государственные унитарные предприятия, что является серьезной болезнью и даже уродством нашей переходной экономики. ГУПы, в большом количестве облепляющие различные госведомства и официальные структуры, хозяйствуют сегодня как коммерческие, однако для достижения прибыли используют основные фонды, принадлежащие государству. В нашем случае – фонды МО.

Однако из ГУССа деньги движутся еще дальше. И это тоже очень интересное «кино». По решению генерал-полковника Косована – а на нем, напомним, замкнуты все

финансовые потоки ВСК – большую часть «чеченских» денег ГУСС отправляет еще в одну структуру. Она называется «ГУСП» – писать эту аббревиатуру следует именно так, в кавычках.

«ГУСП» – это «Главное управление строительной промышленности», частная фирма. Форма собственности – акционерная холдинговая компания. А до 1997 года, когда, напомним, произошло реформирование Вооруженных сил, это был просто один из строительных главков МО. Превратившись в 97-м в частную компанию, он далеко от «мамы» (МО) не ушел: тут и пасется.

Как известно, успех бизнеса по-русски – это возможность присосаться к бюджету.

Собственно, это и есть современный портрет «ГУСПа»: он потому успешен, что успешно трудится в соответствии с планами официального бюджетополучателя, осуществляя важнейшую функцию круговорота бюджета в отечественной природе. Успешно – естественно, для себя.

Что же касается тех гигантских, фантастических убытков, с которых потянулась эта цепочка, то убытки рождены «ГУСПом» следующим образом: по решению и с соизволения генерал-полковника Косована «ГУСП» занят тем, что закупает стройматериалы, оборудование и имущество для «чеченского» военного строительства. По свидетельству военных экономистов ГлавКЭУ, возмущенных и обделенных в результате таких решений Косована: «ГУСП» закупает все материалы по завышенным ценам и у строго определенных фирм-поставщиков.

Например, песок для строительства, вместо того чтобы приобрести его на ближайшем к месту событий Ставрополье, тащат из Подмосковья, вздувая цены. Бетон – также родом из весьма далеких от Северного Кавказа территорий, к примеру, из Перми... Унитазы – будто бы итальянские, керамическая плитка – испанская...»

Только не подумайте, что в чеченской станице Калиновской, где располагается штаб 42-й дивизии, возведенный косовановцами, теперь «расквартированы» сплошь итальянские унитазы. Ничего похожего. Унитазы все те же – отечественные, если они вообще есть. Только вот цена у них, как у итальянских.

Все то же самое с бетонными плитами, песком, цементом... А даже минимальное, до десяти процентов, вздутие цен на стройматериалы дает бешеный, более двадцати пяти, процент последующей, на выходе, убыточности. И тут главное слово – «последующей». Ведь живые деньги-то за плиты, цемент и песок – здесь и сегодня... А убытки? Как в песне: «Сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду – я одна...» – мужикам – гулять, девицам – плакать. Прибыль – «ГУСПу» и иже с ним, убытки – на шею любимой Родине. А кому еще? Не себе же самим писать?

Важная деталь: сегодня в военно-строительном комплексе до такой степени все закольцовано на заместителе министра обороны Косоване, и «в целях контроля за расходованием бюджетных средств» он сам подписывает ВСЕ финансовые документы, что даже проверочную комиссию – проверочную по отношению к троице («ГУСПу», ГУССу и ГлавКЭУ) – возглавляет все тот же генерал-полковник Косован. С одной стороны, собственноручно закручивающий между ними финансовые потоки. А с другой – собственноручно же их раскручивающий с целью узнать, правильно ли они закручены... Сам принимаю решение, сам трачу, сам себе отчет пишу.

Так и выходит: убытков – за миллиард, а работа – «удовлетворительная»...

Попутно лишь одно уточнение. ГУСС и «ГУСП» заполонили своими недешевыми услугами уже не только МО. Сегодня в Чечне они возводят казармы и штабы для частей внутренних войск МВД и погранвойск. Это значит, генерал-полковник Косован и сопровождающие его «юридические лица» – монополисты «чеченского» военно-строительного рынка, осуществляющие перегон бюджетных денег, отпускаемых на МО, МВД и ФПС, прямым комммерческие структуры, а также в чьи-то карманы. Уж не в солдатские, конечно.

Опять, в который раз, происходит прикармливание «своего» олигарха как главного двигателя российского бизнеса. И как результат: и этому олигарху, и генералитету отечественной военно-строительной верхушки чрезвычайно выгодны как сами продолжающиеся военные

действия в Чечне, так и бесконечные «подрывы» силами боевиков тех объектов, которые они там только что возвели. Так *выгодно* воевать в Чечне можно сколь угодно долго – пока казна совсем не надорвется...

Самое время от общего опять вернуться к частному. А каков процент в структуре этих убытков – искусственных убытков, от завышения цен? И каков – естественных?

Позиция ВСК, выраженная полковником Федором Корабаном, заместителем генерал-полковника Косована по экономическим вопросам, однозначна: проклятые убытки не зависят от их ведомства, все они – пени и штрафы за неуплаты в бюджет, возникшие в связи с долгами самого бюджета перед ГУССом за выполненные им, но неоплаченные работы. А как

еще скажет полковник?

Однако военные экономисты, работающие в ГлавКЭУ и чувствующие себя ущемленными (деньги на ту же Чечню лишь «ходят» через них в сторону полукоммерческого ГУССа и сугубо коммерческого «ГУСПа»), уверены, что убытки – искусственные, результат намеренных действий под руководством замминистра Косована.

Когда тебе предоставляется возможность быть генералом, носить красивые погоны, копить выслугу, получать полевые, пайковые и прочая и прочая и одновременно заниматься бизнесом... Не в свободное от службы время, а прямо на рабочем месте... Бизнесмен служит интересам бизнеса, и для него самое главное – добиться прибавочной стоимости, а успешный бизнесмен – тот, который умеет через многое переступить ради получения высокой прибыли. Офицер же служит интересам Родины. А если ты и офицер, и бизнесмен? Кому ты служишь? Ведь интересы частного бизнеса и Родины далеко не всегда совпадают...

Зачем ставить людей перед подобным тяжелейшим моральным выбором – они не святые. Именно из такой идеологии хозяйственного процесса, как он сложился сегодня в военно-строительном комплексе, все вышеописанные беды и убытки в четверть произведенных в Чечне работ. Позволив госслужащим, а тем паче офицерам в

высоких чинах, постоянно манипулировать своими лицами, одно из которых сугубо коммерческое, государство подписало приговор своему бюджету. *Государственные основные фонды в этом случае используются так, что они обязаны приносить убытки. Прибыль уходит в частный карман, а порочность примененной экономической схемы очевидна.*

Трудно поверить, что, замышляя приватизацию, ее российские отцы-основатели имели в виду подобный исход. Время показало, что публичный идеолог-рыночник Чубайс сегодня тоже куда лучше себя чувствует в обнимку с бюджетом, чем без него. Как «ГУСП» при заместителе министра Косоване – локальный олигарх, так и замминистра, в свою очередь, самый что ни на есть военный олигарх. Ведь верный признак олигархии – использование государственных структур в целях обогащения и паразитирование на госбюджете. Чем сегодня ВСК и занят. Выгодное для себя социально-экономическое положение на полную катушку используя в коммерческих целях. И еще, как и положено у олигархов, требует понимания – в виде списания убытков, долгов, пени и штрафов.

Куда? На бюджет.

Есть лишь один эффективный способ сопротивления наглости олигархии – отлучение ее от дойной коровки. И тут лишь два пути. Первый – полное и окончательное разгосударствление военно-строительного комплекса, когда генерал-полковник Косован, ежели он так увлекся этим делом, уходит в частный бизнес, из которого в МО больше не возвращается. Второй – прямо противоположный: запрет структурам МО заниматься бизнесом, их огосударствление.

Логично? Да. Но идут годы, а ничего не меняется. Кремль так и не «определился». И поэтому до сих пор генералы-олигархи в силе.

Поля Чудес. Нефтяные

Если заходит разговор, по какому, собственно, поводу война в Чечне, то большинство говорит – по поводу нефти. Ее Королевское Величество Чеченская Труба и их Королевские Высочества Чеченские Скважины крутят, как хотят, жизнью сотен тысяч людей вот уже десяток лет. Кто со скважиной – тот в Чечне и прав. Кто воевал вместе с Дудаевым – потом получал в подарок от него свои скважины. Кто был верен Масхадову – скважины от Масхадова. А кто воевал и победил сейчас?

Эта традиция полностью соблюдена. Кто победил, тому и контрибуции: вышки и заветные дырки в Трубе. Дележка главного чеченского «пирога» идет полным ходом. Под надзором победителей – федеральных сил.

На далекой окраине Аргуна, где-то в пяти километрах в сторону от шоссе, пронизывающего этот третий по величине городок по пути в Грозный, – вроде бы скромный въезд в местный колхоз. Неприметная дорога, ведущая на поля. Трактор вдали, для отвода любопытных глаз. И даже кто-то что-то собирает. Ни одного военного или блокпоста.

А вот и колхозный вроде бы сторож. Он опускает-поднимает веревку с красными

флажками. Рядом с убогой сторожкой – простенькие, побитые красные «Жигули». Ничего необычного, кроме одного: в машине – полная «загрузка». Наш автомобиль молча провожают четыре пары внимательных глаз «Жигуленковых» пассажиров. Разгадка, кто тут и что делает, наступит очень скоро.

Впрочем, и мы знаем, куда едем, что ищем. Бывшая колхозная дорога между старыми грушевыми деревьями напрямик ведет к местным «золотым приискам». Через пару километров труднопроходимой, джиповой дороги – аргунские нефтяные поля чудес. То бишь откопанный магистральный нефтепровод – попросту Труба, сплошь усыпанная нелегальными врезами. Из дырок разного калибра – часть из которых мелкотравчатые, видимо, пулевые, другие же пошире – круглосуточно вытекает чеченская нефть. Она попадает в естественные отстойники – ямы разной ширины и неопределяемой глубины. На местном сленге ямы называются «амбарами». В них происходит первичная дегазация и очищение ворованной сырой нефти.

На «колхозном» поле чудес можно наблюдать весь процесс воровства нефти. Вот – старые «амбары», они сейчас сухие и «отдыхают». Дальше – совсем свежерытые, и тоже еще пустые. Похоже, лишь минувшей ночью тут кто-то производил земляные работы, и должно пройти несколько дней, чтобы земля осела – тогда и новые «амбары» включают в общую цепочку.

А вот и главные ямы – полные. Нефть в них с ярким зеленым отливом. Это означает, она уже «готовенькая», и вот-вот приедет бензовоз ее отсасывать. Но нам это наблюдать не дано. «Колхозный сторож» дал всего-то минут десять на экскурсию по полям. Тишину глухомани, окружающую таинство естественных отстойников, разрывают вертолеты. Они кружат туда-сюда над расчехленной Трубой, и знающие люди, наши проводники, советуют более не дразнить гусей – надо уезжать. Вертолет не будет спрашивать, зачем мы рассматриваем нефтяное месторождение. Вертолет будет просто стрелять. Слишком большие деньги в игре, чтобы задавать дополнительные вопросы – легче убить. Вокруг – ни души.

Уезжаем... Но и это еще не конец. Через несколько сот метров – встреча с местными «смотрящими». Это – так называемые чеченские милиционеры на белом джипе без номеров и, естественно, с автоматами. Двери автомобиля уже открыты – это подготовка к стрельбе. Бойцов, без сомнения, вызвал «сторож», и за ними быстренько сгоняли те самые красные «Жигули».

Слава Богу, случается чудо – «милиционеры» выпускают нас из своих объятий, и мы на скорости пролетаем мимо «сторожа», удивленно взирающего нам вслед: а почему мы, собственно, еще живы...

Подобные поля чудес – по всей нефтяной Чечне. А это примерно половина ее территории. Современная история чеченской нефти – это история, прежде всего, воровства. Труба откачивает «налево» столько, сколько хочешь, сколько есть сил увезти. Нелегальная нефтедобыча и нефтепереработка налажена.

Однако главная местная «конфетка» – это все-таки не поля чудес, а скважины. Главные битвы – именно вокруг них. И, может, потому и не убили за экскурсию по аргунскому колхозу, что это, в общем-то, мелочи и добыча для нефтяного «нижнего класса».

Но прежде чем пройти по скважинам, необходимо кое-что разъяснить.

Официально, согласно документам, считается, что в составе республиканского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) девять отраслей, и все находятся в государственной собственности:

- нефтегазодобывающая,
- нефтеперерабатывающая и химическая,
- нефтепродуктообеспечивающая (Нефтепродукт),
- транспортирующая нефть (Транснефть),
- газовая (газификация, трансгаз, эксплуатация),
- энергетическая,
- экологические технологии,
- топпром (твердое топливо),
- НИИ нефти и газа.

Главное в этом перечне то, что государственный ТЭК практически не работает.

Государственная, для казны, «нефтянка» – не функционирует. И в то же время – *работает всё*. Это значит: весь ТЭК перешел в нелегалы. Труба (Транснефть) находится в руках и поделена между многочисленными криминальными группировками, интересы которых охраняют чеченская милиция и федералы.

Тот, кому поручена охрана неработающих объектов ТЭК, – тоже потихоньку обогащается, расхищая их ударными темпами. Например, хотя все нефтеперерабатывающие заводы Чечни полуразрушены – там еще есть чем поживиться. Демонтаж оборудования собственными силами принял массовый характер. В основном это происходит так: ночами, когда вроде бы действует комендантский час и блокпосты должны стрелять без предупреждения в каждый движущийся предмет или тело, груженные бывшим оборудованием гражданские КамАЗы с чеченскими номерами идут по направлению к Осетии и Ставропольскому краю. Обычно колонны с ворованным госимуществом движутся под охраной федералов-контрактников, которым, в общем-то, все равно, чем промышлять.

Эти тандемы полностью структурировались: федералы плюс чеченцы-воры и образовали устойчивые орг-преступные группировки. И к новым бандформированиям не рискуют приближаться не только представители чеченской администрации, ответственные за ТЭК, но и бойцы других военных ведомств. Например, комендантские роты в Грозном, несущие ответственность за сохранность предприятий на подотчетной территории. Они боятся быть нечаянно расстрелянными, что уже неоднократно случалось.

Естественно, официальные чеченские структуры не только мрачно созерцают разгул творимого воровства. Ими предпринимались усилия, чтобы запустить хозяйственный механизм и заставить его трудиться в рамках закона. Но это оказалось столь трудным делом, что у правительства быстро опустились руки и все отложили до лучших времен – поближе к окончанию войны, а так как она все никак не кончится, процесс замер...

Пламя Цоцан-Юрта

Все скважины в Чечне сегодня кому-то принадлежат, хотя на бумаге принадлежат государству. И в зависимости от своего реального хозяина скважины в Чечне бывают двух типов: горящие и нормальные. И это всегда кому-нибудь нужно: когда одни из них вдруг неожиданно возгораются, другие тухнут, а третьи всегда стабильны.

Если со скважиной ничего не происходит, значит, ее собственник – уважаемый богатый человек, содержащий свою «гвардию», и эта собственность никем не оспаривается. Вокруг остальных, не до конца определившихся с хозяевами, идет ежедневная непримиримая борьба с применением огнестрельного оружия.

Если ехать из Гудермеса на восток, в сторону Курча-лоевского района – малой родины нынешнего главы администрации Чечни Ахмат-Хаджи Кадырова, то ты сразу понимаешь, где же, действительно, столица местного нелегального нефтяного рынка. Если в Чечне в принципе нет такой дороги, где нельзя было бы купить самопального бензина, то нефтяные ряды в Курчалоевском районе – просто у каждого дома и на каждом повороте. Бензовозы – у подавляющего большинства дворов.

Я еду по пустынной бетонке курсом на бушующий факел. Это так называемая скважина № 7 (официальное наименование) – на окраине селения Цоцан-Юрт. Она круглосуточно изливается в атмосферу злобным желто-оранжевым пламенем. Чем ближе к «семерке», тем больше торговцев нефтепродуктами вдоль дороги. И в самом Курчалое, райцентре. И в предгорном селении Новая Жизнь. Везде очевидно – рынок завален готовой продукцией, и предложение во много раз превышает спрос.

Наконец все ближе тяжкий гул, сравнимый по надрыву лишь с ревом реактивного двигателя. Любому здравомыслящему человеку очевидно, что рядом с этой стихией жить никак нельзя. Однако в окружающих домах – люди и дети. Это бедные семьи. Им некуда ехать, им даже некуда переселиться хотя бы на время.

Горящие скважины – вотчина тех бандгруппировок, которые не могут контролировать всю скважину целиком. И именно когда становится очевидной не слишком большая сила

хозяина (как правило, недостаток бойцов охраны) – он же сам скважину и поджигает (естественно, не собственноручно), чтобы на нее более никто не зарился. Аргументы, что рядом живут люди, что это подрывает их здоровье, что в сотне метров от пламени растут дети – никого тут не волнуют.

Обычно скважины взрывают федералы. Военным платит хозяин. Это удобно еще и потому, что сами себя они ловить не будут. Сельчане, живущие рядом с горящими нефтяными факелами, видят, как это происходит: федералы трудятся по заказу чеченского криминала, который пришли сюда искоренять. После того как дело сделано – группировка, по чьему заказу взорвали скважину и заставили ее круглосуточно полыхать, присасывается где-то в сотне метров от факела и устраивает там новое собственное «поле чудес», аналогичное аргунскому. Ну а коли появляются официальные вроде бы пожарники и начинают тушить скважину, для местных жителей это тоже знак: значит, объявился новый собственник – новый бандит, и он или переборол, или перекупил тех, кто присосался сбоку на поле, и даже сумел заказать тушение. Что, по местным ценам, гораздо дороже, чем взорвать.

Статистика такова: если в октябре-ноябре 1999 года – во время тяжелых боев – в Чечне горело всего три скважины, то потом, когда фронт ушел в горы и пришло время делить собственность, их стало уже одиннадцать. Еще позже – восемнадцать. Летом 2000 года число дошло до тридцати четырех. Потом несколько снизилось и установилось на стабильной отметке в 22-25, что свидетельствует об устойчивости притершегося нелегального рынка. Ежедневно эти горящие скважины выкидывают в атмосферу до 6 тысяч тонн нефти на сумму около миллиона долларов. Отсюда можно себе представить, сколько же десятков, а может, сотен миллионов оседает в криминальных кошельках, если этого одного миллиона не жалко – почти так же, как нам одного рубля. О сверхприбылях чеченского нелегального нефтяного рынка говорит и то, что вокруг всех скважин и «самоваров» (мини-заводов, кустарно перерабатывающих сырую нефть) – поля сожженного мазута. После отделения бензина в емкостях, как известно, остается мазут, одна тонна которого стоит три тысячи рублей. Но мазут в Чечне вообще никого не интересует. Его или безжалостно льют в землю (безжалостно – для земли), или сжигают – тоже не мелочатся. Естественно, воры не думают об экологическом ущербе – это не их стиль.

...Дорога от «семерки» – вся в мини-заводах, этих больших самогонных аппаратах, состоящих из двух цистерн, горелки под одной из них и нескольких трубок.

Периодически военные устраивают набеги на эти нефте-самогонные устройства, скособочившиеся у сельских домов. Они их взрывают, простреливают, курочат. Если хозяин дает деньги – уезжают. Размер «выкупа» – 5-10 тысяч рублей.

А наверх, в Москву, в Генштаб тем временем идут красивые рапорты о проведении очередной операции по борьбе с нелегальным нефтяным бизнесом в Чечне – там сообщается об уничтожении энного количества мини-заводов. Генералы хлопают в ладоши. Министры-силовики отчитываются перед общественностью об очередном успехе в борьбе с «международным терроризмом».

А в реальности? Даже уничтожая «самовары», федералы не трогают источника бандитского разгула – скважины. Они борются со следствием, настырно оставляя причину. Быть может, потому, что они заинтересованы в ней? И кое-кто имеет свою долю?

Если бы военные получили категорический приказ выставить блокпосты вокруг каждой скважины и допускать к ним только сотрудников той же «Грознефти» – поверьте, так оно и было бы. О нефтяной спецзаинтересованности людей в погонах говорит и тот факт, что в селах рядом со скважинами никогда не было боев. Тут нет разрушений. Эти населенные пункты хранят в неприкосновенности обе воюющие стороны: и боевики, и федералы. А последние приходят сюда с «зачистками», когда начинаются массовые народные возмущения в связи с варварством криминальных нефтяных группировок.

Например, лидером антикриминального движения в Цоцан-Юрте одно время считался Али Абуев, бывший глава администрации. Так вот, во время последней «зачистки» именно его и забрали. Аресту предшествовало то, что под руководством Али мужчины села замуровали проклятую «семерку» распиленной надвое цистерной – так называемой «шляпкой» (термин нелегальных мини-заводов). Али – не ваххабит, не боевик, не пророссийский, не

прокадыровский. Али был сам по себе – защитник прав своего села на человеческую жизнь. Мужественный порядочный человек.

Но послушайте федералов. Они вам расскажут, что Али был само исчадие ваххабитского ада, «друг Хаттаба», враг Москвы. И поэтому сидеть ему столько, сколько будет длиться война в Чечне. Когда просишь доказательств, отвечают: «У нас – спецсообщения агентов». То бишь доносы подлецов, желавших свести усилия Абуева на нет.

Али арестовали, скважина вспыхнула, появились врезы в Трубу, земля вокруг нее оказалась изрыта котлованами-отстойниками, материализовались «самовары». Жизнь в Цоцан-Юрте опять вошла в бандитскую колею.

Подходи, не скупись

Последнее звено нелегального чеченского ТЭКа – биржа. На выезде из Цоцан-Юрта, как и в довоенные, масхадовские, времена, работает знаменитая нефтяная биржа у кафе с названием «Ислам». Здесь – перевалочная база. Сюда свозят нефть и нефтепродукты и сбывают оптовикам. Прямо на виду у блокпоста, который в ста метрах от этой биржи.

Ее существование, конечно же, признак развития рыночной цивилизации. Однако в нынешнем чеченском варианте это скорее симптом структурирования нелегального базара и в какой-то степени привет из мирной жизни. «Человек-оркестр» – тот, кто нефть качал, перерабатывал и продавал – остался в прошлом. Сегодня в Чечне одни люди следят за врезами в Трубу, отстаивают нефть и следят, пока ее можно будет отсосать из «амбара». Другие везут к месту продажи – на биржу. Третьи забирают оттуда на переработку. Четвертые заняты исключительно перегонкой. И наконец, есть сбытчики-оптовики конечного продукта. Одни из них предпочитают биржу под бдительной охраной близлежащего блокпоста, другие развозят товар по мелким торговцам – что считается доходным, но опасным делом, поскольку в каждом селе свои нефтяные «смотрящие»-рэкетеры, причем не от одной «фирмы» (банды). А значит, надо платить сразу нескольким.

Обычно – это не менее трех карманов. Один – блокпост на въезде в село. Второй – внутренний сельский

криминал, паразитирующий на оптовиках. Третий – блокпост на выезде (разные блокпосты охраняют разные подразделения). Размеры «таможенных сборов» варьируются в зависимости от целого набора причин: где находится село – близко ли от мест продолжающихся боев или нет, насколько это крупный населенный пункт – а значит, каково число возможных розничных торговцев...

Кто богатеет?

Как сказал один из вновь назначенных чеченских чиновников, потребовавший ни при каких условиях не упоминать его фамилии, а лучше всего – забыть на века: «Каждую ночь из Чечни нелегально вывозят тысячи тонн нефти и нефтепродуктов. А мы не можем канцтоваров купить...»

Современная Чечня – это бесконечная кровавая дележка скважин и полей чудес, но от этого республика ни на йоту не обогащается. У нее нет средств ни на что: ни на восстановление промышленности, ни на строительство жилищ для бездомных. Ее нефть служит кому угодно, только не ей самой. Кризис углубляется еще и тем, что экономический хаос в Чечне мало того что искусственно создан, но и старательно поддерживается из Москвы. Тут до сих пор нет ни одного функционирующего коммерческого банка. Ни одного легального источника финансирования. Все «нефтяные» деньги – в чулках или вне Чечни. А попытки наладить законную финансовую систему упираются в откровенный саботаж высшего федерального чиновничества. Москве выгодно, чтобы как можно дольше в Чечне не было не только банков, но и налоговых органов и, как положено, работающих судов и гражданской прокуратуры. Чтобы нефтяные сверхдоходы плыли в нужном им направлении и не было ни одного

государственного кордона, который изменил бы вектор в сторону казны.

Совершенно ясно, что все вышеописанное может существовать только при соблюдении двух условий. Первое – должна быть «крыша». (Она есть – это сами федералы.) Второе – нужно не допускать, чтобы официально назначенные органы управления нефтекомплексом Чечни работали. (Достигнуто.)

Если вам будут говорить, что вся проблема нефтяного беспредела – во временных проблемах смены власти и укрепления новой чеченской, не верьте. Проблема – именно в саботаже. Упорном нежелании Москвы – правительства, высших должностных лиц государства, Генштаба – навести порядок в хозяйстве.

От Чечни из Москвы требуется одно – поддерживать беспорядок. Бардак тут коммерчески выгоден, управляемый хаос приносит куда большие дивиденды.

Поэтому идут бензовозы – днем и ночью. Блокпосты им салютуют. Вот и вся война. Тысячи жизней уже отданы за то, чтобы у скважин и Трубы всего лишь сменились хозяева. И многим еще предстоит их отдать в борьбе за дело нефтяной революции в Чечне. Цена вопроса – миллионы долларов.

Дети-детишки, девчонки и мальчишки...

Внешне вроде бы все неплохо и даже победно-красиво: вот пошел поезд Гудермес-Москва... Вот открылось хирургическое отделение железнодорожной больницы, полностью оснащенное – в кой-то веки с начала войны... Вот новые комбайны закуплены к весенним полевым работам – когда подобное вообще случалось с 94-го года? Чечня получила свой бюджет – совсем как остальные российские регионы, и это тоже впервые за десять лет. Зарегистрирован первый коммерческий банк – неважно, что он так и не работает, но все-таки зарегистрирован. Из Москвы вышли деньги на погашение «бюджетных» зарплат за 2000-й и 2001-й годы. У новой чеченской власти – уже целый список достижений во имя спокойствия измученного войнами народа.

Однако... Эти успехи не благодаря, а вопреки. И часто первые саботажники мирной жизни – не кто иные, как многочисленная армия нового чеченского чиновничества в районных и городских администрациях, получающая должности по принципу кумовства, откровенно не желающая работать, но весьма заинтересованная, чтобы военная неразбериха продолжалась как можно дольше. Суть их жизни – приписки, подлоги, обман, вопросы без ответов, спекуляция на всем, чем можно, включая то, на чем спекулировать никак нельзя.

По документам, Курчалоевский дом-приют для детей-сирот «работает с 15 апреля 2001 года». «Работает» – это значит, там живут сироты? Мне кажется, именно так стоит понимать эти слова.

20 апреля 2001 года все двери бывшего детского садика на улице Ленина в райцентре Курчалой, где, соглас-

но официальным справкам, располагается приют, – оказались плотно заперты. Подошедшие на шум люди послали за тем, кого тут называют директором, – Ибрагимом Яхьяевым. По документам, он – очень опытный человек, с 23-летним педагогическим стажем. Вскоре появляется Яхьяев. Мы знакомимся. И разговор у нас получается очень странный – вроде глухого с немым.

Где же дети?

– Дома...

– А зачем приют тем, у кого, выходит, есть дом? Директор молчит и хлопает глазами, будто не понимает, о чем я.

– Покажите, пожалуйста, списки сирот, которые у вас живут с 15 апреля.

– Вот.

– Но тут нет ни одного адреса, где дети сейчас находятся.

– А зачем адреса?

– Познакомьтесь с теми, кто уже числится на государственном обеспечении.

Директор опять хлопает глазами и рассматривает потолок. Как двоечник, ожидающий, что вот-вот раздастся звонок, урок закончится, и единственное, что надо, это потянуть время.

Директор-«двоечник» бросает взоры на своих заместителей, и те затягивают известную песню: «Поскорее уезжайте, вам тут небезопасно. Тут бандиты. Федералы то и дело налетают. Убьют вас...»

– Пожалуйста, найдите поскорее кого-нибудь из детей этого списка. Приведите сюда.

– А зачем? – Надо!

Ждем. Наконец приводят трех крошечных девочек. Сначала директор уверяет, что по-русски они совсем не говорят. Но девочки маленькие и наивные, хитрить, как взрослые, еще не способны, и очень быстро выясняется, что русский они знают. Жмусь и мнусь, как бы поаккуратнее спросить у сирот, что случилось с их мамами и папами, – неудобно беречь раны. Но когда решаюсь, девочки начинают радостно улыбаться, лопотать и объяснять. Мамы, выясняется, у них живы и здоровы.

– А где живете?

– Дома. У дедушки с бабушкой.

Вот тебе на! Но директор Яхьяев и глазом не моргнул, будто так и надо.

– Вам не кажется это странным?

Молчит, жмет плечами. Ни «да», ни «нет». Тертый калач.

– А где оборудование, оплаченное из государственного бюджета и выданное вам по накладным еще 10-го и 13 февраля?

– На складе.

– Пойдем на склад. Покажите.

– Это у меня дома.

– Склад? Дома?

– Так верней – не пропадет.

– Ладно, пойдем домой.

И тут на директорском лице появляется совершенно неуместная довольная улыбка.

– Невозможно! – весело говорит директор, чувствуя, что победил и назойливые люди сейчас обязательно уедут не солоно хлебавши.

Но я настаиваю. Требую. Оказывается, дом недалеко, в селе Гельдекен, а там сейчас – «зачистка», значит, все дороги закрыты, значит, война – ура! – спасла от осмотра дом «сиротского» директора с большим педагогическим стажем. Дом, по всей видимости, похож на авиационный ангар, поскольку в нем должны укрываться от лишних глаз, согласно накладным, 15 кроватей (двухспальных, судя по цене), 26 обеденных столов, 40 тумбочек, 48 мягких стульев, 40 ватных одеял, 40 покрывал, 40 ватных матрацев, 100 комплектов постельного белья, 40 подушек, 150 полотенец... И много чего еще.

Директор облегченно и спокойно улыбается. Его спасли бойцы Смоленского ОМОНа, охранявшие блокпост на въезде в Гельдекен, – никого чужого туда не пропустившие и по-братски обнявшиеся с директором, им что-то тихо объяснившим.

Так в Чечне происходит повсеместно. «Чиновничья» заинтересованность в войне – один из сильнейших стимулов к ее продолжению. Ничуть не меньший, чем у

генералитета Ханкалы (Объединенной группировки сил и войск на Северном Кавказе) и Генштаба в Москве. Офицеры в средних чинах, стационарно находящиеся на окраинах чеченских сел, вступают в весьма заинтересованные отношения с мелким местным чиновничеством – и им дружно надо, чтобы никто не совался в их небольшую, но плодоносную епархию. А для этого есть отличный местный метод – никому не подконтрольные «спецмероприятия» или «зачистки», которые можно объявлять, когда надо, когда требуется «закрыть» тот или иной населенный пункт.

Вот и вся разгадка. Где сиротские столы и двухспальные кровати, никто не знает. И, боюсь, не узнает. Есть в истории с Курчалоевским детдомом еще одна характерная для чеченской жизни деталь. Директор Яхьяев потому назначен и потому непотопляем, что он – протеже главы республики Ахмат-Хаджи Кадырова. Яхьяев и Кадыров – то ли хорошие знакомые, то ли дальние родственники. Именно таким образом происходит подавляющее большинство сегодняшних назначений в Чечне. Не надо иметь соответствующего образования, опыта, знаний – востребовано лишь кумовство. И если уж тебя протолкнули на должность, ты обязан делиться тем, что плывет в руки. Обеденными столами, постелями, одеялами...

В том же духе происходит в Чечне даже выплата детских пособий – этих жалких пятидесяти восьми рублей с копейками, – методом «50 на 50». Оставляешь «ответственному лицу», допущенному до бюджетной кормушки, половину – и радуйся на остальное, мамаша... Не желаешь – так иди с Богом. Бизнес под кодовым названием «50 на 50» развился невиданно. Любому чиновнику, имеющему отношение к бюджетным деньгам, предлагается делиться с кем-то из других влиятельных чеченцев. И быстро доходит до циничного «50 на 50» с детскими пособиями, «50 на 50» со средствами на протезирование инвалидов, «50 на 50» в распределении лекарств по больницам (половина – больницам, половина – для реализации на рынках)...

Главное в этом методе – чтобы все шло без проверок, а значит, лучшего фона для грабежа, чем война, не

придумать. Подавляющее большинство нового чеченского чиновничества, сложившегося вокруг военных властей, мечтает как можно дольше сохранить положение «ни мира – ни войны». Мутная водица – вот самый выгодный чеченский промысел сегодня. Под шумок обстрелов тут возможно все, что хочешь: и нелегальный нефтебиз-нес, заполонивший Чечню, и пресловутые «50 на 50», и гуманитарка на рынках, и лекарства, пришедшие в республику как бесплатные, но теперь продающиеся в частных аптеках, принадлежащих сотрудникам Минздрава и их родственникам... Всем им – и многим военным начальникам, и гражданским подпевалам при них – не надо, чтобы жизнь наладилась: чтобы открывались банки (их так и нет), чтобы платили зарплату, чтобы народ во что-то поверил.

Это называется просто – саботажем. Наглое бесцеремонное воровство, когда расправиться с упирающимся или особо дотошным – проще простого. Опять же исходя из военных условий вокруг. Лишь сбегать в ФСБ – и настучать. Приди в любое село, и тебе покажут, кто стукач и почему. И военные, и многие гражданские развращены войной донельзя. Образовалась гремучая смесь: Чечня военная – там, где правит кулак, зиндан и автомат, – наслоилась на Чечню якобы мирную – где предпочитают обман, кумовство и бесконтрольность.

«Западники» и «востоковеды»

Осень 2001-го. Армия постепенно втягивается в уже третье военное межсезонье и готовится обняться с третьей окопной зимой. Почему так долго? Кто противостоит армии в Чечне? Какие события происходят в стане, противостоящем федеральным военнослужащим? Как чувствуют себя так называемые полевые командиры? Чего они хотят? И если большинство из них дали деру в сопредельные государства, «спасаясь бегством ради будущей борьбы», и тем самым цинично подставили под уничтожение ту часть своего народа, которая никакого бегства себе позволить не в состоянии, кто все-таки воюет против? И в чем интерес?

«Старички»

Среда, именуемая чеченскими полевыми командирами, сегодня лишь условно может считаться таковой. Многие с громкими недавно фамилиями и званиями бригадных генералов превратились в имярек, окруженных собственной охраной, дело которой – заслонить собой охраняемое лицо, но не воевать.

Отсюда первый вывод: «отряды» этих полевых командиров вряд ли способны к полноценным боевым действиям. Впрочем, недооценивать происходящее тоже не стоит. Да, некоторые бывшие крупные формирования сегодня сократились до минимума, но это не означает, что они неспособны разрастись, когда потребуется. «Бригадные генералы» сейчас без войск, но завтра они имеют шанс превратиться в лейтенантов при собственных взводах.

О механизме такого разрастания – позже, а пока пройдемся по персоналиям – полевым командирам первого, дудаевского, призыва борьбы за независимую Ичкерия. Это прежде всего сам Масхадов, Гелаев, Арса-нов, Басаев, а также примкнувший к ним Хаттаб.

Основная черта сегодняшнего характера Масхадова – молчанка. Не пауза, выдерживать которую бывает и полезно, и мудро, а упорное молчание, выдаваемое за военную хитрость. Что,

конечно, совсем не так. Осенью 99-го по чеченским дорогам из республики шли потоки беженцев, Грозный готовился к штурму, через села проходили отряды, именующие себя Соппротивлением, после чего на головы сельчан сыпались бомбы и ракеты. Тогда Масхадов хотя бы внятно излагал свои взгляды на происходящее. Теперь – иное. Война Масхадова стала немой, он предпочитает молчать всегда и по любому поводу-и народ недоумевает... Масхадов забыл свой страдающий народ? Предал его? Или Масхадову просто нечего сказать по большому кругу вопросов?

У этого странного, на первый взгляд, поведения есть свои веские мотивы. На четвертом году войны Масхадов уже никому не главнокомандующий, хотя и президент с подтвержденной легитимностью. И ему это отлично известно. Так о чем ему говорить? Все бывшие полевые командиры сегодня дышат в разные стороны, их взгляды и мироощущения не совпадают.

Разногласия внутри среды были ощутимы и в начале нынешней войны – достаточно вспомнить хотя бы знаменитый отборный мат Масхадова, когда ему стало известно о походе Басаева на Дагестан, и ответную наплевательскую реакцию Басаева. Сейчас все лишь усугубилось: пропасть, разделяющая большинство из выживших командиров, столь глубока, что многие из них даже неспособны сесть за один стол. И Масхадов с Басаевым, и Гелаев с Масхадовым, и Арсанов с Басаевым. Какую пару ни возьми – это люта я ненависть друг к другу, претензии и вечные подозрения в связях с ФСБ. В «дружеской» связке находились разве что Хаттаб и Басаев, но основа их сердечного мезальянса – деньги и «легитимность»: Басаеву требовались заграничные деньги Хаттаба, а теперь – любого другого, кто встанет на его место, Хаттабу – встроенность Басаева хоть в какую-то чеченскую реальность, поскольку иных возможностей у Хаттаба не было.

Итак, «по ту сторону» баррикад – раскол. «Утки» же, периодически вылетающие из некоторых СМИ о якобы имевших место кое-где у нас порой «слетах» полевых командиров с целью «выработки единой стратегии и тактики», – не более чем дезинформация. Во-первых, федеральных спецслужб, когда надо в очередной раз оправдать собственное существование. И во-вторых, полевых командиров, крайне заинтересованных хоть в таком поднятии рейтинга и имиджа.

Впрочем, это побочная, хоть и любопытная тема: как интересы спецслужб затейливо сливаются с интересами противоположного «берега». Главное сегодня в другом: по какой линии пролегает раскол и что это несет обществу и миру?

Басаев против Масхадова

Не стоит думать, что полевые командиры переругались между собой из-за дурного характера и трудных условий горного обитания. Их раскол куда более серьезен, потому что принципиален. Он связан с представлениями о будущем Чечни. И конечно, о деньгах: откуда их брать?

Итак, часть полевых командиров может быть условно причислена к так называемым «западникам». Другая – к «востоковедам», или «арабам». «Западники» с надеждой смотрят прежде всего на Европу и весь иной западный мир. Они стремятся добиться применения к Чечне европейских правил общежития, ориентированных на права человека в их традиционном западном понимании, апеллируют к Совету Европы и международным правозащитным организациям. Отсюда и стратегическая цель – Международный трибунал для тех, кто совершил в ходе войны преступления, сбор материалов для будущих судебных разбирательств, аналогичных тем, под каток которых попал бывший югославский лидер Милошевич.

Первый человек на этой стороне – Масхадов. По взглядам к нему отчасти примыкают Гелаев (что не мешает им продолжать испытывать ненависть друг к другу) и Арсанов. Последний, впрочем, «западник» «от противного» – совсем не в связи с европейской ориентацией, а от неприятия ваххабизма и арабской линии Хаттаба. Как известно, Арсанов – сторонник дальнейшего развития именно чеченских традиций жизни, и, значит, пришлые исламские экстремисты, покусившиеся на них, ему близки быть не могут.

Другая сторона чеченской военно-политической верхушки, объявленной в федеральный

розыск и так ему и не подвергнутой, – это, условно, «арабы». Те люди, которые связывают свои планы прежде всего с Арабским Востоком. Они уверены, что дальнейшая исламизация Чечни по арабскому образцу с неизбежным отходом от старых чеченских обычаев – несомненное благо, которое заодно с воспитанием душ населения в определенном стиле принесет в разрушенную республику немалые ближневосточные и арабо-африканские деньги. И эти средства – что важно – первым делом потекут в карманы лидеров «восточного» альянса, а не Масхадова.

Самые известные и рьяные представители этого клана – Басаев и Хаттаб. И если вторым все предельно понятно – он просто дикарь, то первый из той породы, кто из-за денег готов на все, и эта черта басаевского нутра ни для кого давно не секрет – и в ближайшем окружении, и за пределами его.

Довершает картину «арабского» крыла Мовлади Удугов – именно он обслуживает эту идеологию. Тот самый циничный Удугов, выигравший первую чеченскую информационную войну, но теперь давным-давно сбежавший из Чечни, получивший ПМЖ в Катаре и руководящий оттуда известным интернет-сайтом caucah.org. Сюда можно забредать разве лишь с целью посмеяться над подзабытым советским стилем пропаганды. Кстати, одна любопытная деталь, позволяющая понять, насколько велики разногласия между «западниками» и «арабами»: на этом самом сайте из биографии Басаева убраны все упоминания о роли Масхадова в чеченской истории послед-

него десятилетия, в этой истории имеется только Басаев, предстающий в образе безусловного лидера чеченского народа.

Смешно, конечно, однако это проявление чрезвычайно несмешных обстоятельств. Пока командирскую верхушку захлестывает конфронтация, «боевую» погоду делает «середина», «прослойка» – она реально воюет, минирует, взрывает и обеспечивает бесперебойный поток похоронок.

Кровники

«Середина», или «третья сила», нынешнего чеченского военно-политического пасьянса – это большое число небольших отрядов и мелких групп, вставших под знамена уже в ходе войны ради исполнения своего личного и, как правило, конкретного плана мщения за убитых и исчезнувших родственников. Принцип рождения таких формирований один: их тем больше, чем больше обиженных и униженных.

Суть их действий лучше всего характеризуется современными ханкалинскими терминами: «точечные удары» или «адресные зачистки». Они созданы ради уничтожения тех, кто уничтожил их родных.

Члены мелких отрядов не хотят серьезной координации между собой, им не требуется никакого высшего руководства. Поэтому они не басаевцы, не масхадовцы, не гелаевцы. Они сами по себе. И это принципиально: у них собственная война против собственных обидчиков по собственным правилам, которые плохо поддаются учету и контролю в противовес, например, относительной предсказуемости Басаева, Хаттаба и даже Масхадова, Арсанова и Гелаева.

У «третьей силы», конечно же, есть свои командиры. Но, во-первых, их имена никому ничего не скажут, поскольку отряды – «дети войны». Они родились из числа тех, кто ранее никогда не собирался воевать и даже ждал прихода армии в качестве освободительницы от ваххабитского плена, и лишь методы, выбранные федералами

для ведения так называемой «антитеррористической операции», заставили их идти другим путем. Ну и во-вторых, большинство отрядов перестанет существовать в тот момент, когда их личный план мщения будет исчерпан. И уже, собственно, перестали существовать. Другое дело, что их место занял кто-то другой, узнавший, от чьих рук погибли их сын, брат, отец...

Как вооружается «третья сила»? Откуда деньги? Очевидно, что не из-за рубежа, как у хаттабовских или басаевских формирований.

Мелкие отряды кормятся прежде всего от военнослужащих внутри самой Чечни, оказывая им различные услуги и участвуя в их коммерческих проектах. Например, помогают федералам

сопровождать ночные рейсы нефте-наливников и грузовиков с цветными металлами. Подчас выполняют весьма конфиденциальные поручения – это когда интересы совпадают. Один из отрядов, например, был создан членами одной из самых влиятельных в Чечне семей для ответного удара по Гелаеву и его людям за их коварный обман и последующий расстрел нескольких членов этой семьи в Курчалое (эта история есть в книге). Так вот, этот отряд сейчас находится под крылом подразделения ГРУ, дислоцированного в Старопромыс-ловском районе Грозного. Бойцы живут в его казармах, стоят на довольствии, имеют оружие – все, как положено. Причиной слияния воедино стала одна из задач данного подразделения ГРУ – ликвидация Гелаева и его сподвижников. Лучших помощников, чем кровники, тут не найти.

Впрочем, ни в коем случае нельзя утверждать, что отряд состоит на службе у ГРУ, это будет неправдой. Зато вполне можно говорить, что сегодня в Чечне образовался «клуб по интересам» (аналогичный нынешнему афганскому): это крепкий и вязкий конгломерат вооруженных до зубов людей, состоящий и из боевиков (разряда «народных мстителей»), и из федералов, заинтересованных друг в друге и поддерживающих друг друга материально, несмотря на то, что вроде бы числятся они по разные стороны невидимой линии фронта.

Можно все это назвать, конечно, и по-другому: тайным спонсированием внутривеченской гражданской войны в связи с антитеррористической необходимостью. А очень бы хотелось противоположного, чтобы имела место поддержка исключительно внутривеченского диалога... Но мы не на облаке сидим. В любой спецслужбе мира вам выдадут как аксиому, что куда лучше уничтожить врага чужими руками, чем своими...

Вышеописанная «идиллия» (гэрэушники + кровники Гелаева) для Чечни, конечно, не рядовое событие. Так бывает редко. Большинство отрядов «третьей силы» ищут своих личных врагов среди федералов. Ищут – и находят. И тогда случаются покушения на вечерней дороге, фугасы, подрывы, камикадзе. Официально их приписывают басаевцам, гелаевцам и т.д. А на самом деле это демонстрирует свою серьезность «третья сила», с которой теперь уже нельзя не считаться. Ее много, и она тоже смотрит в какую-либо из сторон. И стоит подумать: к кому же она примкнет.

Исходя из опыта личных встреч представляется, что большинство мелких отрядов и групп сегодня скорее «западнического» толка, чем «арабского». Басаева, как и Хаттаба, они не приемлют, живя, что называется, «по-чеченски». Это означает вполне простые вещи: если Масхадов наконец проснется и продемонстрирует свою решимость, то поддержка многих из «середины» ему будет обеспечена и это закончится уже не вылазкой в Гудермес, а куда более серьезными боевыми действиями.

Игры в русскую рулетку

Чем же отвечают на весь этот раскол и расклад наши спецслужбы, работающие в Чечне? Эти многочисленные секретные подразделения, высокообразованные офицеры, ФСБ, ГРУ и т.д. и т.п. Естественно было бы предположить следующее: во-первых, если мы действительно хотим расправиться с Басаевым и Хаттабом (или с кем-то, кто заступил на его место) как с международными террористами, то внутривеченский раскол должен быть использован для этого на полную катушку. Тем более что есть все необходимые естественные условия. И во-вторых, нужно сыграть на стороне «западников». Наверное, так бы действовали все спецслужбы мира для достижения безопасности своего народа.

Все, да не все... Наши спецслужбы в Чечне демонстрируют «любовь» с «арабами». Категорически отвергая возможность переговоров с Масхадовым, они оказывают поддержку тандему Басаев-Хаттаб. Зная, что Басаеву, например, такая помощь крайне необходима. Дело в том, что его внутривеченские позиции – хуже не бывает. Чеченцы-«западники», придя к пониманию необходимости хоть какой-то консолидации против «арабов» ради сохранения нации, пытаются образовать некую пусть эфемерную, но все же коалицию типа «дружба против». Они даже сумели выставить перед Басаевым несколько категорических требований. Главное из которых – Басаев должен собственноручно покончить с Хаттабом (покончил не он), это перережет финансовую пуповину с арабским миром (не перерезало), а смерть Хаттаба

станет единственно возможным «коридором» для возврата самого Басаева в лоно и чеченской традиции, и военно-политической жизни на относительно равных с другими условиях (не стала). Альтернатива в случае отказа «западникам» – неминуемая смерть. Естественно, вместе с Хаттабом.

Когда ультиматум Басаеву стал очевиден, спецслужбы ринулись не к Масхадову, чтобы помочь ему в уничтожении Басаева, а самому Басаеву – дабы он не рухнул. Например, он получил информацию о времени доставки больших сумм «федеральных» денег в Гудермес (с чего и начались события 16 сентября – штурм Гудермеса). Его люди получили соответствующие коридоры для «путешествия» в Гудермес и обратно. По некоторым сведениям, не обошлось и без помощи оружием. Что все это значит? Только одно: мир в Чечне не нужен тем, кто дергает за ниточки этой войны.

В Кремле продолжает сохраняться ориентация на управляемо тлеющий конфликт на Северном Кавказе как главный политический резерв верховной власти. А уж лучшего соратника в этом деле, чем Басаев, право, не найти. Он, как и Хаттаб, – главный гарант возникно-

вения боевых очагов в Чечне. Нужно подкрепить американскую трагедию Гудермесскими событиями? Пожалуйста... Десятки погибли? Ну и что... Так ведь рулетка!

...Наступил март 2002 года. По Чечне пополз слух, что Хаттаб выведен из игры теми, кто его туда впустил, – спецслужбами. И что? Действительно, вскоре ФСБ объявила, что «Хаттаб скорее мертв, чем жив». Потом то же самое сообщили и о Басаеве.

И что?

Ничего. Мир в Чечне, наступление которого так долго обещали военные, как только им удастся справиться с этими «культовыми фигурами», – так и не наступил. Партизанская война мстителей продолжается. «Зачистки» тоже. Каждый день – трупы, трупы, трупы.

Цена кресла генсека оон – Чечня

Май 2001 года подарил новое доказательство того, до какой степени глубоко во времена Путина мы увлеклись реставрацией времен Брежнева. Как только влиятельная международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) обнародовала доклад лишь об одном из сотен массовых захоронений гражданского населения в Чечне, приурочив его выход в свет к прилету в Москву генсекретаря ООН Кофи Аннана, и потребовала усилий международного сообщества, в первую очередь, конечно, ООН, для проведения полноценного расследования – тут-то и поднялась волна кремлевских опровержений, гневных откликов и отповедей, а высокопоставленные чиновники, обычно бегающие от телекамер, скоренько нашли время, дабы поделиться информацией, что «ничего похожего нет».

С чего это вдруг власть так нервно заерзала на стуле, будто ей кнопку подложили? И можно ли вообще считать такой «кнопкой» визит генсекретаря Аннана? И почему, в конце концов, высший ооновский дипломат промолчал там, где это было неприличным, исходя из занимаемого им поста, и требовались хотя бы человеческое сочувствие да пара пусть протокольных, но все же слов о необходимости обуздать военную преступность в Чечне?

Нет сомнений, мы присутствовали при заключении бизнес-сделки на человеческих костях. Это был выгодный, с профитом для каждого, контракт двух «высоких сторон»: Кремля и первого лица ООН.

Но при чем здесь тогда нервозность? Это мельтешение с комментариями придворных лгунов? Все вполне логично. Первая нервическая реакция была связана с тем, что российская сторона, не будучи до конца уверенной в «его превосходительстве», крайне опасалась, что сделка в последний момент, после доклада HRW, сорвется.

Однако обо всем по порядку. Сначала – главные положения доклада правозащитников, который представляет собой очень детализированный, почти прокурорский текст о массовом захоронении, обнаруженном в январе-феврале 2001 года недалеко от Грозного и через дорогу от Ханкалы, главной российской военной базы в Чечне. Общее число обнаруженных там трупов – 51. Как удалось обнаружить это массовое захоронение? Информация о первом из трупов – Адама Чимаева (исчез 3 декабря 2000 г.) – попала в руки семьи Чимаевых в результате

коммерческой сделки: родственники выкупили координаты захоронения у офицера, имевшего отношение к охране Адама, когда он находился на территории военной базы, за сумму в 3000 долларов (в рублевом эквиваленте). После произведенной оплаты семье было позволено забрать труп.

Дальше по Чечне пошел слух об этом, и в Дачное хлынули родственники других бесследно исчезнувших чеченцев. В результате 19 тел были идентифицированы. Но 32 – нет, и 10 марта 2001 года, без предварительной огласки, неопознанные трупы были захоронены военнослужащими без сохранения положенных в таких случаях биопроб. В своем докладе HRW приводит многочисленные свидетельства о поведении прокуратуры, российского правительства и президентских структур в этот момент, называя его неадекватным.

Российская власть не желала никаких выяснений дела о массовом захоронении, полностью отрицая, что это дело рук военнослужащих. Но правозащитники «выписали рецепт» и международному сообществу – оно также оказалось глухо к трагедии Дачного. США, Евросоюз, Европарламент и ОБСЕ фактически сделали все, чтобы затушевать эту историю, а Алваро Хиль-Роблес – главный европейский комиссар по правам человека – слетав на инспекцию в Чечню сразу после обнаружения захоронения (27-29 февраля), даже не посетил Дачное и не встретился с родственниками опознанных. Кроме того, HRW дает разъяснения, какие основополагающие документы ООН Россия нарушила и как ООН, фактически получив плевков, это дипломатично не заметила.

Резюме доклада – возобновление расследования по массовому захоронению в Дачном обязательно. Для чего должна быть срочно создана специальная международная комиссия, первое дело которой – эксгумация тридцати двух спешно захороненных неопознанных трупов силами Международного Красного Креста, группы содействия ОБСЕ, экспертов Совета Европы, представителей Комиссии по правам человека ООН. Фактически позиция НК\У – установление в некотором роде международного протектората над дальнейшим расследованием трагедии Дачного.

Чтобы понять реакцию Кремля и генсекретаря Анна-на на такие эскапады, приглядимся повнимательнее к тому, что происходит в ООН образца весны 2001 года. И прежде всего к самому Кофи Аннуну. Возможен ли в принципе подобный международный протекторат в Чечне под эгидой ООН? Что может генсекретарь?

Надо сказать, когда доклада HRW еще не было и в помине, равно как и общественного скандала, с ним связанного, «Новая газета» уже пыталась найти ответ на те же самые вопросы в Нью-Йорке, причем непосредственно в штаб-квартире ООН. Более того, в самых что ни на есть дипломатических кулисах-кулуарах – комнате отдыха между заседаниями Совета безопасности, где варится международная «гуманитарная» политика. Естественно, в эти скрытые от посторонних глаз места корреспондента «Новой газеты» провели и представили «кому надо» нелегально. И тому, кто это сделал по нашей просьбе, огромная благодарность, поскольку пошел он на это именно потому, что знал вопросы, меня интересующие, истинную цель и причину нелегального проникновения в кулуары Совбеза. А именно: что может сделать ООН для разрешения тяжелейшего чеченского кризиса? Как остановить непрекращающиеся страдания гражданского населения в Чечне? Каковы реальные, не паркетные, настроения в Совбезе? Возможен ли международный протекторат?

Эти вопросы родились не случайно, а из огромного объема информации о реальной обстановке в Чечне – не той, что старательно вырисовывают помощники в бумагах, подаваемых президенту, и не той, что полита розовым сиропом теленостей. За этими вопросами – одна-единственная движущая идея: как остановить войну и прекратить массовые нарушения прав человека в Чечне? А также разложение армии, стремительно теряющей человеческий облик.

Моя позиция, основанная на обсуждении десятков вариантов мирного урегулирования с сотнями жителей Чечни – и простых, и занимающих какие-либо посты, живущих и в Грозном, и в селах, и равнинных, и горных, – сегодня такова: в ситуации, как она сложилась к весне 2001 года, без международного протектората обойтись уже невозможно. И хотя сегодня официальная Москва не желает даже думать в подобном направлении, считая его унижительным для себя, такой исход неизбежен. Третья сторона необходима как воздух – ей

предстоит развести на время противоборствующие стороны (а сегодня это отнюдь не боевики и федералы, как уверяет официальная кремлевская пропаганда, а федералы и гражданское население), утихомирить страсти, насколько это возможно, и повести дело к смягчению позиций.

Но вернемся в Нью-Йорк, в Манхэттен. Большинство опрошенных дипломатов, работающих в Совете безопасности ООН, от которого зависит введение миротворческих сил ООН в любой из регионов, сошлись во мнении, что «провести вопрос» практически невозможно. Для направления миротворческих сил с мандатом от Совбеза требуется согласие двух противоборствующих сторон. В данном случае гражданское население, принимающее на себя ежедневный удар нарушений прав человека, не может быть признано в соответствии с документами ООН одной из таких «противоборствующих сторон». Ну а о «согласии» российского правительства говорить, конечно, не приходится.

Однако есть и другой вариант получения мандата ООН на подобный протекторат: так называемая «силовая операция по установлению мира», предусмотренная седьмой статьей. (Именно по этому официальному протоколу протекали памятные события в Ираке и Югославии, завершившиеся спустя какое-то время большими неприятностями для США, лишившихся места в Комиссии по правам человека ООН.) Если суметь подвести чеченский кризис под седьмую статью, уверяли совбезовские дипломаты, то согласие «противоборствующих сторон» не потребуется.

Но Ирак и Югославия – это не Россия. Ирак и Югославия – просто члены ООН, в то время как Россия – постоянный член в Совете Безопасности с правом вето. Решение по седьмой статье принимает Совбез. И это значит, вносить в Совбез подобные предложения можно кому угодно и сколько душе угодно, но обсуждение их будет длиться вечно, а результат предопределен точкой зрения российского правительства. Не хочет Россия – не может Совбез.

Большинство дипломатов, работающих в Совбезе, пришли к одному-единственному выводу: вариант с миротворческой деятельностью ООН в Чечне исключен, и не надо тешить себя иллюзиями. Единственный, кто может повлиять на ситуацию и помочь выйти из тупика, – это лично генеральный секретарь ООН.

Далее – речь о Кофи Аннани. Можно ли на него надеяться? Именно этот вопрос был задан дипломатам Совбеза. И уже тогда, в конце апреля, они говорили о сценарии, воплощенном позднее в Москве: Кофи Аннан абсолютно глух к положению с правами человека в Чечне (а значит, и к докладу НКУ). Кстати, то были не просто дипломаты третьего звена, а работающие под непосредственным руководством Кофи Аннана, и они уверяли, что ему сегодня все равно, кто и как страдает на крошечном пятнышке планеты, раз этот пятнышек располагается на территории Российской Федерации. Ему важно другое: остаться на второй срок генсекретарства. Любой ценой. В нашем случае цена – Чечня. И генсекретарь будет молчаливо «благословлять» войну на Северном Кавказе до тех пор, пока Россия поможет ему сохранять кресло.

Ну а уж как удобен такой «креслолюбивый» Кофи Аннан для России, думаю, сомнений нет ни у кого. Вся советская политика на том и строилась (а сейчас – ее явственный ренессанс), что коммунистические лидеры оказывались чем-то выгодны западным и международным VIP-лицам, в результате чего последние закрывали глаза на кошмар, именуемый жизнью в СССР, и подкармливали режим дотациями и займами, только бы он не грозил социальными катаклизмами.

Итак, в Москве все случилось в лучших традициях советских времен: сделка на высшем уровне благополучно состоялась – по сути, точно такая же, какими они были в коммунистические годы. Путину удобен Кофи Аннан на посту генсекретаря ООН, поскольку сговорчивый и при нем давления на Россию в связи с Чечней вряд ли стоит опасаться. Аннани нужен Путин как голос на выборах. Если учесть, что сегодня подобные заморочки характерны и для отношений России с Евросоюзом, Европарламентом, ОБСЕ и др. и пр., то ждать манны небесной нам не приходится.

Мир, Запад, сообщество отступились и позволяют нашей власти творить в Чечне все, что ей хочется, одновременно выдав индульгенцию на официальную ложь и демагогию. И тем все туже закручивая чеченский узел. Вспомните: ведь это уже было. Именно молчаливое согласие

международного сообщества с «показательным Чернокозовом», следственным изолятором в Чечне, постепенно превращенным в потемкинскую деревню с целью приема высоких международных гостей и вполне их устраивавшим, спровоцировало дальнейший разгул: когда люди десятками, а потом и сотнями стали не в тюрьму попадать, а попросту исчезать, после чего их тела и находили лишь случайно, захороненными так, что и комар носу не подточит.

Поэтому даже если под давлением HRW Москва согласится продолжить расследование массового захоронения в Дачном, то через некоторое время Дачное постигнет судьба Чернокозово. Как бы кощунственно это сейчас ни прозвучало, но Дачное ожидает участь образцово-показательного захоронения – власть всячески изворачивается. И скоро, будьте довольны, в Дачное сбитыми стайками повезут иностранных журналистов и парламентариев...

Это и будет итогом доклада, рожденного HRW с целью давления на генсекретаря ООН. Как ни прискорбно.

А что в Чечне, поменянной Кофи Аннаном на кресло? Все то же самое – волна ужаса, лжи и террора.

14 мая 2001 года к дому семьи Бардукаевых в райцентре Урус-Мартан подъехал БМП без бортовых номеров – в январе из этого дома во время «зачистки» увезли шестерых мужчин, троих из которых вскоре отпустили, а о судьбе остальных почти полгода семья ничего не знала. Офицер, слезший с БМП, используя один в один методы полевого командира Арби Бараева (помните отрезанные головы западных инженеров на снегу?), показал родственникам фотографии с трупами братьев Бардукаевых (те их опознали) и потребовал 1500 долларов за то, что укажет место захоронения. Все то же самое, что с Дачным и первым трупом Адама Чимаева.

Спецоперация «Зязиков»

Война, когда в ней столько заинтересованных, становится живым организмом. А значит, обязательно вырастает из своих штанишек.

Так Чечня потребовала соседней Ингушетии, для чего Кремль привел там к власти того, кто эту войну способен допустить.

Десятый год подряд Ингушетия – прифронтовая полоса. И вот, прифронтовая потихоньку становится фронтовой. Процесс превращения гражданского мира в гражданскую войну называется «президентскими выборами» в стране «управляемой демократии» – идет борьба за место Руслана Аушева, зимой 2002 года ушедшего с поста главы республики «по собственному желанию». Второй тур был 28 апреля. 7 апреля в него вышли Алихан Амирханов, депутат Госдумы, и Мурат Зязиков, генерал ФСБ и первый заместитель полномочного представителя президента в Южном федеральном округе (ЮФО). Вот как выбирали Зязикова.

Изнасилованный суд

На Хасана Яндиева, судью Верховного суда Ингушетии, трудно смотреть – у него лицо добитого человека. Истерзанное, бледное, как из-под пыток. В глазах – пустота тупика, будто похоронил семью. За плечами у Хасана Ирагиевича – всеми уважаемая жизнь: десять лет судейского стажа, два года работы министром юстиции республики. И действительно, похороны: принципов и иллюзий относительно места судебной власти в стране. Без сомнения, Хасан Яндиев войдет в новейшую историю России как судья, на которого в апреле 2002 года

навалилась вся вертикальная теперь машина исполнительной власти и потребовала превращения судопроизводства в орган политического регулирования.

– Я не поверил, когда это услышал. Невероятно. Неправдоподобно... – скажет позже, стоя в коридорах Верховного суда Ингушетии, Генрих Падва, знаменитейший наш адвокат, которому есть с чем сравнивать: почти полвека практики, начиная, между прочим, с 1953 года.

В конце марта Хасану Яндиеву досталось дело о снятии с предвыборной гонки одного из главных претендентов на пост президента Ингушетии – Хамзата Гуцериева. И хотя все заседания по этому делу проходили под ожесточенным прессингом со стороны чиновников

ЮФО, которые бесцеремонно проталкивали решение в пользу другого кандидата – генерала ФСБ Зязикова, и по коридорам суда шныряли господа с характерно неприметными лицами, и они же «проводжали» судью домой, и встречали его на пороге по утрам, – Хасан Ирагиевич относился к этому философски, поскольку всякое видел в жизни.

1 апреля, к концу дня, судья с двумя заседателями ушли в совещательную комнату – святая святых, куда нет доступа никому, – выносить решение.

3-го утром они были готовы его огласить. Около одиннадцати утра господа «язиковцы» – из числа сотрудников полпредства ЮФО, вошли к судье в совещательную комнату, нарушив ее тайну, а вместе с тем Конституцию страны и целую вереницу законов (ответственность, между прочим, уголовная), вручили Яндиеву телеграмму из Верховного суда РФ, подписанную заместителем его председателя Ниной Сергеевой, в которой судье предписывалось отдать дело фельдъегерю, для перевозки в Москву, после чего председатель Верховного суда Ингушетии Даутхасан Албаков, сопровождаемый своим заместителем Азамат-Гиреем Чиниевым, собрал разложенные на столе листки дела и унес. Все. Вскоре информационная лента ИТАР-ТАСС отстучала сообщение: Верховный суд РФ рассмотрел дело и аннулировал регистрацию Хамзата Гучериева в качестве кандидата в президенты.

Мне Хамзат Гучериев – никто. Не брат, не сват, а просто человек-функция – министр внутренних дел Ингушетии самых лихих времен «антитеррористической операции на Северном Кавказе», действия которого, именно в качестве министра-силовика на ближайших подступах к Чечне, лично меня неоднократно крайне раздражали на протяжении двух с лишним лет. Однако мало ли кто кому не нравится? Закон есть закон. Зато для Путина Гучериев – очень даже кто: брат олигарха, с которым идет битва. И это в современной России уже повод как для насилия над судом, творимого, между прочим, госслужащими, живущими на наши с вами деньги, так и для морального уничтожения судей, не желающих принимать условия антиконституционной игры.

Страх превыше всего

– Насколько существенно такое нарушение закона для выборов? – это вопрос Мусе Евлоеву, юристу республиканской избирательной комиссии.

– Такие выборы можно признать недействительными, – таков его ответ.

– Можно? Или обязаны?

Муса убирает глаза, такие же добитые, как у судьи. Юрист молчит – он хочет жить и работать. А для этого в сегодняшней Ингушетии лучше молчать и делать вид, что повинешься несущемуся на тебя катку – ЮФО, протаскивающему Зязикова, угодного Кремлю. Именно такими словами десятки и десятки людей объясняли, какова атмосфера в республике.

На календаре – 19 апреля, пятничный вечер. По коридорам Верховного суда Ингушетии туда-сюда бродят те же самые господа, сослуживцы Путина и Зязикова, они слушают, кто о чем говорит и спрашивает, что отвечает Муса Евлоев, кто за кого, а подслушав, спускаются лишь несколькими ступеньками вниз и кому-то все это

докладывают по мобильным телефонам. В докладах фиксируется все: кто на какой машине приехал, у кого водитель, кто пешком в суд пришел... Наглая фээсбэшная свистопляска – еще накануне, из Москвы, по рассказам казавшаяся некоторым преувеличением воспаленного предвыборными страстями сознания.

Именно в такой обстановке мы ждем нового судебного заседания – о признании регистрации ряда кандидатов недействительной в связи с подкупом избирателей, и теперь «эстафету Яндиева» готовится принять судья Магомед Магомедович Доурбеков. Настроение, как перед боем. Доурбеков нервничает, но сдерживается, ему очень трудно... Он знает, что Хасан Яндиев после случившегося попал в реанимацию с тяжелейшим стрессом, с трудом теперь поправляется, хоть и ходит на работу. Он знает, что Яндиев написал заявление на имя Генерального прокурора России с требованием защитить закон, и это заявление, сделав круг над Москвой и будучи ей невыгодным, опустилось сюда же, в Ингушетию, и попало прямо к тем, кто должен отвечать за свои поступки в соответствии с уголовным законодательством. Он

знает, что единственным результатом правдоискательства судьи Яндиева стало представление президенту Путину о досрочном прекращении его бессрочных полномочий...

Надо признать, в этот день судья Доурбеков выдюжил, несмотря на чудовищные порой требования, давление и даже оскорбления языковской стороны. Результаты первого тура голосования не были отменены. Однако кто даст гарантию спокойствия дня завтрашнего?

– Ну зачем они нас ломают через колено? – спрашивали люди. – Мы все равно не примем навязанного. Что бы ни случилось.

И тут же добавляли: «Не упоминайте мою фамилию». Следующий собеседник – и та же просьба: «Только не упоминайте... У меня – дети... Я работы лишусь».

Просили все. Без исключения. Депутаты ингушского парламента, члены ингушского правительства, бравые военные, адвокаты, учителя, журналисты, порассказавшие, как в минуту (это не преувеличение!) сегодня уволь-

няют в Ингушетии коллег только за случайное появление в кадре рядом с кандидатом в президенты, который не Зязиков.

– Но кто? Увольняет?

– Петр Земцов.

Публично изнасилованная судебная власть Ингушетии – конечно, самая циничная из спецопераций по «назначению Зязикова президентом Ингушетии», как точно выразился один из собеседников. Но не единственная. Другую спецоперацию тут произвели над свободой слова, также конституционно гарантированной. Накануне предвыборной гонки «Москва поменяла», как тут говорят, председателя гостелерадиокомпании «Ингушетия» – на этого самого увольняющего Земцова, спущенного из Москвы для выполнения выборного госпозаказа.

И Земцов не дремлет. Им запрещен, к примеру, даже перегон видеоматериалов о других, кроме Зязикова, кандидатах – из Назрани куда-либо. И надо ехать в Северную Осетию, во Владикавказ, чтобы, к примеру, в новостях НТВ появился сюжет, в котором идет речь о ком-то, кроме Зязикова. А ехать во Владикавказ и возвращаться в темноту – это не так просто, как может показаться: двигаться предстоит по весьма пустынным дорогам того района, где целыми днями шныряет сегодня кортеж так называемого «Главного федерального инспектора Южного федерального округа» по фамилии Келигов. Кортеж, а попросту наемная банда, как раз и поджидает на большой дороге неподконтрольных, пока еще не сломленных людей, устрашает и журналистов, в том числе.

Муса Келигов, для информации, – не какой-нибудь Махно-2002, не Хаттаб со товарищи, а главный агитатор за Зязикова, лицо официальное, человек, олицетворяющий власть президента Путина, о чем везде и кричит, опираясь на автомат Калашникова. Он – коллега кандидата Зязикова по работе в ЮФО, сподвижник и заместитель самого полпреда генерала Казанцева. Кроме того, Келигов – господин родом из Малгобека, бывший вице-президент «Лукойла», – в данный момент совмещает

госслужбу с активным и жестким прибиранием к своим личным рукам государственного нефтяного концерна («Ингушнефтегазпром»), головной офис которого находится как раз в Малгобеке, по месту расположения основных ингушских нефтескважин.

Результат? Нешуточный, между прочим. Всеобщий страх.

Депутатский десант

20 апреля в Ингушетию прилетела делегация из двадцати депутатов Госдумы, представителей разных фракций – посмотреть, что к чему. Думцы разбились на группы и разъехались по республике. По четырем маршрутам – на встречи с людьми. Так вот, в Малгобеке, райцентре, стремительно становящемся «келиговской» вотчиной, депутатов просто не пустили в районный дом культуры, где должна была состояться их встреча с мал-гобекцами. Причина проста – у Келигова не было уверенности, что депутаты будут агитировать за Зязикова, и распоряжением Мухажера Евлоева, начальника райотдела милиции, зятя этого самого Келигова, человека, запугивающего народ тем, что, если Зязиков не победит, «мы вам

устроим», – встреча депутатов с людьми была запрещена...

Впрочем, депутаты, попавшие в столь непростой сегодня Малгобек, не растерялись – а это были эспээсов-цы Вера Лекарева, Андрей Вульф, Владимир Семенов, Владимир Коптев-Дворников, Александр Баранников – и прямо под проливным дождем поговорили с несколькими сотнями собравшихся людей.

– Мы бы могли, конечно, войти в дом культуры, устроив скандал, например, – рассказывает Вера Лекарева. – Но мы чувствовали: в воздухе пахнет провокацией. На это и расчет, что сдадут нервы... Вокруг бродили какие-то странные люди с нехорошими лицами. И мы решили просто всех успокоить... Честно говоря, я бы лично никогда не проголосовала за депутата, которого так навязывают.

О том же своем ощущении – вот-вот что-то должно случиться как результат действий федерального чиновничества, поставившего республику на дыбы, – говорит сегодня в Ингушетии большинство. «Что-то» люди определяют так: провокация, управляемый взрыв негодования, резня, чуть крови пустят – и уже не остановить...

И вот, 19 апреля – очень плохой сигнал. Из Москвы, из МВД, прямо в подтверждение страхов, заполонивших Ингушетию, – секретная служебная спецтелеграмма. Вот она – беспрецедентная для прифронтовой полосы вообще, а для прифронтовой полосы, оказавшейся в нынешней конкретной ситуации, – тем более: «Назрань МВД Погорову Командируйте МВД России служебным вопросам сроком 10 суток полковника милиции Тамас-ханова ИА полковника в/сл Ильясова М-С Э полковника милиции Гиреева ИХ полковника милиции Яры-жева ИС прибытие 22 апреля с.г. Грызлов».

В переводе со служебного на нормальный это надо читать следующим образом: четырех заместителей республиканского министра внутренних дел (Ахмеда Погорова) от имени министра БД России Бориса Грызлова отзывают в Москву как раз на самые сложные для Ингушетии 10 дней: последнюю неделю перед вторым туром, дни голосования и подсчета.

Такого никогда еще не случалось. Наоборот – для поддержания порядка, причем в любом регионе, всю милицейскую «верхушку» на выборы отзывали из отпусков, просили выйти с больничных... Ингушетию готовят к войне?

В маленькой республике, где все про всех знают, включая перечисленных полковников, – знают в том числе и то, за кого они могут повернуть подчиненных себе людей, спецтелеграмму восприняли обреченно: значит, все подтверждается, эти несколько сотен понаехавших отовсюду фээсбэшников, косящих сегодня по ингушским дорогам почему-то в одинаковых «Тавриях», что-нибудь устроят, благо столько отчаявшихся беженцев. В МВД же остается только языковец Погоров, беспорядки будут спровоцированы, и Погоров «с беспорядками не справится»...

Зачем? Никто не сомневается: когда совсем не осталось шансов для победы генерала ФСБ, это нужно, чтобы официально провозгласить «невозможность проведения выборов» и необходимость «назначения» главы республики. Так и завершится спецоперация по возведению Зязикова на ингушский престол. Именно то, о чем уже два месяца назад открыто говорили людям чиновники ЮФО: «Что бы вы ни делали, будет Зязиков. Так решила Москва. Вариантов нет. Не изберете – все равно назначат».

Зязиков и языковщина

Однако кто же он, этот человек, которым уже пугают ингушских детей? Как сообщил Алексей Любимой, его главный представитель: «Я запрещаю ему общаться с прессой».

Что ж, позиция. При которой ничего не остается, как поглядеть на окружение. Стан языковских активистов-агитаторов состоит из двух частей.

Во-первых, вышеупомянутые сотрудники ФСБ, прикомандированные в Ингушетию на предвыборное время из многих российских регионов, которые, не слишком скрываясь, в разговорах с людьми почему-то приравнивают «поражение Зязикова к плевку в сторону всей российской контрразведки».

Во-вторых, обиженные и несостоявшиеся при аушевском президентстве ингуши,

большая часть которых давно и постоянно живет в Москве, поскольку в свое время не сработалась с Аушевым. Они заседают в главном предвыборном штабе Зязикова в Назрани на улице Осканова. Спрашиваю начальника штаба Салмана Наурбекова и заместителя начальника Харона Дзейтова:

- Чем хорош ваш кандидат? Расскажите.
- Главное, в отличие от всех, он – кристально чистый человек.
- Почему вы так считаете? Докажите.
- Потому что он – из кристально чистой службы. Извините, но все хорошо в меру...

...В мае Зязиков приведен к присяге. Через неделю в Ингушетию вошли войска. Через месяц началось насильственное перемещение беженцев в Чечню... Кремль хочет, чтобы война продолжалась. Значит, она и продолжается.

Мы – выжили! Опять!

Во Владикавказе, на одной из центральных его улиц, есть кафе – обычное североосетинское кафе. Из дорогих – где повсюду полно зеркал и по стенам развешаны искусственные зеленые растения, изображающие домашний уют, где пекут отличные «три хлеба» и тебя обязательно употчуют до последующего самобичевания: зачем же я это сделал... Но не об этом сейчас.

...Мы летели на военном вертолете из пункта «А» в пункт «Б». Под нами медленно перемещалась ночная незаметная декабрьская бесснежно-грязная Чечня. Лишь горящие скважины да трассирующие «млечные дороги» – вот, собственно, и все. Остальное было тьмой, в которую сквозь прицел ночного видения привычно всматривался средних лет офицер сопровождения, свесив ноги в открытый люк и держа ручной пулемет готовым к употреблению.

В вертолете не поговоришь – шумно и уши заложены. Однако с соседом мы все-таки перемолвились, не видя друг друга, – при поздних перелетах огней внутри не зажигают, – и значит, поочередно, наугад и приблизительно, наклоняясь к предполагаемому уху другого, мы кричали.

- Откуда?
- Из Москвы.
- И я тоже.
- А в Москве – откуда?
- С Садового кольца.
- А я там работаю. Живу в Марьино.
- Далековато.
- Доволен: квартира большая.
- Вы кто?
- Я? Офицер. Кто же еще... А вы? От вас не пахнет камуфляжем.
- Я – журналист. Кто же еще... Почему мы так долго летим? Гудермес должен был быть через 20 минут...

Из кабины вышел командир. Оглядел темноту вертолетной утробы, где были все мы, его заложники на эти два часа, и продекламировал, натужно артикулируя, что-то на ухо офицеру сопровождения. Тот тут же закрыл люк, откинулся назад и стал разбирать свое оружие – судя по звукам.

Сосед по вертолету насторожился. Но как-то несерьезно... Куда меньше меня. Всем нам надо было в Гудермес, где каждого ждали заранее оговоренный ночлег и баня – очень важная штука по местным масштабам... А тут происходило непонятное: зачем это он складывает пулемет? Ведь до Гудермеса летают только под охраной? Да и огней под нами чем дальше, тем больше... Это была не Чечня.

Еще через двадцать минут стало совершенно ясно, что садимся не в Гудермесе, – там просто поле, именуемое военным аэродромом. Тут же под нами появилась настоящая цивилизованная взлетная полоса с ровным бетоном. Мы увидели гражданскую вышку диспетчерского пункта, всю освещенную, каких на войне просто не бывает.

– Это – не Чечня! – весело подытожил сосед и даже слегка щелкнул каблуками. В нем была очевидная перемена: раньше он говорил, будто камни перетаскивал, а сейчас – просто пел.

– А чему вы, собственно, радуетесь? Нас тут никто не ждет. Спать негде, есть нечего... Баня?...

Но сосед уже ничего не слышал: он забежал к пилотам. И выскочив оттуда через минуту, восхищенно прокричал только одно слово:

– Владикавказ!

Как кричали: «Победа!» – бравшие Берлин. И снова, задрвав руки вверх:

– Владикавказ!

И выдал легкую чечетку посреди вертолета.

Наверное, в Гудермесе какие-то военные неприятности – обстрелы или еще что-то, и садиться там опасно, поэтому пилоты все перерешили. Конечно же, не спротив пассажиров. На войне все время так: твои планы абсолютно никого не волнуют, и тебя ставят перед фактом, полностью их разрушая.

Но сосед уже громко смеялся, перекрывая гул мотора, приплясывал и потирал ладонь о ладонь, почему-то растопырив пальцы:

– Полковник Миронов. Разрешите представиться!

Он стоял в проходе, спокойно удерживая тело в равновесии и лишь одной рукой касаясь вертолетной обшивки. Просто чудо: откуда такая сила взялась? Ведь еще каких-нибудь пятнадцать минут назад он был таким же нормально-подавленным, как остальные, и его тело привычно швыряло в такт противозенитным маневрам вертолета. А тут – поди! – машина садится, и значит, ее трясет, будто в малярийной лихорадке, а полковник стоит себе посередине в позе вальжного курсанта в увольнении: «правая нога чуть вперед, левая – опорная».

Спустились по выброшенному трапу. Мы устало сползли, а полковник слетел и побежал по летному полю кругами, хохоча, подпрыгивая и вертя головой с черным кудрявым вихром над открытым лбом, изборожденным ранними глубокими морщинами. Шел теплый несильный дождик, и Миронов, оказавшийся на взлетно-посадочном свету крепко спаянным, даже круглым от натренированной мышечной массы человеком, вытянул руки вверх и принялся ловить губами эту воду с неба, переставшего быть страшным.

Миронов был заразителен. Офицеры, выгрузившиеся из вертолета, потихоньку освобождались от привычной для Чечни «замороженное™», когда человек боится и того, что слева, и того, что справа, сбоку и впереди, а того, что сзади, – панически. Офицеры уже шумели, обсуждая, где ночевать. Потекли анекдоты, подколы, громкий и тоже совсем не «чеченский» общий смех.

Миронов завопил:

– Все – в ресторан!

– Что отмечаем?

– Еще не поняла?... Значит, ты редко бываешь в Чечне! – Он сильно тряхнул меня за руку, требуя быть по-понятливее. – Мы будем отмечать одно – то, что мы – живы! Опять! Что и на этот раз выжили! Что мы сегодня – не на войне! Что я – жи-и-во-ой!... Что ты – жи-и-ва-я-я!!

Последний крик был уже со стороны. Полковник убежал от нас все устраивать и узнавать – где тут хороший ресторан, что там готовят, как туда добраться. Ночные служащие аэропорта с опаской посматривали из окон диспетчерской вышки на странную компашку, неожиданно спустившуюся с кавказских небес: не пьяное ли сейчас начнется безобразие и не пора ли вызывать милицию.

Скоро Миронов вернулся. Легко подхватил сумки и рюкзаки и, чувствуя себя путеводной звездой в ночи, поволок за собой. «Жив!... Жи-вы!...» – хохотал он, передвигаясь очень быстро, но мы, зараженные полковником, уже успевали за ним. Мы тоже изменились, и все были так же невесомы, молоды и счастливы, как этот полковник, – мы зажглись от него и чувствовали, насколько пьяны радостью вновь полученной жизни. Потому что... И в вертолете, она, конечно, висела на волоске, как это повелось в Чечне, да и к ночевке в Гудермесе тоже надо было готовиться, как к обороне... А тут виды Владикавказа: густые полусонные акации, тихие чистые улочки, мягкие фонари и люди, медленно прогуливающиеся, несмотря на поздний вечер и нашу стойкую привычку прятаться по углам в это время наступления комендантского

часа, – все это нас уже опьянило. Хотя никто еще не притронулся ни к вину, ни к водке.

...К девяти начался полный разгул, хотя бутылки так и стояли почти нетронутыми. Мы шалели от самих себя, в целостности и сохранности сидящих в этом североосетинском кафе. Мы плели друг другу пьяную чушь, мы были семьей, даже не зная имен. Мы вместе сходили с ума, мы понимали друг о друге все – и мы не хотели завтра.

Но лидером среди нас все равно оставался Миронов. С аппетитом поглотив тьму местных деликатесов, полковник отправился танцевать. Одну за другой он приглашал женщин, которые оказались рядом, клялся каждой в вечной любви и дружбе, причем так, что слышали остальные, но сам он, конечно, на это не обращал никакого внимания – он жил мгновением, и все женщины

казались ему великолепными, и ни одну нельзя было отпустить без лучших слов, когда-либо придуманных человечеством.

Каждый танец Миронова заканчивался зажигательно. Он брал очередную партнершу на руки и неистово кружил и кружил, и еще раз кружил ее, прильнувшему к нему, по зеркальному залу дорогого кафе... Кружил, даже если музыка заканчивалась. Кружил, даже если партнерша выглядела не такой уж невесомой.

Этим вечером полковник не чувствовал ни тяжести, ни усталости, ни трудностей. Он парил, он сгорал от страсти сбежавшего с эшафота. «Мы живы! Понимаешь?» – шептал он мне на ухо, когда пришла моя очередь танцевать с ним. Шептал так, как другие раньше произносили лишь: «Я люблю тебя».

Оказалось, он не вылезал из Чечни уже больше года и если что и имел за эти отвратительные месяцы, так кратковременные случайные попадания в мир, наподобие нынешнего.

– Сколько раз ты возвращался живым?

– Сегодня – шестой. – Он поставил меня на пол. – Как ты считаешь, можно испытывать удачу в седьмой раз?

И не интересуясь ответом, потому что знал, что нельзя, – тут же громогласно возвестил начало следующей игры:

– Всем женщинам – цветы!

И подлетел к крошечной эстраде, и привычным резким движением, каким офицеры выхватывают пистолет в мгновение опасности, выдрал микрофон из рук растерявшегося ресторанного певца.

Это полковник хотел петь. И пел целый час. Сам себе. Для себя. Ничуть не заботясь ни о чем: ни о том, что его устали слушать, ни о том, что он редко попадает в ритм и музыкальную интонацию.

Этой ночью у него были только свой собственный ритм и своя мелодия. Закончил полковник логично – колыбельной. И потребовал коньяка.

– Куда тебе завтра?

– Решила – в Москву.

– Когда прилетишь снова?

– Недели через две.

– Не торопись, нехорошо сейчас.

– Знаю. Не буду. А ты куда?

– Утром – в Чечню. Вертолетчики сказали: погода будет.

– Удачи.

Мы знали друг друга часов пять. Может, шесть.

А говорили, словно роднее не бывает. Как спустя лет тридцать счастливого брака. Короткими фразами, и ничего не требовалось разжевывать, и все мы понимали с полуслова и полудвижения...

– Знаешь, я уже не могу сильно расстроиться от того, например, что нет денег.

– И я. Или что муж ушел...

– А твой муж ушел?

– Ушел.

– Ерунда.

– Ерунда.

Это уже глубокая ночь и не кафе. Мы говорим в холле одной владикавказской гостиницы, где не оказалось мест за те деньги, которые у нас остались.

– И когда ушел?

– В начале войны. Пил-гулял-прожигал, а потом ушел. Но это такие мелочи по сравнению...

– По сравнению с чем? – проверяет все-таки.

– Сам знаешь.

– Знаю. С жизнью и смертью.

– И я благодарна войне, на которую случайно попала и так же случайно застряла, потому что знаю теперь, как быть выше ерунды. Война – отвратительная вещь, но она вычистила меня от всего ненужного и отсекала лишнее. Мне ли быть не благодарной судьбе?

Миронов молчит. Он согласен. Но о себе в ответ не распространяется. И незачем. Все понятно без слов. Мы – люди одной крови, нам влили ее на войне, и она бродит в нас, как гормоны, и слишком часто заводит нас в никуда, в темную комнату без дверей, и, когда в самый последний миг все-таки отпускает, мы понимаем, до чего же одиноки и обречены искать по миру себе подобных, которые знают о жизни то, что большинство не прочувствует никогда. Быть может, мы и хотели бы поделиться с остальными этой своей тайной, но мир, никто ничего не желает знать, никому нет до этого дела.

...Ранним утром Миронов провожал до трапа тех, кто улетал в Москву. И в нем ничто не напоминало того розовощекого черноволосого крепыша, что вечером чудил во владикавказском кафе. Миронов оказался человеком с сильной проседью, был сер лицом, печален, отвечал невпопад и, похоже, думал о плохом.

– Не нервничай, я позвоню тебе домой. Скажу, что все отлично. – Что я еще могла выдать, кроме привычных «чеченских» фраз, которые говорят все, кто улетает, всем, кто остается?

– Ну позвони... Все отлично... – повторял он, как магнитофон. – Старший сын – в Суворовском. Младшему – три года. Жена – молодая красавица. И что дальше?...

– Дальше – надо верить в удачу. Мы – никто без нее. Промолчал. Значит, не согласился: он очень хотел в

Москву. Подарить на память было совершенно нечего, а очень хотелось. Я стянула шарф и отдала полковнику. Но он даже не улыбнулся, верный «чеченской» хандре и интуиции.

В следующий раз мы встретились уже в подмосковном госпитале. Миронов позвонил и сообщил, что ранен.

– Тяжело ранен? – глупо переспросила я, потому что все знают: в подмосковные госпитали возят из Чечни только тяжелораненых.

– Обычно, – так же бессмысленно соврал он.

Я испугалась: мы перестали быть людьми одной крови? И надо говорить лишнее?

Но первое же, что выдал Миронов, приветственно помахивая рукой со своей скрипучей казенной койки, успокоило:

– На этой войне я возненавидел слово «никогда». Потому что «никогда» наступает тут же.

Это было именно то, о чем думала и я, поднимаясь в его палату. Значит, мы – прежние. Он знает, что я есть, а я знаю, что он есть. Слишком много для плохо знакомых людей? Нормально – даже для совершенно незнакомых, побывавших там, где мы побывали.

А дальше с удовольствием трепались, и его молодая жена, действительно очень красивая, ухаживающая за ним и внимательно сейчас следившая за капельницей, совершенно не понимала нас.

Например, что ему, Миронову, грандиозно повезло: его ведь ранило, а не убило, и значит, он жив.

– Ты понимаешь! Ведь и на этот раз – жив! – Полковник явно выздоравливал. Он по-владикавказски подпрыгивал на койке, забыв о боли. Был готов петь и плясать.

– Отлично! – отвечала я, и жена Миронова дурно на меня смотрела. – Представь, теперь у тебя будет очень длинный отпуск. У тебя накопились командировочные, тебе выплатят страховку... Ты будешь жить королем. А пока будешь гулять, глядишь, и война закончится. Обещаю! Я напишу кучу статей, больше, чем должна, – только для того, чтобы она, проклятая,

закончилась и ты больше никогда туда не попал.

Конечно, чушь. Но почему бы не сказать, если он ждет. И я продолжала:

– И будешь воспитывать сыновей, и водить Вас, – это – жене, я, как могла, ласково улыбнулась ей, страстно ожидающей моего ухода, – в театр, и ездить в гости к матери. Да мало ли еще что можно сделать, когда ты здесь...

– Погоди-подожди, – остановил меня полковник. Это была его любимая присказка: если «погоди-подожди», значит, сейчас обязательно последует что-то очень важное для него. – Я правильно тебя понимаю? Чтобы я остался жив, ты будешь писать, но для этого ты должна продолжать ездить туда, и тогда ты можешь погибнуть?... Значит, ты хочешь, чтобы я здесь лежал и ждал этого «никогда»?

Бог миловал. Мы оказались удачливы – мы оба живы. Опять. Одно плохо: пока полковник выздоравливал, я писала неважно. Потому что за это время он-то успел

все: встать на ноги, окрепнуть, использовать все свои «военные» отпуска, съездить на курорт, наговориться и наиграться с сыновьями, побывать с женой в театре «больше десяти раз» (его слова)...

А я? Я очень подвела его. Война, окончание которой я пообещала Миронову, так и не завершилась. И он снова вернулся туда, где даже совсем зрелые люди выучивают истинный смысл слова «никогда». И теперь мы оба с ужасом ждали, когда же оно наступит и для нас, и боялись одного: что некому будет однажды заорать на весь владикавказский аэропорт: «Понимаешь, мы живы! И на этот раз!»

Так и случилось: теперь – некому. В декабре 2001 года полковник Миронов скончался от ран, несовместимых с жизнью.

Лондон. Май 2002. Интервью

... Итак, пора обратно в Лондон (см. стр. 9). На интервью с Ахмедом Закаевым – спецпредставителем Аслана Масхадова.

– Было очень много разговоров о так называемых мирных переговорах Закаев-Казанцев – переговорах между вами и полномочным представителем президента Путина в Южном федеральном округе генералом Виктором Казанцевым. Все писали, включая мировое сообщество: мол, дело мира в Чечне сдвинулось с мертвой точки. Однако финал был как-то размыт. Чем же все-таки эти переговоры закончились?

– Ничем. Встреча состоялась 18 ноября 2001 года как результат заявления Путина от 24 сентября о сдаче оружия. И заявление, и встреча в большей степени носили пропагандистский характер, направленный на Европу и Буша, – это ведь было после «11 сентября». Изначально ничего особенного мы и не ждали от этого. Но для нас было принципиально важным встретиться и еще раз попытаться поговорить. Однако диалога не получилось. Потому что Виктор Германович – не самостоятельный политик, который может принимать решения. В последующем, как мне показалось, он даже не сумел довести наверх, Путину, те наши предложения, которые были сделаны. Ну, а с его стороны вообще не было никаких предложений. Кроме – «сдавайтесь, присоединяйтесь, и мы будем жить дружно».

– Надо понимать, это было предложение об амнистии боевикам?

– Никакой амнистии. И речи об этом не было. Просто: «Хватит. Навоевались. Надо объединиться».

– Чем Казанцев это мотивировал 18 ноября 2001 года?

– Тезисом о единой и неделимой России. Больше ничем. Мы три часа с ним проговорили, но предложений, хоть каких-то, которых мы ждали, так и не последовало. Ни одного, направленного на то, чтобы завершить этот конфликт. У нас же, напротив, были предложения, которые могли бы способствовать прекращению боевых действий и, в дальнейшем, нормализации обстановки в Чечне.

– А сейчас еще можно реализовать ваши предложения? Время не упущено?

– Конечно.

– Так какие же они? Скажите.

– Первое: немедленное прекращение всех боевых действий со всех сторон. Второе:

создание двухсторонней рабочей группы для ведения переговоров. Или государственных комиссий, или правительственных – на «их» выбор. Третье: немедленное прекращение «зачисток», которые ни к чему, кроме дальнейшего взаимного отчуждения, не ведут. Четвертое: возобновление сотрудничества с Масхадовым, конечно.

– В качестве кого?

– В качестве субъекта переговоров. Безусловно, первого лица на них. Я сказал тогда Казанцеву, что у нас есть формула, которая позволяла бы России говорить о целостности государства...

– Без Чечни? Какая же это формула?

– Ну, это тоже предмет переговоров. Но она действительно есть.

– Вы передали Казанцеву ваши предложения и на бумаге? Или только устно?

– На бумаге, конечно. Но по тому, что он вообще ничего не записывал, я понял, что ведется запись. Он сказал: «Я все это доведу до президента». Я спросил его: «Вы теперь знаете, что для нас приемлемо. Будет ли это приемлемо для Путина? Ваше мнение?» Он ответил: «Уверен, на 99 процентов – „да“, и встреча будет иметь развитие. Но на 100 процентов, конечно, решение будет принимать президент».

– И?...

– И ничего. На этом все закончилось. Потом продолжались контакты на уровне наших помощников, заместителей. По телефону. Но мы с ним больше не разговаривали даже по телефону.

– Почему?

– Потому что события дальше стали развиваться так, что с нашей стороны продолжать диалог было бы аморально, невозможно – «зачистки» не только не прекратились, но ужесточились намного. И мы не делали попыток встретиться – и они... Хотя, чтобы возобновить мирные переговоры, технически проблем нет.

– Вы были тогда с Казанцевым один на один?

– Да. В международной зоне аэропорта «Шереметьево». Вылетал я в Москву, безусловно, не один. Мы летели на частном самолете вместе с лидером Турецкой либерально-демократической партии. Он являлся гарантом моей безопасности. О нашей миссии было официально поставлено в известность турецкое посольство в Москве.

– В каком виде на сегодняшний день существует мирный процесс?

– Нету его. Никакого мирного диалога. Война продолжается. Моя точка зрения состоит в том, что сегодня в российском руководстве нет человека, который может взять на себя ответственность и прекратить войну. Ни Путин, ни премьер-министр... Никто.

– Почему?

– Убежден, они абсолютно не контролируют ситуацию в Чечне. Военные диктуют России стиль поведения сегодня. Существенная разница между Ельциным и Путиным состоит в том, что Ельцин, при всех его проблемах, имел очень низкий рейтинг, но высокий авторитет – а у Путина вроде бы есть высокий рейтинг, но нет авторитета. Решение же об окончании войны требует авторитета, потому что только авторитет дает право на проявление политической воли.

– В апреле в Ингушетии, граничащей с Чечней и все годы войны являющейся прифронтовой территорией, прошли президентские выборы. Как известно, бывший президент Руслан Аушев, симпатизирующий Масхадо-

ву, добровольно ушел в отставку, не имея сил дальше сопротивляться давлению Кремля. В результате на апрельских выборах победил ставленник администрации президента Путина генерал ФСБ Мурат Зязиков. На ваш взгляд, как может повлиять победа Зязикова на ход второй чеченской войны? Как она может изменить политику вашей – масхадовской стороны?

– На наше дело это никак не повлияет. Я думаю о том, что это значит для самой Ингушетии, где сотрудник ФСБ был фактически назначен президентом Путиным. Думаю, в Ингушетии готовится «вторая Чечня». Военным нужно расширение военной зоны, поскольку все, что можно было выбить из Чечни, они выбили, все, что можно было вывезти, – вывезли. Война в самой Чечне, если сравнить нынешнюю ситуацию с той, что была в 1999-2000 годах, очень непопулярна в военной среде. Дальше «вариться» на этой территории невозможно – должно быть развитие, потому что военные не хотят упускать свои лидирующие позиции в

стране. А сохранить их они могут, только создавая новые локальные войны и конфликты. Для такого государства, как Россия, которое еще не отказалось от имперских традиций и еще не сформировалось как правовое государство, – России, такой, какая она есть, необходим враг. Для внешнего врага сил не хватает, а внутреннего всегда можно назначить. Сначала назначили чеченцев, теперь очередь за ингушами, которые якобы лояльны к чеченцам.

– На ваш взгляд, когда можно ожидать войну в Ингушетии?

– Думаю, скоро: летом-осенью. Теракт в Каспийске неслучаен, и я совершенно определенно заявляю, что ни чеченцы, ни сочувствующие нашему делу к нему не причастны.

– Тем не менее, полевого командира Раббани Хали-лова правоохранительные органы ищут практически с первых часов после теракта, об этом широко объявлено через СМИ. Почему вы уверены, что Халилов не имеет отношения к теракту?

– Я не могу сказать: имеет он отношение или не имеет. Я знаю одно, что он не имеет отношения к чеченцам –

к нам. Для нас эта фамилия возникла так же, как для всех остальных, – после теракта 9 мая. Из телевизора.

– Так вы не знаете такого полевого командира? Ха-лилова?

– Нет. Человек с такой фамилией не воевал в наших рядах ни в первую, ни во вторую войну. Ни в одном подразделении такого человека не числилось. Хотя дагестанцев было достаточно... А уверен я только в том, что у российских спецслужб в арсенале еще много подобных фамилий, которые для меня ничего не будут значить, я их просто не буду знать – они будут для общественности, чтобы создавать видимость расследований, следственных мероприятий, поисков...

– А Масхадов? Он Халилова знает?

– Нет – 100 процентов. Уверен, большинство чеченцев его тоже не знают.

– Что вы можете сказать о смерти Хаттаба и Басаева? Можете ли вы подтвердить или опровергнуть эти факты, с вашей стороны?

– Басаев жив. Хаттаб мертв. Но никакого отношения спецслужбы России к смерти Хаттаба не имеют – они только получили видеокассету с его мертвым телом. Спецслужбам его смерть невыгодна – теперь, чтобы придумать нового Хаттаба для российской общественности, нужно очень много времени. Кассету они получили задолго до ее публичного показа и не хотели ее показывать. Однако было давление с американской стороны, поскольку американцы, подозревая Хаттаба в связях с Аль-Каидой, требовали от российских спецслужб конкретных результатов по Хаттабу в общей борьбе с международным терроризмом. Поэтому дальше молчать было нельзя, нескладно как-то... Вот и получилась информация о «сверхсекретной операции». Ничего же этого не было. Хаттаб умер своей смертью.

– От чего?

– Он просто утром не проснулся.

– Собственно, так и говорят наши информаторы – офицеры спецслужб: сверхсекретная операция состояла в том, что засланный агент сумел отравить Хаттаба. Известно ли вам, проводилось ли вскрытие? Был ли судмед-

эксперт? Существует ли официальное свидетельство о его смерти? Где похоронен Хаттаб? Иначе с Хаттабом получится все то же самое, что мы уже проходили с Дудаевым: напустили тумана, нет документов, нет могилы, и большинство чеченцев верит, что он жив...

– Судмедэксперта не было. Смерть Хаттаба никак официально не фиксировалась. Похоронен он в Чечне. В Ножай-Юртовском-Веденском районе – в горной части. Чепуха то, что заявляет его брат, – вроде тело Хаттаба вывезено в Саудовскую Аравию. Никаких возможностей для тайного перевоза тела из Чечни в Саудовскую Аравию не было.

– Кто из чеченских полевых командиров присутствовал на похоронах Хаттаба?

– Никто. Только его личное окружение.

– Как вы относитесь к тому, что многие СМИ, вслед за представителями ФСБ и администрации президента, обсуждая его смерть, называли Хаттаба «культовой» фигурой?

– Хаттаб много сделал. Но Хаттаб был один из рядовых бойцов чеченского сопротивления. Я никогда не соглашусь с тем, что кто-либо – Джохар Дудаев, Шамиль Басаев, Аслан Масхадов – «культовые» фигуры. Изначально этот подход – персонификация нашей

проблемы – носит исключительно пропагандистский характер. Был Дудаев – говорили, что не станет Дудаева, и все будет закончено. Потом «культовым» сделали Радиева и говорили: не станет Радиева, и все будет закончено... Уверен, не станет Радиева, Масхадова, Закаева, Басаева, Хаттаба – ничего не изменится, потому что эта чеченская проблема – политическая. Пока она не будет решена, все обречено на продолжение.

– И Басаеву вы также не отдаете «культовых» регалий?

– Нет, абсолютно.

– Вы сказали: Басаев жив. Как это доказать? Считает ли Масхадов, что Басаев жив?

– Да, я разговаривал с Масхадовым позавчера, он так считал. Повторю, что даже если все – начиная с Масхадова – будем мертвы, от этого у Ястржембского

или Путина меньше проблем не станет. В том смысле, который они вкладывают. Политическая проблема между Россией и Чечней не может быть представлена персонифицированно. Такая попытка нужна, чтобы затянуть то сумасшествие, которое продолжается в Чечне.

– Есть ли сейчас в мирном процессе – тайном, быть может, какая-то роль у Березовского?

– Что касается Березовского, то он для нас – реальный человек, который выступил в оппозиции к режиму Путина. Никакой роли он сегодня просто играть не может. Роль могут играть только те, кто влияет на Путина. А те, кто влияет, пока заинтересованы в продолжении войны. Никого другого в его окружении нет.

– Одна из самых больших проблем Чечни – в том, что никто не знает точных цифр. Сколько людей погибло? Сколько живы? Сколько боевиков? Ястржембский даже официально «плавает» в цифрах...

– У нас есть попытки фиксировать, но это очень сложно. Мы считаем: погибло примерно 300 тысяч за обе войны. 120 тысяч – в первую. Остальные – в эту.

– А сколько сейчас боевиков?

– Называть цифры нет смысла. Идет партизанская война. Сколько нужно – пять, десять лет – столько она и будет продолжаться. До тех пор, пока...

– Пока?... Что такое для вас – конец войны? Конкретно, понятно и осязаемо. В каком виде вы примете окончание второй чеченской войны?

– Прекращение боевых действий. Выход Масхадова из подполья – основное условие. Гарантии его безопасности... Никакого второго Хасавюрта, конечно, не будет. Никаких помпезных переговоров тоже. Но российские войска в Чечне не останутся. Я в этом абсолютно уверен.

– А я – нет.

– Если мы проживем еще год-два, вывод будет.

– Что вам дает эту уверенность?

– Против логики все-таки сложно идти. В той ситуации, в которой сегодня войска находятся в Чечне, в положении карателей, которое они сами себе там определили, – они обречены на уход. Можно год-два-три тянуть, но народ нельзя победить. Мы, например, никогда не ставили задачу – победить российские войска, но они – ставят. Чеченцы, самое главное, выдержали время, когда эта война была популярна для Путина. Теперь она очень непопулярна. Поэтому мы выдержим и дальше. Люди, даже которые сейчас эмигрировали, никогда не забудут того, что произошло, и не простят. Даже если сегодня война бы закончилась и была сохранена та же политическая составляющая во взаимоотношениях Чечни и России, война обречена возобновиться через пять лет. Потому что появится новый Джохар Дудаев, новый Басаев, новый Масхадов, который снова поднимет народ, напомнив ему, что было... Заметьте, каждый раз мы проходим более жесточенную форму карательных акций со стороны России. Поэтому сегодня, не разрешив основной вопрос, прекратить сопротивление – значит, обречь себя через пять лет на более страшные акции. Сегодня это осознали все. Даже те, кто в начале войны подыгрывал Путину. Например, Руслан Хасбулатов.

– Кто сегодня может вести переговоры с Кремлем от имени чеченского народа?

– Должен вести только Масхадов.

– Вы уверены в том, что лично вы и Масхадов – представляете сегодня чеченский народ?

– Я ждал этот вопрос. Да, я сегодня не там. Да, я себя чувствую некомфортно, я

комплексую, потому что я не там... Но в то же время меня успокаивает то, что Масхадов находится там. А я его представляю. Чеченский народ избрал Масхадова, значит, Масхадов представляет чеченский народ. А я – спецпредставитель Масхадова, и в этом смысле тоже представляю чеченский народ. И никогда никакого назначенца из Москвы чеченцы не признают. Такие попытки продолжаются с 1991 года, вплоть до Кадырова сейчас, и не получается ничего.

– Ваше отношение к Кадырову – нынешнему главе администрации Чечни.

– И у нас, и у вас не принято говорить о покойниках плохо. Надо говорить хорошо. А хорошего ничего сказать не могу.

– Каково политическое будущее Кадырова, на ваш взгляд?

– У него нет будущего в Чечне.

– А Кадыров говорит, что у вас нет будущего в Чечне. И у Масхадова тоже...

– Уверен, его физически уничтожат те, кто его держит у власти. До момента вывода войск из Чечни. Кстати, я не исключаю и стихийный выход. Кадыров – абсолютно не чеченская проблема. Это проблема тех, кто его вырастил и посадил. Кадыров сегодня провоцирует народ и призывает к гражданской войне внутри Чечни – против врагов Кадырова и его людей. Это происходит для того, чтобы, развязав ее, уйти от ответственности за страшные преступления, которые совершены в Чечне.

– Не он один бежит от ответственности...

– Мы со своей стороны – и Масхадов, и я – готовы предстать перед Международным судом и нести ответственность в той мере, в которой мы виноваты во всем случившемся в Чечне. Рядом с военными преступниками. Уверен, при любом исходе – такой процесс будет. Если чеченцам не удастся его добиться, война между Чечней и Россией никогда не закончится. До сих пор российские генералы делали на чеченской крови только карьеры, получали ордена, звания, обогащались, становились политиками... Но никто ни разу не ответил. И если опять этого не будет, мы обречены на повтор. Российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции.

– Но и у вас, в вашей среде, тоже не все так просто. Разве в ваших рядах – единство?

– А у нас был повод – например, один день перемирия – чтобы подтвердить, что Масхадову кто-то из отрядов не подчинился? Разве у Масхадова была возможность отдать приказ всем отрядам – не стрелять?... И кто-то ему ответил: «Нет, Аслан»? Такого факта у нас нет. И приказа не было. И перемирия тоже, которое бы кто-то из его подчиненных нарушил. Что позволило кому-либо говорить, что Масхадов не контролирует силы сопротивления? С 1993 года чеченцам внушают, что они – враги друг другу... А у нас – свой менталитет. В отличие от других народов, от прочих восточных людей, кровь на

нас действует отрезвляюще, а не наоборот. Потому что каждый знает: за эту кровь надо будет отвечать.

– Тем не менее 18 чеченских омовцев были взорваны в конце апреля в Грозном, и командир ОМОНа Муса Газимагоматов должен теперь отыскать и уничтожить убийц. Он ведь несет ответственность перед семьями тех, кого он зазвал в отряд, а они погибли... Разве это не внутричеченская гражданская война?

– У меня нет никаких сомнений, что это сделали российские спецслужбы.

– Почему, собственно, они? Все говорят... Но как доказать?

– Менталитет у нас такой. В чеченских подразделениях ничего нельзя скрыть. Ну хоть как-нибудь, но он должен сказать, что это сделал он. Хоть кому-то... А тот, кому сказали, ну хоть кому-то еще должен сказать, что он знает, кто это сделал... А сегодня нет такого человека.

– Сегодня много разговоров на всех уровнях, и среди чеченцев тоже, о поиске некоей компромиссной фигуры в качестве главы Чечни, которая могла бы устроить и большинство чеченцев, и Кремль. Как вы к этому относитесь?

– Никаких компромиссных фигур не будет. Есть президент, которого избрал народ...

– А он возьмет и отречется... Об этом многие чеченцы сегодня говорят.

– Не отречется.

– Почему вы в этом так уверены?

– Он – не Шамиль (Басаев). Разница между назначенцем и избранным президентом

огромная. Дудаев был избранным и не отказался – он погиб. Масхадов никогда не сбежит, не откажется, не отречется. А жизнь или смерть – это в руках Всевышнего.

– Тем не менее такой сценарий существует, и его рисуют сами чеченцы – зачем лицемерить? – что в первый день конца войны и выхода из подполья Масхадов покинет свой пост, передав полномочия той самой компромиссной для всех фигуре, которую сейчас ищут. Как вы к этому относитесь?

– Аслан не уйдет так. Это не вотчина Масхадова – а воля народа. Ее невозможно перепоручить. Никто этого не допустит.

– Но есть люди – депутат Асланбек Аслаханов, тот же Руслан Хасбулатов, например, – которые готовы и имеют соответствующие предложения от Кремля стать этими переходными компромиссными фигурами. Компромисс состоит в том, что надо пойти на компромисс ради спасения народа. Перехода от Чечни масхадовской – к какой-то другой...

– Не Кремль это будет решать, куда будет этот переход. Чеченцы будут решать.

– В каком виде ждать такого решения?

– Через выборы. Пройдут другие выборы, изберет народ Аслаханова – будет президентом Аслаханов.

– Как вы считаете, когда такие выборы возможны?

– Думаю, война будет продолжаться еще год. Потом – выборы.

– На ваш взгляд, в чем главная ошибка Масхадова?

– Не только его. Наша ошибка – его соратников, кто прошел с ним первую войну, – состоит в том, что мы приняли за чистую монету ту пропагандистскую уловку, которую нам бросил Кремль после Хасавюрта, – что мы победили в первую войну. Это была наша трагическая ошибка, за которую мы сейчас и расплачиваемся. И не только мы, но и весь наш народ. Дело в том, что никакой победы не было. 120 тысяч погибли... Разрушена вся инфраструктура, стерты с лица земли села и города... А мы праздновали победу. Награды присваивали, звания. Если бы мы с того дня стали предъявлять счет как жертвы антинародной войны, может быть, второй войны вообще бы не случилось. Но мы не сделали этого, и на победной волне наломали столько дров... Сравнить можно только с детским садом. Российские спецслужбы нас развели и привели к национальной трагедии. При любом исходе чеченцы – жертвы войны.

– Ну, жертв уже слишком много. Со всех сторон. Как лично вас изменила вторая чеченская война?

– Ничего не могу сказать, кроме одного: к осознанию многого я пришел только в ходе второй войны. И к

тому, что мы были наивны и поверили, что это так просто может закончиться, как Хасавюрт.

– Вы стоите по-прежнему на позициях суверенитета для Чечни?

– Если есть какая-либо другая форма, которая будет гарантировать безопасность чеченскому народу, мы готовы ее принять. Но не с этим руководством – не с Путиным об этом говорить.

– По всей видимости, разговор состоится не скоро – Путин рассчитывает на второй срок.

– Это проблема России.

– Проблема России – проблема Чечни...

– Безусловно. Но дело в том, что от чеченцев сейчас зависит очень мало. Нам осталось только продолжать сопротивление. Ничего другого. Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Я комплексую, потому что говорить о сопротивлении здесь, сидя в холле отеля очень далеко от Чечни, не в моей натуре. Я всегда был в процессе, в гуще событий. А сейчас, волей судьбы, – здесь. Но уже очень многие чеченцы осознали, что другого выбора, кроме как продолжать сопротивление, независимо от меня, Масхадова, Басаева, – у них нет. Это осознало, прежде всего, молодое поколение.

– Но вот, представим, Масхадова Путин приглашает в Кремль, на переговоры. И что? Он откажется?

– Да, теперь уже не поедет. Во-первых, нет гарантий безопасности.

– Хорошо. Встреча – в «Шереметьево», как у вас с Казанцевым?...

- В «Шереметьево» – тоже. Не из-за страха. Масхадов просто не имеет права на ошибку.
- Ладно, вам звонит Казанцев и говорит: «Давайте встретимся вновь».
- Я тоже скажу: «Нет». Опять – под какую-то политическую конъюнктуру играть? Или Буш приезжает... Или еще что-нибудь... Нет.
- А вам лично война не надоела?
- А у меня есть выбор?
- Как вы представляете свое возвращение в Чечню?
- Это – личный вопрос. Я не могу объяснить... Но на белом коне.
- Где Масхадов предполагает жить после войны?
- В Чечне. Я ни на минуту не сомневаюсь в этом. И я нахожусь не в Чечне только потому, что мне сегодня поручено представлять Масхадова в Европе и международных институтах. Я из Чечни не вышел – меня оттуда вынесли, раненого. И я вернусь. Ради этого и живу.
- Кому, как вам кажется, в Чечне будут ставить памятники после второй чеченской войны?
- Никому. Героев в этой войне уже не будет. Как и победителей. Нация полностью унижена, оскорблена. Герои до этого свой народ не доводят.

Послесловие

Люди звонят в редакцию, люди пишут письма и очень часто спрашивают одно и то же: «А зачем вы все это пишете? Зачем нас пугаете? Зачем это нам?»

Уверена, так надо. По одной простой причине: мы – современники этой войны, и все равно нам отвечать за нее... И тогда не отговоришься классическим советским: мол, не был, не состоял, не участвовал...

Так знайте же. И вы будете свободны от цинизма.

И от расизма, в вязкий омут которого все более скатывается наше общество.

И от скоропалительных и страшных личных решений – о том, кто есть кто на Кавказе, и есть ли там сегодня вообще герои...

Приложение

Что такое Чечня? Кто такие чеченцы? Сколько было российско-чеченских войн? Кто за что воевал и воюет?

Сначала несколько объективных характеристик. Чечня – небольшая территория, расположенная на северовосточных склонах Главного Кавказского хребта. Чеченский язык относится к восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой ветви. Сами себя чеченцы называют нохчами, чеченцами же их нарекли русские, предположительно в 17-м веке. Рядом с чеченцами жили и живут ингуши – народ, очень близкий им и по языку (ингушский и чеченский ближе, чем русский и украинский), и по культуре. Вместе эти два народа именуют себя вайнахами. Перевод означает «наш народ». Чеченцы – самый многочисленный этнос Северного Кавказа.

Древняя история Чечни известна довольно плохо – в том смысле, что осталось мало объективных свидетельств. В Средневековье вайнахские племена, как и весь этот регион, существовали на путях перемещения огромных кочевых тюркоязычных и ираноязычных племен. И Чингисхан, и Батый пытались покорить Чечню. Но, в отличие от многих других северокавказских народов, чеченцы все равно держали вольницу вплоть до падения Золотой Орды и не подчинялись никаким завоевателям.

Первое вайнахское посольство в Москву состоялось в 1588 году. Тогда же, во второй половине 16-го столетия, на территории Чечни появляются первые небольшие казачьи городки, а в 18-м веке российское правительство, приступая к завоеванию Кавказа, организывает здесь специальное казачье войско, ставшее опорой колониальной политики империи. С этого момента начинаются российско-чеченские войны, длящиеся до сих пор.

Первый их этап относится к концу 18-го века. Тогда, в течение семи лет (1785-1791 гг.), объединенное войско многих северокавказских народов-соседей под предводительством чеченца шейха Мансура вело освободительную войну против Российской империи – на территории от Каспийского до Черного морей. Причиной той войны стала, во-первых, земля и, во-вторых, экономика – попытка российского правительства замкнуть на себя многовековые торговые пути Чечни, проходившие через ее территорию. Это было связано с тем, что к 1785 году царское правительство завершило строительство системы пограничных укреплений на Кавказе – так называемой Кавказской линии от Каспия до Черного моря, и начался процесс, во-первых, постепенного отнятия плодородных земель у горцев, а во-вторых, взимания таможенных пошлин с перевозимых через Чечню товаров в пользу империи.

Несмотря на давность этой истории, именно в наше время невозможно пройти мимо фигуры шейха Мансура. Он – особая страница чеченской истории, один из двух чеченских героев, имя, память и идейное наследие которого использовал генерал Джохар Дудаев для свершения так называемой «чеченской революции 1991 года», прихода к власти, объявления независимости Чечни от Москвы; что и привело, среди прочего, к началу десятилетия современных кровопролитных и средневеково-жестоких российско-чеченских войн, свидетелем которых мы являемся, и описание чего и стало единственной причиной появления на свет этой книжки.

Шейх Мансур, по свидетельству видевших его людей, был фанатично предан главному делу своей жизни – борьбе с неверными и объединению северокавказских народов против Российской империи, за что и воевал вплоть до взятия в плен в 1791 году с последующей ссылкой в Соловецкий монастырь, где и умер. В начале 90-х годов 20-го века во взбудораженном чеченском обществе, из уст в уста и на многочисленных митингах, люди передавали друг другу следующие слова шейха Мансура: «Для славы Всевышнего я буду являться в мир всякий раз, когда несчастье станет опасно угрожать правоверию. Кто за мной пойдет, тот будет спасен, а кто не пойдет за мной.

против того я обращу оружие, которое пошлет пророк». В начале 90-х оружие «пророк послал» генералу Дудаеву.

Другим чеченским героем, также поднятым на знамена в 1991 г., был имам Шамиль (1797-1871), лидер следующего этапа кавказских войн – уже 19-го века. Имам Шамиль считал шейха Мансура своим учителем. А генерал Дудаев в конце 20-го века, в свою очередь, причислял уже их обоих к своим учителям. Важно знать, что выбор Дудаева был точен: шейх Мансур и имам Шамиль именно потому являются непререкаемыми народными авторитетами, что боролись за свободу и независимость Кавказа от России. Это – принципиально для понимания национальной психологии чеченцев, поколение за поколением считающих Россию неиссякаемым источником большинства своих бед. При этом и шейх Мансур, и имам Шамиль – совсем не декоративные и вытасченные из нафталина персонажи далекого прошлого. До сих пор оба они настолько почитаемы в качестве героев нации даже в молодежной среде, что о них слагают песни. Например, самую свежую, только что тогда записанную на кассеты автором, молодым самодеятельным эстрадным певцом, я услышала в Чечне и Ингушетии в апреле 2002 года. Песня звучала из всех машин и торговых ларьков...

Кем же был имам Шамиль на фоне истории? И почему он сумел оставить столь серьезный след в сердечной памяти чеченцев?

Итак, в 1813 г. Россия полностью укрепляется в Закавказье. Северный Кавказ становится тылом Российской империи. В 1816г. наместником Кавказа царь назначает генерала Алексея Ермолова, все годы своего наместничества проводившего жесточайшую колониальную политику с одновременным насаждением казачества (только в 1829 г. на чеченские земли было переселено более 16 тысяч крестьян из Черниговской и Полтавской губерний). Воины Ермолова немилосердно сжигали чеченские аулы вместе с людьми, уничтожали леса и посевы, уцелевших чеченцев изгоняли в горы. Любое недовольство горцев вызывало проведение карательных акций. Самые яркие тому свидетельства остались в творчестве Михаила Лермонтова и Льва Толстого, поскольку оба воевали на Северном Кавказе. В 1818г. для устрашения Чечни была сооружена крепость Грозная (ныне город Грозный).

На ермоловские репрессии чеченцы отвечали восстаниями. В 1818 г., в целях их

подавления, и началась Кавказская война, длившаяся более сорока лет с перерывами. В 1834 г. наиб Шамиль (Хаджи-Мурад) был провозглашен имамом. Под его руководством началась партизанская война, в которой чеченцы сражались отчаянно. Вот свидетельство историка конца 19-го века Р.Фадеева: «Горская армия, многим обогатившая русское военное дело, была явлением необычайной силы. Это была сильнейшая народная армия, с которой встретился царизм. Ни горцы Швейцарии, ни алжирцы, ни сикхи Индии никогда не достигали в военном искусстве таких высот, как чеченцы и дагестанцы».

В 1840 г. происходит всеобщее вооруженное чеченское восстание. После него, достигнув успеха, чеченцы впервые пытаются создать свое государство – так называемый имамат Шамиля. Но восстание подавляется со все нарастающей жестокостью. «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами, – писал в 1841 г. генерал Николай Раевский-старший. – Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа истории испанской». В 1859 г. имам Шамиль терпит поражение и оказывается в плену. Чечня – разграблена и разрушена, однако еще около двух лет отчаянно сопротивляется присоединению к России.

В 1861 г. царское правительство наконец возвестило о завершении Кавказской войны, в связи с чем упразднило Кавказскую укрепленную линию, созданную для покорения Кавказа. Чеченцы сегодня считают, что в Кавказской войне 19-го века они потеряли три четверти своего народа; с обеих сторон тогда погибло несколько сот тысяч человек. По окончании войны Империя приступила к переселению выживших чеченцев с плодородных северокавказских земель, отныне предназначенных казакам, солдатам и крестьянству из глубинных российских губерний. Правительство образовало специальную Комиссию по переселению, которая выдавала денежное пособие и транспорт переселенцам. С 1861 по

1865 г. в Турцию было так перевезено около 50 тысяч человек (это цифра чеченских историков, официальная – более 23 тысяч). Одновременно на присоединенных чеченских землях только с 1861 по 1863 г. было основано 113 станиц и в них расселено 13 850 казачьих семей.

С 1893 г. в Грозном начинается добыча большой нефти. Сюда приходят иностранные банки и инвестиции, создаются крупные предприятия. Начинается бурное развитие промышленности и торговли, принесшее взаимное смягчение и лечение российско-чеченских обид и ран. В конце 19-го – начале 20-го века чеченцы активно участвуют в войнах уже на стороне России, их покорившей. Никакого предательства с их стороны нет. Наоборот, существует много свидетельств об их беспремерном мужестве и самоотверженности в боях, об их презрении к смерти и умении терпеть боль и лишения. В Первую мировую этим прославилась так называемая «Дикая дивизия» – чеченский и ингушский полки. «Они идут в бой, как на праздник, и также празднично умирают...» – писал современник. Во время Гражданской войны большинство чеченцев тем не менее поддержало не Белую гвардию, а большевиков, полагая, что это борьба с Империей. Участие в Гражданской войне на стороне «красных» для большинства современных чеченцев является и сейчас принципиальным. Характерный пример: спустя десятилетие новых российско-чеченских войн, когда любовь к России потеряли даже те, кто ею обладал, сегодня в Чечне можно встретить такие картины, как видела я в селении Цоцан-Юрт в марте 2002 г. Многие дома не восстановлены, следы разрушений и горя повсюду, но памятник нескольким сотням воинов-цоцан-юртовцев, погибших в 1919 г. в боях с армией «белого» генерала Деникина, отреставрирован (был неоднократно обстрелян) и содержится в прекрасном состоянии.

В январе 1921 г. была провозглашена Горская советская республика, в которую вошла и Чечня. С условием: чтобы чеченцам были возвращены отобранные царским правительством земли и был признан шариат и адаты, древние правила чеченской народной жизни. Но уже через год существование Горской республики стало сходить на нет (полностью она ликвидирована в 1924 г.). А Чеченскую область вывели из нее в отдельное административное образование еще в ноябре 1922 г. Впрочем, в 20-е годы Чечня начинает развиваться. В 1925 г. появляется первая чеченская газета. В 1928-м начинает работать чеченская радиовещательная станция. Потихоньку ликвидируется безграмотность. В Грозном открываются два педагогических и два нефтяных техникума, а в 1931-м – первый национальный театр.

Однако одновременно это годы и нового этапа государственного террора. Первой его волной смыло 35 тысяч наиболее авторитетных к тому времени чеченцев (мулл и зажиточного крестьянства). Второй – три тысячи представителей только-только нарождавшейся чеченской интеллигенции. В 1934 г. Чечня и Ингушетия оказались объединены в Чечено-Ингушскую автономную область, а в 1936 г. – в Чечено-Ингушскую автономную республику со столицей в Грозном. Что не спасло: в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. были арестованы еще 14 тысяч чеченцев, хоть чем-то выделявшихся (образованием, социальной активностью...). Часть была расстреляна почти сразу, остальные сгинули в лагерях. Аресты продолжались до ноября 1938 года. В результате была ликвидирована почти вся партийно-хозяйственная верхушка Чечено-Ингушетии. Чеченцы считают, что за 10 лет политических репрессий (1928-1938 гг.) погибло более 205 тысяч человек из самой продвинутой части вайнахов.

При этом в 1938 г. в Грозном открывается пединститут – легендарное учебное заведение, кузница чеченской и ингушской интеллигенции на многие десятилетия вперед, прерывавший свою работу лишь на период депортации и войн, чудом сохранивший в первую (1994–1996 гг.) и вторую (с 1999 г. до сих пор) войны свой уникальный педагогический коллектив.

Перед Великой Отечественной войной уже только четверть населения Чечни оставалась неграмотной. Работали три института и 15 техникумов. В Великой Отечественной участвовало 29 тысяч чеченцев, многие из которых ушли на фронт добровольцами. 130 из них были представлены к званию Героя Советского Союза (получили только восемь, из-за «плохой» национальности), а более четырехсот погибли, защищая Брестскую крепость.

23 февраля 1944 г. произошло сталинское выселение народов. Более 300 тысяч чеченцев и 93 тысячи ингушей депортировали в Среднюю Азию в один день. Депортация унесла жизни 180 тысяч человек. На 13 лет был запрещен чеченский язык. Лишь в 1957 г., после развенчания культа личности Сталина, выжившим было разрешено возвратиться и восстановить Чечено-Ингушскую АССР. Депортация 44-го года – тяжелейшая травма народа (каждый третий живущий чеченец, считается, прошел через ссылку), и народ до сих пор панически боится ее повторения; стало традицией всюду выискивать «руку КГБ» и признаки нового готовящегося переселения.

Сегодня многие чеченцы говорят, что самым лучшим временем для них, хоть они и оставались нацией «неблагонадежных», были 60-70-е годы, несмотря на проводимую в отношении них политику насильственной русификации. Чечня отстроилась, опять стала промышленным центром, многие тысячи людей получили хорошее образование. Грозный превратился в самый красивый город Северного Кавказа, здесь работали несколько театральных трупп, филармония, университет, знаменитый на всю страну нефтяной институт. При этом город развивался как космополитический. Здесь спокойно жили и дружили люди самых разных национальностей. Эта традиция была настолько крепка, что выдержала испытание первой чеченской войной и сохранилась до сих пор. Первыми спасителями русских в Грозном выступали их соседи-чеченцы. Но и первыми их врагами были «новые чеченцы» – агрессивные захватчики Грозного времен прихода к власти Дудаева, маргиналы, пришедшие из сел для реванша за прошлые унижения. Однако бегство русскоязычного населения, начавшееся с «чеченской революции 91-го года», большинство грозненцев восприняли с сожалением и болью.

С началом перестройки и тем более с развалом СССР Чечня опять становится ареной политических дразг и провокаций. В ноябре 1990 г. собирается Съезд чеченского народа и провозглашает независимость Чечни, принимая Декларацию о государственном суверенитете. Активно дискутируется идея о том, что Чечня, добывающая 4 млн. тонн нефти в год, спокойно выживет и без России.

На сцене появляется национальный лидер радикального толка – генерал-майор Советской армии Джохар Дудаев, который на пике повсеместных постсоветских суверенитетов становится главой новой волны национал-освободительного движения и так называемой «чеченской революции» (август-сентябрь 1991 г., после путча ГКЧП в Москве – разгон Верховного Совета республики, переход власти к неконституционным органам, назначение выборов, отказ войти в Российскую Федерацию, активная «чеченизация» всех сторон жизни, миграция русскоязычного населения). 27 октября 1991 г. Дудаев был избран первым президентом Чечни. После выборов

он повел дело к полному отделению Чечни, к собственной государственности для чеченцев как единственной гарантии, что колониальные замашки Российской империи в отношении Чечни больше не повторятся.

В это же время «революцией» 91-го года с первых ролей в Грозном был практически сметен небольшой слой чеченской интеллигенции, уступивший место, в основном, маргиналам, более смелым, жестким, непримиримым и решительным. Управление экономикой переходит в руки тех, кто не знает, как ей управлять. Республику лихорадит – не прекращаются митинги и демонстрации. И под шумок чеченская нефть уплывает неизвестно куда... В ноябре-декабре 1994 г. в результате всех этих событий начинается первая чеченская война. Ее официальное название – «защита конституционного строя». Начинаются кровопролитные бои, чеченские формирования дерутся отчаянно. Первый штурм Грозного длится четыре месяца. Авиация и артиллерия сносят квартал за кварталом вместе с гражданским населением... Война перекидывается на всю Чечню...

В 1996 г. стало ясно, что число жертв с обеих сторон перевалило за 200 тысяч. А Кремль трагически недооценил чеченцев: пытаясь сыграть на межклановых и межтейповых интересах, вызвал лишь консолидацию чеченского общества и невиданный подъем духа народа, а значит, превратил войну в малоперспективную для себя. К концу лета 1996 г., усилиями тогдашнего секретаря Совета Безопасности России генерала Александра Лебеда (погиб в авиакатастрофе в 2002 году) бессмысленное

кровопролитие удалось прекратить. В августе был заключен Хасавюртовский мирный договор (подписаны «Заявление» – политическая декларация и «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой» – о не-войне в течение пяти лет). Под документами – подписи Лебеда и Масхадова, начальника штаба сил чеченского сопротивления. К этому моменту президент Дудаев уже мертв – он уничтожен самонаводящейся ракетой в момент телефонного разговора по спутниковому аппарату.

Хасавюртовский договор поставил точку в первой войне, но и заложил предпосылки для второй. Российская армия посчитала себя униженной и оскорбленной «Хасавюртом» – так как политики ей «не дали довести дело до конца», – что и предопределило беспримерно жестокий реванш в ходе второй чеченской войны, средневековые методы расправы и с гражданским населением, и с боевиками.

Впрочем, 27 января 1997 г. вторым президентом Чечни становится Аслан Масхадов (выборы прошли в присутствии международных наблюдателей и признаны ими) – бывший полковник Советской армии, с началом первой чеченской войны возглавивший сопротивление на стороне Дудаева. 12 мая 1997 г. президентами России и самопровозглашенной Чеченской республики Ичкерии (Борисом Ельциным и Асланом Масхадовым) был подписан «Договор о мире и принципах мирных взаимоотношений» (полностью забытый сегодня). Управлять Чечней «с отложенным политическим статусом» (согласно Хасавюртовскому договору) стали полевые командиры, выдвинувшиеся на лидирующие позиции в ходе первой чеченской войны, большинство из которых были людьми хоть и отважными, но необразованными и малокультурными. Как показало время, военная элита Чечни произрасти в политическую и экономическую не смогла. Началась невиданная грызня «у трона», в результате летом 1998 г. Чечня оказывается на пороге гражданской войны – вследствие противоречий между Масхадовым и его противниками. 23 июня 1998 г. на Масхадова происходит покушение. В сентябре 1998 г. полевые командиры, возглавляемые Шамилем Басаевым (на тот период – премьер-

министр Ичкерии), требуют отставки Масхадова. В январе 1999 г. Масхадов вводит шариатское правление, начинаются публичные казни на площадях, но и это не спасает от раскола и неповиновения. Одновременно Чечня стремительно нищает, люди не получают зарплат и пенсий, школы работают плохо или не работают вообще, «бородачи» (исламисты-радикалы) во многих районах нагло диктуют свои правила жизни, развивается заложнический бизнес, республика становится мусоросборником российского криминала, а президент Масхадов ничего с этим поделать не может...

В июле 1999 г. отряды полевых командиров Шамиля Басаева («герой» рейда чеченских бойцов на Буденновск, с захватом больницы и роддома, результатом чего стали начавшиеся

мирные переговоры) и Хаттаба (араба из Саудовской Аравии, умершего в своем лагере в горах Чечни в марте 2002 г.) предприняли поход на дагестанские горные села Ботлих, Рахата, Ансалта и Зондак, а также равнинные Чабанмахи и Карамахи. Россия должна чем-то отвечать?... Но в Кремле – нет единства. И результатом чеченского рейда на Дагестан становится смена руководства российских силовых структур, назначение директора ФСБ Владимира Путина преемником дряхлеющего президента Ельцина и премьер-министром РФ – на том основании, что в сентябре 1999 г., после августовских взрывов жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске с многочисленными человеческими жертвами, он согласился начать вторую чеченскую войну, отдав приказ о начале «антитеррористической операции на Северном Кавказе».

С тех пор многое поменялось. 26 марта 2000 г. Путин стал президентом России, на полную пиаровскую катушку используя войну как средство создания образа «сильной России» и «железной руки» в борьбе с ее врагами. Но, став президентом, он так войну и не остановил, хотя после своего избрания имел для этого несколько реальных шансов. В результате кавказская кампания России теперь уже 21-го века вновь превратилась в хроническую и выгодную слишком многим. Во-первых, военной верхушке, делающей себе блестящие карьеры на Кавказе, получающей ордена, звания, чины и не желающей расставаться с кормушкой. Во-вторых, среднему и низовому военному звену, имеющему стойкий доход на войне за счет разрешенного сверху повального мародерства в селах и городах, а также массовых поборов с населения. В-третьих, и первым, и вторым, вместе взятым – в связи с участием в нелегальном нефтяном бизнесе в Чечне, который постепенно, по мере войны, перешел под совместный чечено-федеральный контроль, освоенный государственным, по сути, бандитизмом («крышу-ют» федералы). В-четвертых, так называемой «новой чеченской власти» (ставленникам России), нагло наживающейся на средствах, выделяемых госбюджетом на восстановление и развитие экономики Чечни. В-пятых, Кремлю. Начавшись как стопроцентно пиаровская акция под выборы нового президента России, война впоследствии стала удобным средством лакировки реальной действительности вне территории войны – или увода общественного мнения от неблагоприятного положения внутри руководящей элиты, в экономике, политических процессах. На российских штандартах сегодня – спасительная идея о необходимости защиты России от «международного терроризма» в лице чеченских террористов, постоянное подогревание которой позволяет Кремлю манипулировать общественным мнением как заблагорассудится. Что интересно: «вылазки чеченских сепаратистов» теперь возникают на Северном Кавказе всякий раз «к месту» – когда в Москве начинается очередной политический или коррупционный скандал.

Так воевать на Кавказе можно десятилетия подряд, как в 19-м веке...

Остается добавить, что сегодня, спустя три года после начала второй чеченской войны, опять унесшей многие тысячи жизней с обеих сторон, никто точно не знает, сколько людей живет в Чечне и сколько вообще чеченцев на планете. Разные источники оперируют цифрами, отличающимися в сотни тысяч человек. Федеральная сторона преуменьшает потери и масштабы беженского исхода, чеченская – преувеличивает. Поэтому единственным объективным источником остаются результаты последней переписи населения в СССР (1989 г.). Чеченцев тогда насчитали около миллиона. А вместе с чеченскими диаспорами Турции, Иордании, Сирии и некоторых стран Европы (в основном это потомки переселенцев времен Кавказской войны 19-го века и Гражданской войны 1917-20 гг.) – чеченцев было чуть больше миллиона. В первую войну (1994-1996 гг.) погибло око-то 120 тысяч чеченцев. Число погибших в ныне продолжающуюся войну неизвестно. Учитывая миграцию после первой войны и в течение нынешней (с 1999 г. и до сих пор), ясно, что произошло повсеместное увеличение численности чеченских диаспор за рубежом. Но до каких размеров, вследствие распыленности, – тоже неизвестно. По моим личным и необъективным данным, основанным на постоянном, в течение всей второй войны, общении с главами районных и сельских администраций, в Чечне сегодня остается от 500 до 600 тысяч человек.

Многие населенные пункты выживают как автономные, перестав ожидать помощи как из Грозного, от «новой чеченской власти», так и с гор, от масхадовцев. Скорее, сохраняется и укрепляется традиционное социальное устройство чеченцев – тейповое. Тейпы – это родовые

структуры или «очень большие семьи», но не всегда по крови, а по типу соседских общин, значит, по принципу происхождения из одного населенного пункта или территории. Когда-то смыслом создания тейпов была совместная защита земли. Теперь смысл – физическое выживание. Чеченцы говорят, что сейчас существуют более 150 тейпов. От очень больших – тейпы Беной (около 100 тысяч человек, к нему принадлежит известный чеченский предприниматель Малик Сайдулаев, а также национальный герой Кавказской войны 19-го века Байсан-гур), Белгатой и Гейдаргеной (к нему принадлежали многие партийные руководители советской Чечни) – до маленьких – Туркхой, Мулкой, Садой (в основном это горные тейпы). Некоторые тейпы играют сегодня и политическую роль. Многие из них продемонстрировали свою общественную устойчивость и в войнах последнего десятилетия, и в короткий промежуток между ними, когда существовала Ичкерия и действовал шарият, отрицающий такой тип образований, как тейпы. Но за чем будущее, пока неясно.

Июнь 2002 г.

Дополнение, написанное в декабре 2002 года

Желтое на черном жизнь после «Норд-Оста»

Все меньше веры в привычное летоисчисление. Все больше кажется, что у каждого из нас свой собственный, личный календарь, и его-то, а не привычные «январь, февраль, март», человек и проживает – в зависимости от обстоятельств, в которые попадает. А может, и сам выбирает?...

И у меня есть такой календарь на стремительно заканчивающийся 2002-й, нордостовский год. В моем календаре нет никакой хронологии и никакого внешнего смысла. Пока в нем только картинки уходящего года и логика чувств, приведших всех нас к трагедии. «Чувств? И всего лишь?... – разочарованно протянет кто-то. – А как же анализ? Прагматика? Холодный прогноз?»

Время Путина – и без меня ледяные годы, когда опять дозволено угрожать тысячи жизней «ради светлого антитеррористического будущего». Кому анализировать – есть, а сопереживать – некому. И поэтому дефицитные чувства становятся первичны. Лично в моем летоисчислении...

Итак, мой календарь и мои картинки.

Начало декабря. Прошли сороковины по заложникам «Норд-Оста». И вроде бы хоть по чуть-чуть, но всем пора приходить в себя – так положено... А не получается. Совсем. Может, погода? В Москве – жесткие, бесснежные декабрьские морозы – они душу вынимают, эти упертые нынешние московские морозы. Как неудобно... Кто-то из тех, кто выжил после антимюзикла, иногда приходит ко мне в редакцию.

Вот Ира Фадеева – в дверном проеме. В черном берете, черном пальто и черном свитере. В руках – россыпь чего-то желтого. Это Ира принесла большой букет длинноногих желтых роз. В память о сыне. Ире 37 лет, 23 октября она пошла на «Норд-Ост» почти случайно – жили рядом, собрались в театр, билеты оказались просрочены, не раздеваться же? И она уговорила 15-летнего Ярослава, сына своего, десятиклассника московской школы, пойти на «Норд-Ост». Ира выжила, Ярослав погиб. Сбежав из больницы, Ира опознала его тело в морге, обнаружила входное и выходное пулевое отверстие, получила на руки справку о смерти с прочерком в графе «ПРИЧИНА СМЕРТИ», потому что официальная версия – «только четыре застреленных, и все террористами», а Ярослав получался пятый и, значит, идеологически не полезный... И поэтому – прочерк в графе... И никаких шансов на расследование... И вообще никаких шансов у Иры. Она вышла из морга и бросилась с моста, но ее выловили из Москва-реки, и теперь она страдает так, что нет слов, чтобы утешить; по крайней мере, я их не знаю... И, естественно, никакой помощи от лица государства, приговорившего ее сына к смерти, потому что она же не жертва террористов – никаких тебе реабилитационных центров, психологов, психиатров... Суициды среди бывших заложников – реальность, с которой мы живем в декабре... Желтое на черном.

23 ноября. Раннее утро. Наверное, часов шесть. Очень хочется забыться после бессонной

ночи. Телефонный звонок: «Анна Степановна, заберите меня из милиции... Я опять что-то не то...» Выскакиваю к машине: Боже, как же холодно, как трясет и колотит... Сытые менты в отделении на Ново-Алексеевской улице говорят гнусности. В глубине их заплыванной вонючей каптерки – Илья, затравленный, грязный, небритый, заблудший, с выражением на лице, будто мать похоронил...

Илья – старый друг моих детей, я его знаю с самого детства, когда он, маленький розовощекий крепыш, приходил с виолончелью наперевес в музыкальную школу в Мерзляковском переулке и очень сильно шкодил, донимая педагогов. Год назад выросший до 24 лет Илья стал артистом оркестра в «Норд-Осте». Естественно, играл в тот самый распроклятый вечер. Как хорошо мы понимаем беду, когда она прямиком лупит по нашим близким! «Мама, Илья же ТАМ! – кричал мне по телефону сын 23 октября. – Мама, что делать? Ты можешь как-нибудь ему помочь? Поговори с чеченцами! Мама!» А я никак не могла помочь... Потому что ТАМ нельзя было использовать личные связи, ТАМ нельзя было просить за одного, возможно, приговаривая остальных. ТАМ можно было просить только за всех.

Илья просидел все трое суток заложником, заметил, как пошел газ, отключился, но ему повезло – с первыми лужковскими «скорыми» попал в токсикологическое отделение Склифа, в лучшее подобное отделение, которое есть в Москве, и его откачали. Но теперь, месяц спустя, с ним творится неладное. У него – будто нервы над кожей оказались, он пересматривает всю свою жизнь, но никак не может пересмотреть, и везде видит повод для борьбы... «Анна Степановна, я опять как подросток... Что со мной?» – «Да тебе просто подлечиться надо...» – «Я не могу видеть несправедливость... Анна Степановна! Разве больница поможет? Что со мной, Анна Степановна?»

Итак, конкретно: Илья в милиции, потому что запустил в кого-то тостером, подвернувшимся под руку, и «кто-то» возмутился. А до этого Илья пытался воспитывать на улице зарвавшегося продавца овощей родом из Азербайджана, потому что прямо на его глазах тот помочился на церковную ограду на Сухаревке. А еще Илья зашел в ночной клуб, где обычно собирается весьма интеллигентный народ и поэты любят читать новые стихи, и полез в драку с кем-то, кто что-то ему не так сказал...

«Что со мной, Анна Степановна? Возьмите меня отсюда... Меня в обезьяннике держали, не разрешали сидеть, только стоя...» Один милиционер из всех оказывается понятливым, вникает в катастрофу, произошедшую с хрупким миром этого норд-остовского музыканта, и спрашивает: «Вы на него можете повлиять? Если обещаете, отпущу». Но как я могу что-либо обещать? Я же не психиатр... Но – обещаю... И милиционер продолжает:

Подержите его пока при себе. Хотя бы какое-то время, пусть остынет, а то опять попадет».

Пока суд да дело – уже 9 утра. Я сажаю Илью в машину, и он тут же засыпает: всю ночь боролся с ветряными мельницами. В 9.30 у меня – выступление на ежегодной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра», приглашена говорить о том, как вели себя наши спецслужбы, пытаюсь противостоять теракту, с 23 до 25 октября. Я иду туда вместе с Ильей. Расталкиваю и сажаю его в дальнем углу красивого театрального зала московской «Геликон-оперы» на Большой Никитской, где КГБ-конференция арендовала зал. Илья снова засыпает, а я делаю свой оклад, не выпуская из поля зрения Илью, боюсь пропустить момент, если вдруг он проснется и опять решит, то вокруг враги... «Что со мной, Анна Степановна?...»

25 октября. То самое «25-е», за которым последовало «26-е», газовое... Террористы выводят заложников под дулами автоматов, те идут гуськом по лестнице со второго этажа на первый, чтобы забрать принесенные в театральный зал воду и сок и отнести их в зал для всеобщего пользования. И еще потому, что я об этом просила террористов: условием того, что я приду к ним поговорить, будет обязательная встреча с заложниками. Вот мужчины и мальчики теперь мне навстречу, друг за другом, обречено. Один кричит: «Вы! Там! Принесите дезинфицирующие средства! Я же просил еще утром!» Молодой парень в черном костюме оркестранта шепчет: «Они сказали, что будут убивать с десяти... Уже с десяти... Убивать... Передайте там... Пожалуйста...» И Абубакар, террорист № 2 в «Норд-Осте», хочет выговориться перед смертью – Абубакар, молодой парень, выглядящий стариком. Исповедуется: как дошел до жизни такой. «Как вы тут живете! Хорошо! А мы в лесах! Но мы тоже хотим, как поди!...» «Хо-тим... Хо-тим... Слышите? Мы вас заставим услышать!...» Это

эхом со всех сторон – откуда-то сверху, де блок-посты у террористов по зданию... Заложников возвращают опять гуськом.

«Все передала». – «Понял», – одними губами намекает оркестрант. И губы у него белого цвета. Тот, который

кричал про дезинфицирующие средства, позже оказался продюсером мюзикла Васильевым – я узнала его по телевизору, как он благодарил президента «за все» на послештурмовой встрече в Кремле. А парня с белыми губами больше нигде и никогда не встречала... «Уже с десяти... Передайте...»

Легкомысленное американское 23 октября. Налегке вбегаю в гостиницу в Санта-Монике – это такая яркая красота с пальмами на берегу океана, частичка большого американского города Лос-Анджелеса. Я только что прочитала лекцию в местном университете – для студентов, обучающихся журналистике на Западном побережье США, и их преподавателей. В Москве по-прежнему нет учебных заведений, заинтересованных в том, чтобы я что-то там вещала с кафедры, но время от времени мне все-таки хочется поделиться тем, что знаю, и поэтому, как только кто-то предлагает, мчусь.

Лекция – о нашей жизни и, конечно же, о бесконечной гражданской войне без всяких перемирий, идущей в моем государстве, – о второй чеченской, маниакально репродуцирующей терроризм для внутреннего пользования вот уже четвертый год подряд. Студенты задают удивленные вопросы: как же так? А я говорю о резкой радикализации отрядов чеченских сопротивленцев, о новом пополнении воюющих рядов за счет желающих мстить родственников замученных, убитых и похищенных людей, о том, что молодых боевиков уже не устраивает умеренность Масхадова, что над ним берет верх Басаев...

Итак, вбегаю в гостиницу, портье говорит, что мне звонили из Москвы, из газеты, в которой я работаю, что там что-то случилось... Звоню, говорят: «Захват заложников. Захвачен „Норд-Ост“. Что делать, никто не знает...» – «Кто не знает?» – «Никто не знает». – «А Путин?» – «Молчит». Наступает ночь, в гостиницу звонит Лена Милашина, наш корреспондент: «Террористы хотят, чтобы вы к ним пришли. Только что выдвинули требование. Вы должны сказать „да“ или „нет“ в прямом эфире телекомпании РЕН-ТВ – вам сейчас оттуда позвонят». Звонят. Говорю: «Да». Сын прорывается сквозь набравший силу обвал телефонных трелей: «Ты этого не сделаешь! Ты не делаешь! Мы не вынесем! Ты просто не понимаешь, что т творится!» Мы разговариваем плохо – обреченно, сын очень переживает, он устал переживать за меня, он уже даже не может выразить словами, как все, кто рядом со мной, устали от этих переживаний, от того, что их жизнь состоит из них... Сын просто свирепеет, не добившись от меня четкого: «Конечно, не сделаю».

Но позже именно он мне поможет больше всех остальных во всем, что будет касаться переговоров с террористами, он будет держать с ними связь по телефону до моего прилета из Лос-Анджелеса, за что после штурма к нему сядут на хвост фээсбэшники, слушая его телефонные разговоры... Но это – потом, после, а когда я, в перерывах между ходками в «Норд-Ост», буду сидеть в штабе...

Штабе – по чему? По каким делам? У меня так и нет ответа на вопрос. Скорее, наверное, штабе по захвату, гм по освобождению – как выяснится позже.

Так вот, я буду сидеть 25-го где-то к ночи в этом штабе с офицером по имени Женя, меня будет трясти, как в лихорадке, от страха и холода – полил, как назло, дождь, пальто мокрое, сушить негде... И вот тут-то опять позвонит мой сын и скажет, что «он подумал», и, наверное, будет лучше для всей ситуации – «террористы не придерутся, ведь правда?» – если именно он, а не кто-то ругой, будет таскать со мной в здание воду и сок, потому что он же просто сын, а не из спецслужб, и мы похожи, и в паспорте понятно, что сын, и «это успокоит террористов...»

Я передам наш разговор офицеру Жене – в том смысле, что, может, действительно, так будет лучше для всех? Ведь голова у всех в тот момент работала в одном направлении: как помочь, черт побери? *Как?* И Женя посмотрит на меня слишком внимательно и спросит: «Вы что, *того* хотите?» И только тогда я очнусь и отвечу: «Только через мой труп». И засмеюсь.

Почему – засмеюсь? Ведь на следующее утро, когда трупы станут развозить по моргам, а родственники упрутся в запертые ворота больниц, и все мы будем сгорать

на костре собственного бессилия помочь им, я приеду в редакцию и расскажу про сына с

его поздневечерним предложением накануне своему главному редактору, и Дима, наш главный редактор, заплачет: «Какие же у нас дети!» – а я вдруг пойму, что ночью засмеялась, и так стыдно, и чуть не втравила сына, и вообще, что у меня уже и слез-то не осталось... Не осталось после прожитого 2002 года – такого, каким он оказался. С бесконечными «зачистками» в Чечне, с непрерывной чередой увиденных трупов, с тем, что приходилось работать, как похоронная команда...

2 декабря, опять раннее утро. Звонок с «Эха Москвы»: «Прокомментируйте, пожалуйста, что в Чечне ночью убита глава администрации селения Алхан-Кала Малика Умажева». «То есть как – убита? Это достоверно?» И начинаю орать, потому что «достоверно».

Военные весь вечер накануне катались по селу на БТРах, а в полночь, в самый что ни на есть комендантский час, неизвестные в камуфляжах и масках вошли в дом Малики, вывели ее в сарай. Племянницы-подростки, которых она воспитывала после гибели брата, хватались за «камуфляжи», умоляли не убивать, но ничего не помогло – Малику расстреляли, и гады, поднаторевшие за войну приканчивать в том числе и 54-летних женщин с давлением, большим сердцем и вечно отекающими ногами, удалились.

Погибла еще одна моя «героиня», я писала о Малике. Единственной и неповторимой. О чем, конечно, знали не все. Потому что не хотели знать. Но какая, собственно, разница? Малика стала главой администрации одного из самых сложных чеченских сел – Алхан-Калы («бараевское» село, бесконечные «зачистки», расстрелы, изуродованные трупы), когда убили предыдущего главу. И разум вроде бы должен был ей твердить: «Сиди тихо, будь осторожна...» А она сделала прямо противоположное – стала самым смелым и отчаянным сельским головой в этой убийственной для каждого человека зоне военной анархии, какова Чечня. И то, как она себя вела, было подвигом. Одна, безоружная, выходила Малика против танков, вползающих в село. Одна, из всех сельских глав одна, прямо кричала в лицо прокурорам-предателям: «Вы – гады!» – прокурорам, испугавшимся генералов и просто фиксирующим пытки и уничтожения людей. А генералам, обманувшим ее и исподтишка убившим жителей ее села, она кричала: «Негодяи!» Она неистово воевала за лучшую долю для Ал хан-Калы.

И подобного не позволял себе в нынешней Чечне больше никто. Ни один мужчина. Какой бы пост с любой из воюющих сторон он ни занимал.

Ее, скромную в общем-то сельскую начальницу, избранную народным сходом, лично и люто ненавидел начальник нашего Генерального штаба большезвездный и краснолампасный генерал Квашнин. Причем ненавидел так, что плел о ней всякие лживые гнусности, используя для этого доступ к телекамерам. А она? А она шла только вперед по избранному пути и в ответ на квашнинскую ложь подавала на этого «военачальника» в суд, отлично зная, что против Квашнина бояться пикнуть почти все, кто заседает даже в Кремле, не то что живущие в Алхан-Кале. Зная, что Квашнин не прощает тех, кто его не боится...

Ее гнал Кадыров со своего «высокого» правительственного порога в Грозном. Потому что панически боялся говорить с ней, за словом в карман никогда не лезшей, ни при каких властях. Гнал, потому что знал, что называет она его не иначе как «народопродавцем», хорошо смотрящимся только на фоне своего кремлевского покровителя, но никак не на фоне того народа, который поставлен «осчастливить». И еще отлично знал: Малика сделает все от нее зависящее, чтобы не допустить Кадырова во «всенародно избранные» «президенты Чечни», куда он сейчас направился. А от нее зависели 20 тысяч голосов. И если бы 20-тысячная Алхан-Кала услышала от своей Малики, что за Кадырова не стоит голосовать, он бы потерял эти 20 тысяч...

Ее обожали односельчане – алхан-калинцы. А Кадыров не прощает тех, кого обожает народ, потому что его народ ненавидит, и Кадыров знает это отлично...

Я преклонялась перед Маликой, а потому иногда задавала ей глупые вопросы. Например: «Малика, как же

вы не боитесь быть такой смелой? Ну, ведь убьют же... Не те, так эти». И она отвечала: «Аня, пойми, я чувствую себя Данко...» И я тогда, это было нынешним летом, смутилась. Подумала: «Ну как можно про Малику, называющую себя Данко, написать в московской газете? Наши столичные циники начнут высмеивать...» И не написала...

«Мне очень стыдно теперь, что я не написала», – орала я в телефонную трубку, где на

проводе было «Эхо Москвы», сообщившее мне страшную новость... «Хотя бы сейчас пусть звучит: Малика была Данко! Слышите? Малика, которую убили, была Данко! Данко!»

Через некоторое время перезванивает корреспондент с «Эха Москвы»: «Знаете, у нас какие-то технические трудности. Запись не получилась...» Не получилась?... И я вспоминаю слова Малики с тем же ключевым словом: «Аня, какая шулерская война получилась! Кого я больше всего боюсь? Конечно, федералов. У них нет ничего святого. Как и у наших. Но наши – бандиты. А эти – от имени Конституции».

В тот день в Алхан-Кале лил беспробудный дождь. Малика сидела в своем так называемом кабинете в здании администрации, непрерывно ставила печати на какие-то бумаги, вносимые и выносимые алхан-калинцами, и всех слегка передергивало: то ли от сырости, то ли от знаний – ведь именно тут, за нынешним Маликиным столом, неизвестные расстреляли предыдущих глав алхан-калинской администрации, да и Малике постоянно угрожают, так что, говорили люди, человек с автоматом может впрыгнуть в окно в любой момент...

Малика, смеясь, тогда рассказывала еще: «Глава нашей районной администрации постоянно говорит мне одно и то же: „Лучше сама уйди со своего поста, ты меня компрометируешь, меня из-за тебя не повышают...“ А я отвечаю: „Не жди, дорогой. И не повысят. Потому что ты ничего не делаешь для своего народа в тяжелый для него момент“. Хотя, быть может, именно поэтому и повысят...»

Нет теперь Малики, и того главу действительно, наверное, повысят – задание «партии и правительства» выполнено. Как и представят к награде генерала Бронницкого, который обещал ей этим летом, что до следующей «зачистки» она не доживет: «Убрали трех глав администраций до тебя. И тебя пошлем туда же...» И – пальцем в небо...

А потом, наговорившись о страшном, мы пошли с Маликой на выпускной вечер в школу № 2. Она сказала напутственную речь 12 выпускникам – трем мальчикам и остальным – девочкам, всем им, которые недавно, вместе с селом, и с Маликой, раскапывали руины, где федералы взорвали тела их односельчан, выбирали руки, ступни, кусочки одежды, а мальчики участвовали в похоронах. Малика сказала обычные в таких случаях слова о выборе достойного пути, но в алхан-калинских интерьерах они были наполнены тем смыслом, который утерян в обычной нашей жизни. О том, насколько от этого выбора зависит сама жизнь – умрешь или выживешь. И что не осталось права на ошибку, и даже на компромисс...

Я вспоминала эти ее слова 25 октября: Мовсар Бараев, лидер террористов, захвативших «Норд-Ост», был из Алхан-Калы...

Заканчивается 2002 год. Праздники подкатывают незаметно, как всегда. Хочется жить. Но еще больше хочется выть. Желтые Ирины розы никак не вянут и стоят у моего стола, будто замороженные. В Москве очень холодно, резко и бесснежно. Будто зимой в пустыне: ветры, земля как камень, и никакого белого пуха.

Анна Политковская Декабрь 2002 г.

Еще один P. S. Совсем последний так уме вышло

5 декабря. Мрачный, в вечных сумерках Копенгаген – трудно подумать, что город ласковый.

Муниципальная полицейская тюрьма – серая, грузная и мрачная, с огромной каменной лестницей, уходящей куда-то очень далеко, в тюремное чрево, перерабатывающее людские пороки.

Стою и мерзну. Жду Ахмеда Закаева. Официальное сообщение Министерства юстиции Дании о его освобождении местные информагентства отстучали полчаса назад (Закаев был арестован 30 октября, по требованию российской Генеральной прокуратуры об экстрадиции за преступления, не подкрепленные доказательствами).

Закаева всё нет. Не по себе: может, опять что-то случилось?... Освободили – и снова арестовали?

Незаметно подходит какая-то почти бабушка. В руках сумка, с которой ходят за кефиром. Старенькая куртка. Объясняет, что я должна куда-то с ней пойти. Но почему – именно я?

Вокруг – много журналистов. И почему – именно с ней? Датский язык вперемешку с английским мало результативен для понимания. Но... Иду... Почему? Объяснить не могу...

Минут десять плутаем по извилистому центру Копенгагена. Я давно потеряла топографические ориентиры. Следы замечаем? Но кто на хвосте?... Елки в новогодних огнях к нашей нездешней тревоге равнодушны, повсюду олени скульптурки. Моя спутница восторгается предрождественским убранством, я же к нему плохо восприимчива. Наконец она делает знак остановиться – пришли. Куда-то надо подняться. Вхожу – какие-то люди. Улыбаются, показывают: «Вперед». Следую – с дивана встает Закаев. Мы оба обескуражены. Оказывается, адвокат увез его прямо из тюрьмы к себе домой – в эту квартиру с потушенным светом, и вот уже час Ахмед сидит тут и не слишком понимает, о чем говорят люди вокруг... Я вижу его, и первым делом в голове щелчок: «Я же обещала!»

– Ахмед, прежде всего, пока не забыла, выполняю то, о чем меня попросили летом. Помнишь, я брала у тебя интервью в Лондоне? И, когда оно вышло в газете, поехала в командировку в Чечню, и там ко мне подошла твоя бывшая сотрудница по Министерству культуры или телевидению – точно не помню, и попросила передать тебе привет от нее, где бы и когда бы я тебя ни встретила. Передать обязательно лично. Вот, собственно, передаю, раз встретились.

– Это кто? Тоиса, наверное?

– Да, она.

Мы начинаем смеяться. Привет от Тоисы в Копенгагене после тюрьмы! Мы смеемся над собой: дожили! Мы знаем, о чем говорим, употребляя восклицательные знаки. А датчане стоят вокруг нас, смеющихся на диване, силятся что-то понять о нашей жизни, но им это не дается: в чужой незнакомой квартире людей, говорящих на другом, неизвестном языке, московская журналистка, приведенная туда тайно и пешком, – оказалось, это просьба адвоката, который опасался, что Закаева могут выкрасть российские спецслужбы, вот и забрал из тюрьмы к себе, – так вот, я, журналистка из московской газеты, спешу передать одному чеченцу давно обещанный привет от другой чеченки, с которой им встретиться на этой земле сейчас невозможно...

В какую омерзительную войну мы все вляпались, как она всех нас перетасовала, и все может закончиться в один миг, и никто из тех, кто причастен к этой войне, не может быть уверен, где, когда и кого он сможет ещё встретить, и нельзя терять ни минуты своей жизни, и если есть привет – передавай, завтра может быть слишком поздно.